

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ ВЫРИЦКОМУ

О пречудный отче Серафиме, небесный жителю, Святаго Духа храм, ангелом собеседниче, святым сожителю! Призри от небесных обителей, идеже ты ныне водворяешься, на нас, чпущих святую память твою. Се бо мы, яко сущаго с нами, молим тя, отче, не забуди чад твоих, имже обещался еси не оставити их. Виждь, отче Серафиме, яко от дел несть нам спасения, жизнь наша иждивается, и богатства иного не имамы, разве скорбей, болезней и обспояний многовидных. Обаче и мы, поне и грешныя есмь, но Господа и Спаса нашего Иисуса Христа любим, и прощения грехов наших чаем. Темже припадаем тебе, и просим: молися за ны, отче Серафиме, яко дерзновение имея к Небесному Царю. Помяни нас, помощи твоея пребывающих, и умоли Господа Славы грехов прощение нам даровати, в жизни сем нас укрепити, делателей заповедей Божиих сотворити, спасение улжити и внити, аможе ничто нечисное не входит – в Царствие Небесное, идеже ты со всеми святыми в незаходимей славе воспеваеши Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу единосущную и нераздельную, царствующую во век века. Аминь.

Кондак

Избранный в конце веков возвеспити миру, яко жив Господь, свепильник во тьме сущим Богом утвержденный, упешение скорбящим, исцеление недугующим, прими сие похвальное пение чад твоих, отче: Радуйся, преподобне Серафиме, радости наша и утверждение.

Духовный Собеседникъ

2019 №3(101)

Председатель
редакционного совета
Высокопреосвященнейший Сергей,
митрополит Самарский и Тольяттинский

Редакционный совет:
Епископ Никифор (Хотеев)
Епископ Софроний (Баландин)
Епископ Фома (Мосолов)
Архимандрит Георгий (Шестун) – гл. редактор
Протоиерей Николай Манихин
Протоиерей Николай Агафонов
Архимандрит Вениамин (Лабутин)
Протоиерей Олег Агапов
Протоиерей Евгений Зеленцов
Протоиерей Игорь Макаров
Протоиерей Димитрий Лескин
Протоиерей Александр Урывский
Протоиерей Рустик Гузь – секретарь ред. совета
Протоиерей Алексей Подмарицын
Д. В. Сивиркин
Монахиня София (Бельчикова)
Ю. В. Изъятский

Над номером работали:
Монахиня Феофания (Купер) – ответственный секретарь
Мария Винникова – редактор
Анна Коваленко – редактор
Евгения Летучая – набор
Александр Филимонов – верстка

Адрес редакции: Россия, 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.
Почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.
Тел.: (846) 334-12-72, 336-84-41. Факс: (846) 336-18-99.
Эл. почта: redaktor@духовныйсобеседник.рф
Электронная версия «ДС» в Интернете: духовныйсобеседник.рф
Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви

СОДЕРЖАНИЕ

МОЛИТВА ПРЕПОДОБНОМУ СЕРАФИМУ ВЫРИЦКОМУ..... 1

СЛОВО ПАТРИАРХА

Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл
«Победа – это Божие чудо» 4

К ДНЮ ПОБЕДЫ

Напалья Нарочницкая
«Война народная, священная война»..... 7

ЖИЗНЬ ВО ХРИСТЕ

К 70-летию со дня кончины
прп. Серафима Вырицкого
«Радуйся, за землю Русскую,
врагом попираемую, моливыйся»..... 8
Митрополит Мануил (Лемешевский)
«Поминайте наставников ваших»..... 16

СВЕТ ПРАВОСЛАВИЯ

Свящипель Нектарий Эгинский
Тридцать пять пастырских писем
Часть I. Письма послушникам 38

Трибуна русской мысли

Александр Панарин
Исторический протест или адаптация
к современности 60

Историческая перспектива

Архимандрит Георгий (Шеспун)
Третий Рим пробуждается..... 84

В СВЕТЕ ИСТИНЫ

Алексей Величко
Война и мир в духовной жизни человека 92

Преображение души

Напалья Нарочницкая
Главный труд Солженицына – это его
внутреннее восхождение 102

Возвращение образа

Виктор Николаев
«Великое слово “прости”»..... 106
Волки 126

Росток

Виктор Николаев
Смешинки от Маринки..... 132

«ПОБЕДА – ЭТО БОЖИЕ ЧУДО»

Всех вас сердечно приветствую и поздравляю с великим праздником. Несомненно, по Божиему усмотрению этот день, 6 мая, в 1945 году совпал с праздником Пасхи и был воспринят всем нашим народом как День Победы. И мы знаем, что 9 мая была подписана капитуляция Германии. За победой нашего народа, 70-летие которой мы будем с вами отмечать, – неисчислимы беды и страдания наших людей. За всю историю человечества не было таких страданий. Ни один народ не отдал на алтарь победы 27 миллионов жизней. И сегодня эти 27 миллионов жизней вопиют к небесам, когда кто-то пытается украсть у них подвиг и украсть у них победу. Мы никогда не забудем, что именно наш народ сломал хребет страшному врагу, перед которым отступила вся Западная Европа и который был сломлен только благодаря мужеству и жертвам 27 миллионов людей, хотя и превосходил нас во много крат своей военной мощью, организацией и международной поддержкой.

Победа в Великой Отечественной войне – это Божие чудо. Достаточно представить, что буквально в нескольких километрах от места, где мы стоим, стоял враг – и не сумел войти в Москву. Тот самый враг, который покорил всю Европу, который был прекрасно вооружен и обучен! Конечно, мы преклоняемся перед подвигом наших воинов и всего народа, который встал на защиту Москвы и всей России. С человеческой точки зрения невозможно до конца объяснить эту победу. И Церковь, которая взирает на историю человечества сквозь призму религиозного восприятия жизни, свидетельствует о том, что победа в Великой Отечественной войне была Божиим чудом. Но чудеса никогда не совершаются на ровном месте. Никогда бы и этого чуда не произошло, если бы миллионы человеческих жизней не были отданы за победу, если бы весь наш народ не напрягся, отдавая последние силы для того, чтобы победить врага. И мы его, по милости Божией, победили.

И совершенно неслучайно, что окончание войны совершилось в день Пасхи Христовой и в день памяти святого великомученика и Победоносца Георгия. Как замечательно мы называем этого святого – не просто великомученик, но Победоносец, тот, кто приносит победу. Не только потому, что он одержал победу над злом, победу над своими мучителями в начале IV века, будучи мучим по приказу императора Диоклетиана, последнего римского императора, который гнал христиан, но еще и потому, что с его именем связываются очень многие победы. И знаменательно, что на гербе Москвы – его изображение.

Мы верим, что и победа в Великой Отечественной войне произошла, в том числе, по его молитвам за тяжело страдавший народ наш, прошедший в течение первой половины XX века страшными дорогами кровопролития, гражданских конфликтов, революций и войн. Народ, который так бережно хранил веру, казалось бы, эту веру полностью утратил, и нужно было раздаться этим страшным громовым ударам войны, чтобы вера православная во мгновение воскресла в сердцах людей. Множество солдат шли в атаку с именем Божиим. У скольких в форме было молитвословие 90-го псалма, которое бережно зашивали в гимнастерки матери, жены и сестры! Наш народ побеждал с молитвой, с верой. И эта жертва, и эта молитва не могли быть отвергнуты Господом, и невидимо Георгий Победоносец на своем белом коне вместе с нашим воинством вошел в побежденный Берлин.

И всякий раз, когда мы совершаем богослужение в храме на Поклонной горе, связанной исторически с нашими победами, – и в 1812 году над Наполеоном, и в 1945 году над другими завоевателями, – мы особенно молимся Господу и святому великомученику Георгию, чтобы он не оставил Отечество наше, чтобы народ наш никогда не отступал от веры отцов, но чтобы он, опираясь на эту веру, возрастал духом и становился непобедимым.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Домой, с Победой! Фото Михаила Савина. Июль 1945 г.

«ВОЙНА НАРОДНАЯ, СВЯЩЕННАЯ ВОЙНА...»

Подвиг только потому именуется подвигом, что совершается не за цену, без воздаяния. Тогда это подвиг. И хочу сказать всем, кто меня сейчас слышит: шапки оземь перед теми людьми и перед нашим государством! И хочу научить отвечать на все шипения по углам. Споры о том, плохим ли, хорошим, достойным, недостойным было наше то государство, неуместны. Потому что беда тогда случилась не с государством – политическим институтом, – а с Отечеством. А это не совсем тождественные понятия, хотя они, безусловно, в истории идут вместе.

Нам угрожало не просто потерять какой-то кусочек территории, лишиться какой-то материальной части достояния. Нам грозило перестать быть нацией – с культурой, языком, субъектом мировой истории. К нам пришли те, кто хотел «сгноить её пшеницы груды... и высосать моря и руды»¹. И для нации, на уровне интуиции сознания, без всяких призывов это ощутилось как угроза обесмысливания всех предыдущих исторических стояний: и за веру, и победу Александра Невского на Чудском озере, и подвиг Минина с Пожарским, который собирался заложить всё – жён, детей и жизнь свою, чтобы помочь Московскому государству (это из его речи, из его призыва), и изгнание наполеоновской армии.

И именно поэтому «ярость благородная вскипела, как волна» и объединила в одном окопе и тех, кто сомневался в революции, и кто ей радовался, и тех, кто её вообще не понимал. И это затронуло даже эмиграцию: Деникин и Рахманинов сочувствовали Красной Армии и желали ей победы. Это ли не высота национального самосознания! Они любили Россию больше, чем не любили советскую власть и коммунистическую идею. И они, как мать в притче о Соломоновом суде, предпочли на время – пусть она будет, Россия, с большевиками, чем увидеть её, растерзанную чужеземцами.

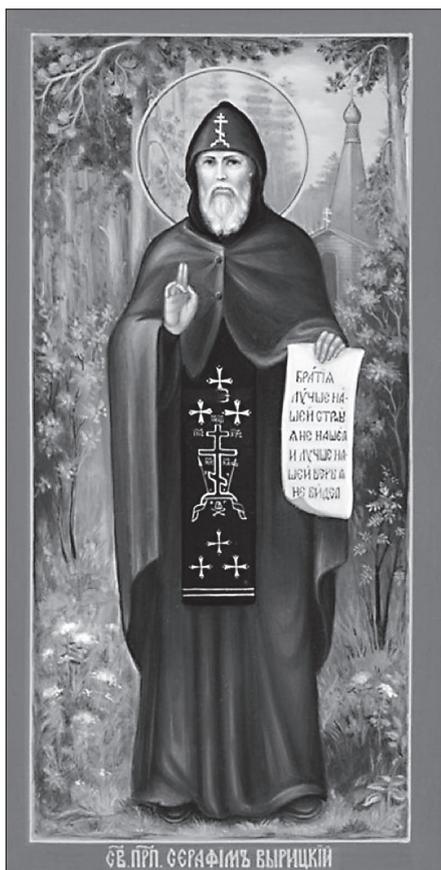
Поэтому мы должны этим гордиться и пить из этого бездонного источника национального единения и гордости, понимая, что наша нация показала миру такой пример общенационального сверхусилия, перед которым безильны миллионы пушек!

Фрагмент из программы «Воскресный вечер с Владимиром Соловьевым» от 27.01.2019.

¹ Максимилиан Волошин. Гражданская война (1919).

С первых дней войны отец Серафим открыто говорил о предстоящей победе русского оружия. Когда немецкие офицеры из расквартированной в Вырице части зашли в келью старца, он поразили их, свободно заговорив с ними на немецком языке. – В бытность свою в миру он сотрудничал с австрийскими и немецкими фирмами и часто ездил в Берлин и Вену. Офицеры спросили о Серафима, скоро ли немецкие войска пройдут победным маршем по Дворцовой площади. «Этого никогда не будет», – ответил старец. Сила молитв отца Серафима Вырицкого была открыта в 1947 году Митрополитом Гор Ливанских Илией (Салиб), который находился тогда в нашей стране. Он поведал о том, как «заступничеством Божией Матери была спасена Россия в войне 1941 – 1945 годов. Сама Пресвятая Богородица открыла Владыке (будущему Патриарху Антиохии и всего Востока Илие IV) имена некоторых праведников, чьими молитвами Господь помиловал Россию. Среди них первым Пречистая назвала имя старца – иеросхимонаха Серафима». В каком горниле выковалась такая твердость духа?

Родился будущий подвижник 31 марта 1866 года в крестьянской семье, в деревне Вахромеево Арефинской волости Рыбинского уезда Ярославской губернии. Крещен 1 апреля, наречен Василием в честь преподобноисповедника Василия Нового. Родители – Николай Иванович и Хиония Алимпиевна Муравьевы – радовались редким способностям, дарованным Господом мальчику. В самом раннем возрасте освоил он грамоту и начала математики. Первыми его книгами стали Евангелие и Псалтирь, любимым чтением – Жития святых. Нередко семейство Муравьевых совершало паломнические поездки, с особой радостью посещали Сергиеву

Преподобный Серафим Вырицкий. Икона

Лавру, в Гефсиманском скиту которой подвизался старец Варнава (Меркулов)¹, молитвенник, которого знала вся Россия. От него отрок услышал и навсегда сохранил в своем сердце слова: «Что бы ты ни делал, думай о Боге, и Бог поможет тебе». В десять лет Василий потерял отца и стал кормильцем семьи: сосед-односельчанин, работавший в Петербурге старшим приказчиком в лавке, взял его к себе на заработки. Он же помог ему устроиться рассыльным в одной из лавок Гостиного Двора. Видя сметливость и усердие мальчика, владелец конторы поручал ему все более и более сложные дела. Жалованье свое Василий почти полностью отправлял больной матери, сам же при первой возможности посещал храмы, причащался. Однажды отрок поведал старцу-схимнику Александро-Невской Лавры о своем заветном желании стать монахом. Старец сказал ему: «Васенька! Тебе суждено еще пройти мирской путь, тернистый, скорбный... Придет время, и Господь вознаградит тебя». Мысль о последующем принятии иноческого образа хранила юношу в соблазнах большого города, а когда ему, уже семнадцатилетнему, вновь довелось побывать в Гефсиманском скиту у отца Варнавы, который был тогда для России таким же светочем, как преподобный Серафим Саровский и праведный Иоанн Кронштадтский, то старец после продолжительной беседы благословил Василия быть его духовным сыном. Сынами отца Варнавы в то время стали не только многие митрополиты и епископы, но и сам Государь Император Николай II. Старец Варнава стал для Василия и отцом, и нежно любящей матерью. Двадцать лет продолжалось их духовное общение. Однажды Василий с печалью поведал старцу о благословении лаврского старца-схимника на жизнь в миру. «Чадо! – ответил ему духоносный отец. – Не его это была воля, но Божия! Да совершится она над тобою! Сейчас ты нужнее здесь – посмотри, сколько обездоленных и сиротствующих нуждаются в твоей помощи, сколько еще в России недостроенных обителей, храмов, богаделен. Храни ум, твори дела милосердия и угодишь Богу. Придет еще время, когда понадобится твоя чистая молитва за Россию и за весь мир...»

По благословиению старца Василий Николаевич Муравьев выбрал себе спутницу жизни, с которой обвенчался в 1890 году. Дело его

¹ Прп. Варнава (Меркулов) (1831 – 1906) – духовник братии Гефсиманского скита, стяжал дар прозорливости. Неиссякаемым потоком стекались к старцу Варнаве паломники со всей России. Среди духовных чад его были прп. Серафим (Муравьев) Вырицкий, епископ Трифон (Туркестанов), философ К. Н. Леонтьев. Прп. Варнава предсказал гонения и возрождение Русской Церкви в XX в. По преданию, старца Варнаву посетил в 1905 г. император Николай II, которого старец благословил на принятие мученичества. Патриарх Алексий II 19.07.1995 г. совершил в Троице-Сергиевой Лавре акт его канонизации. Мощи преподобного почивают в храме в честь Черниговской иконы Божией Матери Гефсиманского скита.

успешно развивалось и приносило немалый доход, он получил хорошее образование, окончив Высшие Коммерческие курсы, но в основу своей жизни молодая чета положила Евангелие, творя дела милосердия. На пороге XX века, когда лишь немногие оставались верны Матери-Церкви, Василий и Ольга Муравьевы свято хранили веру.

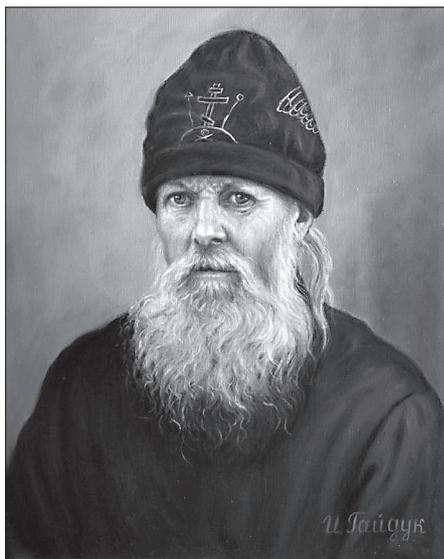
В 1895 году у них родился сын Николай, затем дочь Ольга, которая невинным младенцем отошла ко Господу. После её кончины супруги по обоюдному согласию стали жить как брат и сестра, что даже у первых христиан почиталось немалым подвигом. Но Василий и Ольга, руководимые святым старцем Варнавой, пребывали в непрестанных трудах и молитве и твердо держались избранного пути.

В 1903 году словно луч света просиял в апостасийном теплохладном мраке, все плотнее и губительнее охватывавшем Россию. Посреди лета Святая Русь запела Пасху, – в Сарове прославляли молитвенника и заступника, преподобного Серафима.

Молодые супруги на всю жизнь сохранили память о саровских торжествах, а Василий Николаевич, принявший впоследствии в схиме имя преподобного Серафима, не раз признавался в особой духовной близости к своему небесному покровителю. Радовался отец Варнава духовному преуспеянию своего «сынка», как ласково называл он Василия, и щедро делился с ним духовным опытом, готовя его к великому старческому служению. По благословению отца Варнавы монашество супругам Муравьевым суждено было принять не раньше того, как Россию постигнут за отступление от веры великие и страшные скорби и гонения, и это время пришло.

После переворота 1917 года, когда многие состоятельные люди спешили перевести свои капиталы за рубеж и покидали Россию, известный петербургский коммерсант Василий Николаевич Муравьев, подытожив свои мирские дела и пожертвовав основные капиталы на нужды Александро-Невской Лавры, Воскресенского Ново-Девичьего монастыря и Выксунского Иверского монастыря, основанного его духовным отцом Варнавою, принимает монашеский постриг в Александро-Невской Лавре с наречением имени Варнава, а в Воскресенском монастыре Петрограда в это же время приняла постриг с именем Христина его супруга.

Исполнилось заветное желание В. Н. Муравьева о принятии ангельского чина, а через год будущий священномученик митрополит Вениамин Петроградский возвел отца Варнаву в иеромонаха. Как великий дар Божий принял он свое иерейское служение, а вместе с ним – служение ближним. Так по молитвам духовного отца, старца Варнавы, приближался

Портрет прп. Серафима Вырицкого.
Худ. Ирина Гайдук

тот час, когда Господь призовет его «сынка» к служению всенародного старца-утешителя.

Подвизаясь в Александро-Невской Лавре, о. Варнава проходил послушания в горькие години утрат и гонений на светильников и отцов Русской Церкви, когда само существование Лавры – сердца православной жизни Петрограда – было под угрозой. Ближайшими его духовными сподвижниками в эти годы были наместник Лавры, будущий священномученик Григорий (Лебедев) и духовник Лавры, пропавший во время гонений без вести архимандрит Сергей (Бирюков). Более сорока лет подвизавшийся в обители, архим.

Сергий видел в отце Варнаве своего преемника, могущего понести бремя немощей братии и всего православного люда. Перед тем, как стать духовником братии, отец Варнава принял решение облечься в великую схиму, ибо становилось ясно, что пришел час, предреченный ему прп. Варнавой Гефсиманским, – час молитвы за Россию и за весь мир.

При постриге в схиму (на рубеже 26 – 27 гг.) он был наречен именем Серафим в честь преподобного Серафима Саровского, чудотворца, которому он всеми силами старался подражать в течение многих лет.

По принятии схимы на общем собрании братии иеромонах Серафим (Муравьев) был избран её духовным руководителем, но под его окормление в то страшное время устремилось и множество мирян, иноков, священников и архиереев Русской Православной Церкви. Приезжал к нему и архиепископ Алексей (Симанский). Когда архиеп. Алексей, опасавшийся очередного ареста за своё дворянское происхождение, спросил отца Серафима, не лучше ли ему уехать за границу, старец возразил решительно: «Владыка! А на кого Вы Русскую Православную Церковь оставите? Ведь Вам ее пасти!» Так за 18 лет до избрания на патриаршество указал лаврский схимник будущему Патриарху и образ служения и его срок – 25 лет.

На поприще духовника Александро-Невской Лавры схииеромонах Серафим (Муравьев) пребывал почти три года. Рекою потекло к нему

народное горе. С великой любовью старец, часами стоя на холодном каменном полу собора, на стенах которого выступал иней, исповедовал чад своих, забывая о себе. Но настал день, когда отец Серафим не смог подняться с постели. Митрополит Серафим (Чичагов), ознакомившись с заключением медкомиссии, немедленно благословил переезд старца в место, рекомендованное врачами. Этим местом оказалась Вырица. Туда же, по настоянию владыки, для ухода за старцем отправлялась схимонахиня Серафима (Муравьева). Так в годы, когда Русь от края и до края стала крестным путем для миллионов страдальцев, в Вырице воссиял новый светильник Русской земли.

С 1930 года до самой своей праведной кончины в 1949 году вырицкий старец иеросхимонах Серафим, практически уже не вставший с постели, с раннего утра до глубокой ночи принимал сотни посетителей. Обеспокоенные родные пытались оградить больного батюшку от этого нескончаемого потока, но отец Серафим твердо сказал: «Теперь я всегда буду нездоров. Пока моя рука поднимается для благословения, я буду принимать людей!» И он принимал, – без различия возраста, национальности, положения в обществе. «Милые, родные, любимые...», – слышалось в батюшкиной келье. В море его любви растворялись скорби человеческие. Упавшие духом, убитые горем люди выходили от старца Серафима возродившиеся и просветленные. По всей стране катились одна за другой волны жестоких репрессий. Прозревал старец все, что происходило на Руси, – видел ее, многострадальную, усеянную безымянными могилами безвинно пострадавших. Сораспинаясь народу-богоносцу, знал он, – и кого прикровенно, а близких открыто предупреждал о приближении великой войны, с началом которой принял на себя подвиг моления на камне. Как откровение от Господа, родились в его сердце накануне войны слова утешения и надежды:

Преподобный Серафим Вырицкий

*Прп. Серафим Вырицкий.
Фрагмент фрески домового храма Свято-Троицкой Александро-Невской Лавры.
Иконописец Дмитрий Мироненко*

Пройдет гроза над Русскою
землею,

Народу русскому Господь грехи
простит.

И крест святой Божественной
красою

На храмах Божиих вновь ярко
заблестит.

Откроются обители святые,

И вера в Бога всех соединит.

Великая Отечественная война вразумила на какое-то время богоборческие власти: вернулись для почитания имени святых русских князей Александра Невского и Дмитрия Донского, Козьмы Минина и Дмитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова, Павла Нахимова и Федора Ушакова. Но уже летом 1948 года положение Церкви вновь усложнилось: в силу вошло постановление ЦК ВКП (б) «О мерах

по усилению антирелигиозной пропаганды», а в сентябре по стране прокатилась первая после войны волна арестов священнослужителей.

И хотя новые удары по Церкви были слабее, чем пережитые ею в 20 – 30-е годы, но в конце сороковых уцелевшее в предыдущих репрессиях духовенство вновь разделило судьбу своего народа. И вновь направились в Вырицу многочисленные паломники. Старец призывал своих чад не смущаться успехами зла, называя тех, кто служат его орудиями, самыми несчастными из людей.

Время земного бытия подвижника подходило к концу. Ранним утром 2 апреля отцу Серафиму в проёме окна келлии явилась Пресвятая Богородица и правой рукой указала на небо. Сообщив об этом родным, багюшка благословил послать за священником. Причастившись Святых Христовых Таин, отец Серафим благословил читать Псалтирь и Евангелие. Иногда он справлялся о времени. Около двух часов ночи о. Серафим благословил прочесть молитву на исход души и, осенив себя крестным знамением, со словами: «Спаси, Господи, и помилуй весь мир» отошел к вечным обителям 3 апреля 1949 года, в день празднования воскресения праведного Лазаря, друга Господня.

Часовня преподобного Серафима в Вырице

Прославлен Серафим Вырицкий в лике преподобных в 2000 году на Юбилейном архиерейском соборе Русской Православной Церкви. И ныне, в семидесятую годовщину со дня вселения преподобного отца нашего Серафима во Царствие Небесное, мы обращаемся к нему:

Радуйся, за землю Русскую, врагом попираемую, моливыйся;
Радуйся, яко вторый преподобный Серафим на камени подвизавыйся;
Радуйся, преподобне Серафиме, радости наша и утверждение.

ЛИТЕРАТУРА

Акафист преподобному Серафиму Вырицкому// Акафисты святым Санкт-Петербургской епархии. Спб., 2005. С. 61 – 75.

Ильинская А. Преподобный Серафим Вырицкий// Ильинская А. Духовное наследие преподобного старца Серафима Вырицкого. Блаженная Любушка. Исповедница Анна. М.: Паломник, 2004. С. 9 – 140.

Соколова Л. И. Новые сведения о жизни преподобного Серафима Вырицкого на основе архивных материалов// XVII Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Материалы. М., 2006. Т.1. С. 182 – 191.

Филимонов В. П. Святой преподобный Серафим Вырицкий и Русская Голгофа. Спб.: Сатис-Держава, 2005. 336 с.

«ПОМИНАЙТЕ НАСТАВНИКОВ ВАШИХ»

АРХИВ МИТРОПОЛИТА МАНУИЛА (ЛЕМЕШЕВСКОГО)

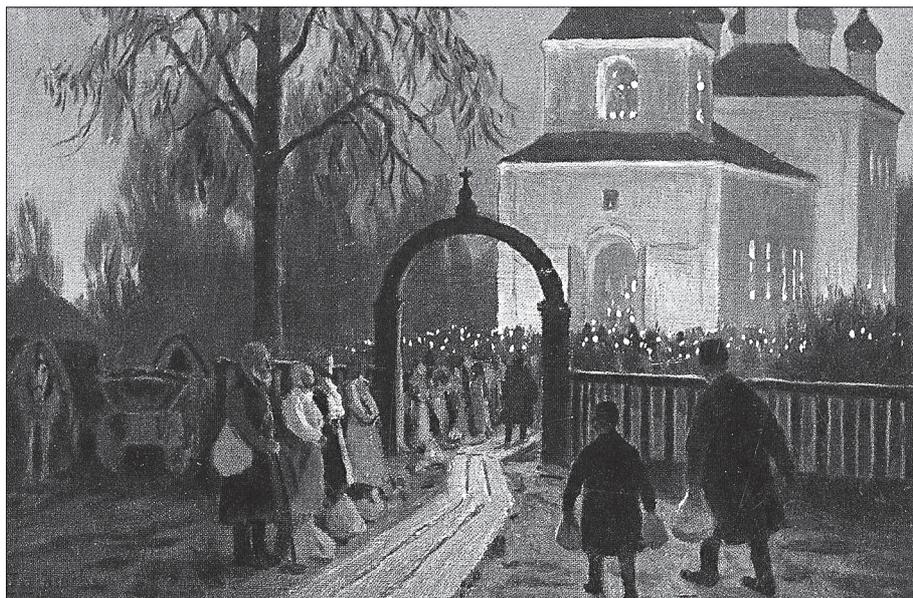
СЛЕПЕЦ ДАНИИЛ

Родился я в 1892 году 5 апреля в деревне Федоровка села Петровского Владимирской губернии Юрьевского уезда в первый день Пасхи в 12 часов ночи. Мамаша моя была в положении, все собирались на Пасху к заутрени, и ей тоже захотелось поехать, но все ее отговаривали: «Зачем ты поедешь, ты и не выступишь», – да и церковь была в Н. Переправы не было, гроза, ростепель, снег шел на убыль, пешком еще было можно пройти, а на санях увязнешь. Но она плакала и просила: «Я умру и не увижу Воскресение Христово!» Тогда отец уступил ее настойчивым просьбам, запряг лошадь и повез её: сам шел пешком, а лошадь вел под уздцы. Когда они подъезжали, то ударили в колокол.

Мамаша волновалась: «Господи! Опоздаем!» А отец говорил, что придется ехать обратно, хоть бы пасхи освятить. Лошадь поставил к воротам, а сам мамашу понес на паперть и поместил на колокольной ступени. Она никуда не двигалась, да и куда было двигаться, – кругом была густая толпа, а из церкви несло пение: «Волною морскою». Тогда папаша сказал: «Я пойду с крестным ходом и вернусь, тебя не оставлю. Он усердно плакал и молился перед Плащаницей; когда запели «Не рыдай мене, Мати!», Плащаницу подняли, Царские врата затворились. Полуношница кончилась, в это время вынесли жаровню и насыпали ладану, чтобы вся церковь наполнилась благоуханием в знак того, что мироносицы шли помазать Господа миром.

Папаша в это время стоял у Иверской иконы Божией Матери и плакал. Наступила мертвая тишина, только слышны были удары колокола, возвещавшие, что скоро отвалится камень от двери гроба и все увидим радость Воскресения Христового. В это время вышел священник на амвон и, обратясь к народу, сказал: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Мы стоим сейчас перед Самим Господом и лица у всех напряжены. Спросите себя каждый в это время: “Достойны ли мы предстоять перед Самим

Публикуется впервые. Продолжение. Начало в «ДС» № 1 (81). Воспоминания подготовлены к печати кандидатом исторических наук А. П. Семеновой по материалам архива митрополита Мануила (Лемешевского), предоставленным А. С. Ивановой.

Пасха. Худ. М. Гермашев

Господом?» Сейчас мы услышим пение «Воскресение Твое, Христе Спасе, Ангелы поют на небеси!»

Слезы у него полились градом, и все в это время заплакали, всех тронуло. «А мы стоим здесь на земле, и нас на земли сподоби, чтобы прославлять Тебя чистым сердцем. Очищено ли у нас сердце? Никто на это ответить не может, даже первый я, так как “Христос пришел в мир грешников спасти, от них же первый есть я.” Все по воле Божией, хотя мы и грешники, но все-таки дождались Воскресения Христова», – продолжал он. «Сердится ли кто на кого, там сказано: и ненавидящим нас простим вся Воскресением и всех простим, и тогда Бог простит наши согрешения», – на том батюшка и кончил. В это время взошел он опять на амвон и сделал распоряжения старосте, чтобы зажигали паникадила. Постепенно осветился весь храм.

Папаша мой взял икону Воскресения Христова, и все двинулись в ожидании на паперть, когда придет священник. У мамы так и упало сердце: «Вот не хотел идти, а пошел», – а ей делалось все хуже и хуже. Вот открылись Царские врата. Священник с диаконом и псаломщиком в стихарях во главе хора, Крестный ход двинулся и запели ту самую песнь: «Воскресение Твое, Христе Спасе!» Но народ не двинулся, так как опасались давки, в Крестный ход пошли те, кто не вошел в Храм, хотя у нас ограда и широкая.

Выходили на паперть постепенно, затем Крестный ход вернулся, вошли на паперть, священник запер дверь на ключ и сказал, чтобы все успокоились. Наступила такая тишина, что пролети муха – слышно. Даже дождик на улице был слышен. Диакон взял благословение у священника и начал: «Благослови, Владыко». Священник произнес возглас: «Слава Святей!» – и в это время огненный клубок пошел по всему паникадилу ходить, свечи в руках богомольцев зажглись, и полилось пение: «Христос Воскресе!» Когда все пропели, священник открыл дверь и крикнул на весь храм: «Христос Воскресе!» И кругом храма полилось: «Христос Воскресе!»

Кто не был на Крестном ходе, все двинулись в церковь, чтобы продолжить радостное пение, а папаша не пошел, он подошел к мамаше. Возле нее стояло несколько человек, а мамаша лежала без чувств. Люди говорили, что она потихоньку пела: «Христос Воскресе!» Тут папаша растерялся, не зная, что ему делать. В руках у него была пасха. «Вот так задача! Куда же мне теперь деваться-то?» – говорил он. Вдруг подошла незнакомая ему женщина, Зиновия Красногорская, и сказала: «Вези ее скорее к нам! Я сама с ней поеду. Теперь не ваше дело, я сделаю все, что надо, стой тут, только лошадь отвяжи и приготовь». А мамашу взяла, положила в сани и села рядом.

Папаша её благодарил: «Спаси тебя, Господи! Тебя Бог послал для меня!» – «А ты иди скорее к заутрени, лошадь будет у меня!» И отец пошел, с трудом пробираясь сквозь толпу: когда он пришел на свое место, к иконе Иверской, то все уже поздравляли друг друга с праздником: «Христос Воскресе!» А у него на уме была лошадь: «Да приведет ли она ее?» Но вот закончилась заутрени, а известий еще нет. Кончилось пение первого гласа и начался перерыв. Все подходили друг к другу христосоваться.

В это время отец подошел к священнику, который вышел из алтаря. Священник спросил его: «Почему твоя Стефанида была сегодня в церкви-то, когда нельзя ей здесь быть!» Папаша со слезами на глазах сказал: «Батюшка, простите! Она и не входила в церковь!» Зиновия Пискарева Красногорская увезла её и лошадь-то не ведет»... Но священник сказал ему: «Она у церкви стоит, лошадь-то, ест сено, пойдем скорее вместе!» И они отправились. Лошадь стояла преспокойно. Отец бросился к ней. Зиновия слезла с нее, радостно смеясь. «Что!? – спросил папаша. – Али восточку несешь какую?» – «У тебя сыночек родился! Насилу я успела довести, чуть лошадь не свалила, в гору-то я ее гнала по камням, по земле, вся в пене. Я ее оставила у себя на дворе, чтобы она отдохнула, а сейчас снегу-то нет, а то не бери ее до вторника!» – «Зиновьюшка! Да как же не брать: забота, трата вам будет!» Но она сказала, что мать растрясешь

по камням. «Я только жалею, что не застала заутрени, хоть кончика, а когда мы поехали, то хлынул проливной дождик».

Но папаша ее не слушал. Он ждал только священника, когда тот пойдет из дому. Он с ним встретился и сказал ему: «У меня теперь сыночек есть!» Священник строго запретил папаше чрезмерную радость и сказал, чтобы он забыл эту свою радость и соединился с общей радостью. Тогда папаша зашел в церковь и начал делать земные поклоны, так что священник, читавший молитвы перед Царскими дверями вынужден был подойти к нему со словами: «Воскресе Христос и пали демоны, – у нас с тобой радость, а ты земно кланяешься, хочешь к демонам причислиться. Вот у нас Даниил теперь есть преподобный и во вторник мы твоего сына окрестим. Только где он?» Отец сказал, что в Красной горе, тогда священник успокоился и сказал: «Так-так, не бери его до вторника, она вам все сделает, Зиновия, метрическую запись я сделаю после...»

После моего рождения прошло уже шесть месяцев, и мамаша моя ходила со мной везде. Она меня в четвертый день воцерковила, а когда принесла домой, день был жаркий, и она меня положила прямо на лужок у двора. Я заснул. В это время подошла сестра Ольга, которой было только шесть лет, крикнула и схватила меня. Я заплакал, и глаза, говорят, у меня «запрыгали», весь я затрясся, как осиновый лист. Когда мамаша увидела, то начала ее бить, но дедушка мой, ее свекор, начал ее уговаривать: «Ну что ты из дуры выбьешь, она сама-то ещё маленькая». Глаза у меня продолжали «прыгать» в продолжении двух месяцев и днем и ночью. Меня нельзя было даже взять, так как я кричал, вздрагивал и начинал вырываться.

Мать говорила о Николаю: «Батюшка! Помолитесь, чтобы он умер! Как ему тяжело-то!» Но батюшка строго пресекал эти ее слова и говорил: «Если он не будет таким, он будет шатающимся, но он у тебя будет около церкви всю жизнь. Не пришлось бы нам с тобой у него просить комнаты, а ты просишь его смерти!» Так он ее успокаивал. Трясение глаз все продолжалось. Люди давали разные советы: кто говорил, что нужно всыпать соли, так как едкая соль пробьет слезу, другие – натереть редьку и пустить в глаза сок, так как редька сильно помогает.

Одна пришла к нам богомолочка, которая советовала обратиться к о. Пимену в монастырь Архангела Михаила, что он скажет, куда направит. И если он не поможет, то неизвестно, кто и поможет.

А отец не спал все ночи, молился мученику Пантелеимону, чтобы он устроил так, как Господу нужно. И он действительно устроил. Перед Троицким днем, в четверг, папаша заснул и видит во сне, что стоит он в часовне мученика Пантелеимона. В это время подходит к нему какой-то старичок, в правой руке у него дымящееся кадило, а в левой – кисточка,

Юрьев-Польский Михайло-Архангельский мужской монастырь

обильно обмакнутая в масле. Он подошел и сказал: «Что же ты плачешь? Ведь ты же сказал, чтобы устроилось, как Богу угодно, только солью и редькой не трите. Если вы хотите сохранить ему оставшуюся каплю света, то поезжайте к о. Пимену, а там уже куда он вас направит». Папаша от слез и отсутствия сна лишился глаз. Старичок помазал ему глаза и сказал: «Больше не плачь!» Проснулся отец, чувствуя себя бодрым и свежим.

В ближайшее Воскресенье родители со мной поехали в Архангельский монастырь. Как только мы стали входить в собор Архангела Михаила, о. Пимен из алтаря вышел к нам без доклада и говорит: «Что же ты плачешь, мамаша, ты должна радоваться, что у тебя сын такой, он у тебя будет Бога хвалить!» Папаша рассказал, как меня напугали в шесть недель. Отец Пимен сказал, что сестрицу бить не нужно, она тут не в причине, а «трясение я остановлю, вот вам капли, пускайте их шесть раз в день, а деревенские басни не слушайте. И все-таки вы его полечите, в Москву с ним съездите».

Родители от о. Пимена поехали с облегченным сердцем, стали пускать капли, трясение остановилось. Я рос хилым и вялым. К году я начал ходить. Тут начинает выплывать что-то из тумана: передо мной домик небольшой в четыре окошка. Трубы у нас тогда еще не было, а когда начинали топить печку, то из двери выходил дым по-черному.

Однажды к нам пришел странник. Дело было в Масленицу, в феврале месяце. Погода была такая интересная: днем пригревало шибко, а ночью пробивал мороз. И вот, в один из таких вечеров, он к нам пришел, постучался. Я отворил. «А, – сказал странник. – Божий отрок!» Я ему сказал: «Дяденька! Иди погрейся!» Он вошел в избу и сказал: «Как у вас тепло!» Мамаша посадила его в самый перед. Затем он спросил: «Что, ваш сыночек?» Мамаша сказала: «Не видит!» – «Давно ли?» – «Да с рождения

не видит!» – сказала мамаша и заплакала. «Съездили бы к Иисусову Кресту, около Ростова есть местечко такое», – посоветовал странник. «Да на чем ехать-то, у нас денег нет!» – «Да на своей лошади! Вот будет потеплее, и съездите с ним!»

По прошествии первой недели Великого поста мы стали собираться. Дни стали теплее. Брат, который был старше меня, плакал и просился с нами, решили взять и его, и в один из мартовских дней выехали. Мы приехали только на другой день и остановились напротив церкви в номерах.

Мне говорили, что Иисусов Крест изображен как живой, и я боялся к нему идти: вдруг он осветит своей молнией и не будет меня! Мы пришли в храм, где был Иисусов Крест. Мне казалось, что бегают какие-то огненные пятна, которые прожигают мое тело, а когда приложился к Распятию, то мне показалось, что Крест двинулся под моими губами. Крест теплый был, такой теплый, как человек!

Крест явился на болоте, которое высохло в одну ночь. Затем был выстроен на нем храм. Ростовский уезд, Ярославской губернии, Погост, Иисусов Крест, – так это место называлось. Как явился, так и остался на том месте. В ночи было молебствие назначено в монастыре. По Божьему произволению болото исчезло и Крест остался среди окаменелой ровной площадки. Тут впоследствии был выстроен замечательный Храм Воздвижения Честнаго Креста Господня и явления Креста на небе. Тут мы пробыли трое суток. Я боялся причащаться, но когда причастился, то мне казалось, что я принимаю какое-то горячее тело и после мне становилось радостно. Я привык к Церкви так, что запомнил дорогу и один ходил. Папаша сказал, что надо уже ехать обратно. Опять ни с чем!

Приехали домой вечером, мамаша, увидя меня, сказала: «Не исцелился!» Папаша ее успокаивал: «Советовали еще съездить в Углич». А мне пришло письмо из Москвы. Пишут, что на этот год там выстраивается клиника и мне можно попасть в глазное отделение. Надо было ждать! Приходил о. Пимен и спрашивал обо мне.

*Иисусов Крест из Никольского погоста.
Около 1467 г.*

Павлово-Посад. Торговая площадь, вид на Воскресенский собор

Наступила весна, а за нею жаркое и грозное лето, от гроз многое выгорело. Это было мое любимое время, так как я очень любил грозы. Я все ходил под проливным дождем, и стоял под ним, пока не приведут домой, а мне хотелось, чтобы это лето продолжалось всю жизнь, и гремели грозы. Но потом наступило жаркое-прежаркое лето, таких я еще и не видывал. Целые дни я просиживал у двора, и все почему-то один, все меня чуждались, отнекивались, как от какого-то чучела. Я не знал, что и делать, и куда мне деваться. Все говорят, что они что-то видят: какие-то цветы, зелень прекрасную, Божий мир, а я – ничего. Немного-то я видел, и мне казалось, что этого довольно, но люди говорили, что я ничего не вижу, и это меня расстраивало. Но вот получили мы письмо из Троицы Сергиевой Лавры, чтобы показаться врачу.

ДЕВИЦА АННА

В Павловском посаде на французской фабрике жила фабричная девушка Нюша. Всегда за советом и благословением ходила она к м. Серафиме¹. Заболела как-то у нее сильно голова. Приходит Нюша в воскресенье к матушке и говорит: «Матушка Серафима! Как у меня сильно голова болит!» Матушка ей сказала: «Нюша! Не откладывай! Скорее причастись и пособируйся». Пришла Нюша домой, еще хуже ей стало.

¹ О схимонахине Серафиме читайте в «ДС» №3(89) за 2017 год. С. 20 – 55.

Скорее по совету матушки причастилась, пособоровалась и после этого слегла в постель. Положили ее в больницу. Был у Нюши родной брат, но никаких вестей от него не было, – пропал на войне. Лежит она в больнице и видит сон: приходит к ней пропавший брат с Ангелами и мучениками. На всех белые парчовые ризы, подпоясанные крестообразно розовыми поясами, в руках – толстые красные свечи. «Нюша! Я в числе мучеников! – говорит ей брат. – Я имею дерзновение пред Господом и выпросил тебя у Него с нами жить. Готовься в путь: нынче в 4 часа я за тобой приду». И все пропало. Проснулась Нюша: как живого видела она брата. Рассказала сидевшей около нее матери свой сон и говорит: «Я сегодня в 4 часа умру. Не уходи домой, побудь со мной!» Не поверила ей мать: «Вот еще, снам верить! Голова заболела, а ты уж умирать собралась!» – и ушла домой. А Нюша ровно в 4 часа скончалась.

Рассказ монахини Елены в 1931 году

БОГОЛЮБЕЦ ПЕТР ЕГОРОВИЧ СМИРНОВ

Петр Егорович Смирнов родился в деревне Чварово, Можайской губернии Сергиевского уезда. [Был благодетелем, боголюбив, исцелял болящих. – *Митр. Мануил (Лемешевский)*]. Творец Иисусовой молитвы. Имел дар молитвы, по которой исцелял людей. Творец тайной милостыни, Петр Егорович Смирнов, был из крестьян. Родителей его звали Егор и Феодосия. До 17 лет работал у дяди в конторе, а потом 35 лет рабочим на ткацкой фабрике. Нигде не учился, но обладал таким талантом, что читал на иностранных языках: на немецком и латыни. Все удивлялись, какой он образованный человек, хоть и самоучка. В последние годы работы на фабрике был ее директором. Женат, имел троих детей. Женила его насильно бабушка, а сам он хотел идти в монахи и жить для Бога. С шести лет остался сиротой, жил у родных. Денег давали они ему мало, притесняли и просить у них лишнего он не смел. По ночам много молился. Это не нравилось врагу рода человеческого, и он бил его, кидался ведрами, чтобы застрашать и отлучить от молитвы. Но крепка была вера и любовь к Богу Петра Егоровича, все козни переносил он с большим терпением. После смерти жены хотел идти странствовать, читать по покойникам Псалтирь, но дочка его упросила остаться жить с ней, на что он и согласился. В последние годы своей жизни, когда у него отнялись ноги, сокрушался: «Это Господь наказал меня за то, что я не пошел в монахи и не исполнил обет идти странствовать после смерти жены».

Роста Петр Егорович был высокого, худой, с большой седой бородой. Глаза черные. Вид строгий, хотя говорил ласково, но безобразников обличал строго. Вся жизнь его была направлена на милосердие

к ближнему, много лечил он людей травами от разных болезней, но никогда за это не брал денег на свои личные нужды. «Поди в церковь или свечку поставь за помин души моих родителей», – так говорил он исцеленным. Если его приходили благодарить за исцеление, говорил: «Я недостойный, грешный человек. Благодарите Господа, а деньги отдайте бедным или в тюрьму». Однажды вдова, которая к нему часто ходила, рассказывала: «Прихожу я к нему, а было это под Троицын день, тепло, травка зеленая покрыла всю землю, солнышко сияет, хорошо все кругом. Вышел Петр Егорович на завалинку. Такой радостный, смеялся. Посмотрел на зеленую травку и говорит: «Господь уже по травке ходит...» Задумался и продолжил: «Вот этой травкой и лечиться хорошо, по росе ходить...» Замолчал, подняв сияющие глаза к небу, и долго смотрел в далекую синюю лазурь. О чем он думал в эту минуту – неизвестно, а я его не спросила, боясь нарушить благоговейное молчание». Вся деревня любила его и пользовалась его советом, постоянно толпился у него народ. Особенно он любил бедных и нищих, и никогда не оставлял себе никаких запасов и денег. Скажет дочке: «Анюта, отдай там все что есть, а завтра нам Господь пошлет». За это дочка часто на него роптала.

Однажды был такой случай: пришел к нему один коммунист и попросил полечить его от лихорадки. Тогда Петр Егорович сказал: «Я смогу помочь тебе только в том случае, если ты будешь пить мое лекарство с молитвой и верой». Поставил его перед иконами и сказал: «Проси у Господа прощения, и Он даст тебе исцеление». Коммунист упал на колени, плакал и каялся в своих грехах. Тогда Петр Егорович дал ему чаю с какой-то травкой и, выпив чаю, тот почувствовал себя лучше, лихорадка его оставила. В благодарность он дал много денег, которые Петр Егорович отдал бедным. Дома же на обед ничего не было. Дочка отругала отца за это, а он и говорит: «Будут, будут деньги, Господь пошлет». Наступил другой день, а ничего нет, дочка опять ворчит. Ничего он не ответил, только с еще большей верой обратился молитвенно к Богу. Через некоторое время приезжает опять выздоровевший коммунист и привозит с собой другого больного, и тот тоже оставил деньги, – и обед неожиданно появился.

Очень много народа Петр Егорович поддерживал и утешал. Молился за всех, особенно за врагов, плакал даже о них. Когда говорили о дурном, то он как будто не слышал этого, но как только услышит, что говорят о Боге, сразу загорался и много говорил сам. Если хлеба не было, а народ приходил пообедать, то он говорил: «Ничего, Господь пошлет...», – и всегда всем хватало. Как-то раз в мае, в день празднования иконы Божией Матери «Троеручица», пришло к нему в дом тридцать человек. А так как у них в доме запасов никогда не было, и магазины были

закрыты, то Анюта опять возроптала, а отец сказал ей: «Ступай, принеси из погребка селедки, яблочек и огурцов». И перекрестился. Пошла Анюта с одной женщиной в погреб и видят, что ничего там нет. Вернувшись, сказали Петру Егоровичу об этом. А он с еще большей верой перекрестился и послал их опять в погреб, чтобы хорошенько поискали. Пошли они опять и принесли целое ведро яблок, откуда они появились неизвестно... Перекрестился Петр Егорович и возблагодарил Господа.

Принимал он участие до своей болезни в делах церкви Петра и Павла, что на Преображенке. Был деятельным членом церковного совета. Молитвенное его правило было такое: Акафист Спасителю и Божией Матери, Евангелие каждый день и Апостол. Иисусову молитву 1000 раз, канон Ангелу Хранителю и Божией Матери. Целый день он молился. Жил со всеми в мире. Имел дар слез, горько оплакивал свои грехи. Бывало, его духовник скажет: «Будет вам, Петр Егорович плакать-то». А он сокрушенно отвечал: «Батюшка! Да мало еще! Я так не могу, как Ефрем Сирий, оплакивать свои грехи...» Очень много читал и обладал замечательной памятью. Когда к нему приходил человек, то Петр Егорович все ему говорил заранее и многое из книг. В среду и пятницу ел только немного хлеба, и то к вечеру. Часто испытывал он жуткий страх, делался белый, как воск, и читал «Живые помощи». Не спал ночами. О снах своих рассказывать не любил. «Грех, не буду говорить про сны», – скажет. «Ни на кого не надейся, только на Божию Матерь, не поддавайся искушениям и повторяй Иисусову молитву», – наставлял он одну вдову. «Если придет трудное время и погонят тебя из квартиры в квартиру, ты унынию не поддавайся, не падай духом, а благодари Господа в сердце своем и почувствуешь такую радость, которую ничто не может заменить... А если поддашься врагу, то погибнет все, над чем мы трудились перед Господом», – говорил он ей же, и сам плакал. Сына ее учил: «Слушайся маму, и будешь Божий ребенок!»

Плакал Петр Егорович, когда думал о смерти и говорил при этом: «Скажи, Господи, кончину мою». Как заслышит первый удар колокола, так и станет читать молитву: «Да будет благословен Господь Бог...» После причастия был всегда в торжестве, сиял, как именинник: «Какая радость сегодня! Как Пасха! Я с Христом! Недостоин, грешен, но Господь умилосердился надо мною...» Скорбел он о каждой душе. Когда поссорится дочка его Анюта с кем-нибудь, он сокрушался: «Враг забрался к ним!» – и призывал Господа и Ангела Хранителя. А как перестанут ссориться, так скажет: «Ну слава Богу! Удалился!» Если это была монахиня, то скажет ей: «Дорогая мать! Дорожите временем, зачем вы так...» Почитал он Богородицу и всех угодников Божиих.

Келейка его была маленькая, вся завешанная иконами святых. Посередине св. Параскева. Обстановка бедная. Жил он со своей дочкой в двух комнатах около Преображенской заставы. Народ, который ходил к нему, очень его любил и называл «радушник наш!» «Кто нам теперь совет даст?» – печалились многие после его кончины. За год до смерти было ему видение на великомученицу Варвару. Сидели все за столом, пили чай. Вдруг он побледнел, как полотно: «Дочка, ты видела? Моисей пророк подходил, посмотрел мое сердце и сказал, что я проживу еще годочек...» В другой раз, когда вечером он лежал в постели, вдруг опять побледнел и сказал: «Анюта! Я сейчас Страшный суд видел!» До этого минут пятнадцать всё крестился. «Престол для Спасителя приготовили... Все стоят, трепещут», – больше ничего не говорил, а дня три все плакал...

Петр Егорович хворал три года, обезножел, ревматизм его мучил, из-за которого у него было больное сердце. Очень сокрушался он и плакал, что не может ходить к обедне и ко всенощной, слабость у него при этом была такая, что с трудом держал ложку, и его кормили. Десять дней хворал он перед смертью, а в день кончины в 10 часов утра почувствовал, что умирает. Пришел батюшка, причастил его и стал читать отходную молитву, при последних словах которой Петр Егорович стал дышать все реже и реже, взглянул на Богородицу и отошел к Богу. Умирал он весело, радостно, в полной памяти, словно в гости уходил. Призывал в последние минуты Божию Матерь, Михаила Архангела и всех святых. Все плакали, кто был при нем, а он, как отошел в небесную обитель, похорошел с лица. Много собралось народа на его похороны. Монашенки, которые почитали его, читали Псалтирь. Перед кончиной его какая-то порченная кричала: «Ишь какой великий-великий лежит, ишь какой!» Одна матушка была больна и лежала в постели, но очень захотела почитать над Петром Егоровичем Псалтирь, а когда почитала, почувствовала себя здоровой и сказала Анюте: «Твой папа меня исцелил». Народу на похоронах было очень много. Похоронили раба Божия Петра на Преображенском кладбище.

На девятый день приснилось Анюте, будто сидит он в углу и читает, а потом говорит ей: «Дочка, пойдем со мной. Ты одна не найдешь дорогу, далеко ведь». И все пропало. Умер 15 ноября 1931 года.

Записано 4 декабря 1931 года

КУЗЬМА ШИБАЕВ

Один благочестивый крестьянин из деревни Микинино Бежецкого уезда, Кузьма Шибаетов, за три дня до смерти видел сон, предвещавший ему кончину. Снилось ему, что около окна на лавочку сели три Ангела. Один говорит: «Если утром придем за его душой, то слишком рано».

«Если вечером, то поздно», – возразил другой. «В 3 часа возьмем его душу к Богу», – решил третий. После этого подошла будто его сестра, монахиня Алексеевского монастыря, которая была в то время в Москве, обняла его за плечи и сказала: «Братец, готовься. Через три дня в три часа за тобой придут...» И ровно через три дня, 21 августа 1911 года, в три часа он умер.

Записано 27 сентября 1931 года со слов сестры покойного

ШУРА МОСТРОВАЯ

Родилась Шура в 1896 году в Киржачском районе Владимирской области. В 1932 году Великим постом ехала Шура с племянником в трамвае по Москве. В трамвае лопнули провода и раздался громкий звук, похожий на выстрел. Из пробок вылетел огонь и пошел по воздуху серединой трамвая. Все пригнулись, сторонясь от огня. Шура эта жила с родною сестрою, тоже девушкой, с сыном брата, который ехал с нею. Да еще они с сестрою воспитывали двух сирот-племянниц восьми и четырех лет. Во время взрыва Шура увидела перед собой родную сестру и младшую племянницу Лидию. Ей стало их так жаль и в страхе она крикнула на весь вагон: «Господи! Спаси меня и ради меня и всех!» После этого она стала вслух читать псалом «Живый в помощи Вышняго». Прочитала несколько слов, а огонь все приближался. Тогда она опять крикнула на весь вагон: «Господи! Спаси меня и ради меня и всех!» И тут же, после второго ее возгласа, огонь, не дойдя до нее, повернул обратно и тем же путем вошел туда, откуда вышел, устыдясь, по словам Шуры, имени Божия. Огонь не причинил почти никому вреда, кроме девушки-кондуктора, которой повредил глаза, да еще у одного пассажира загорелся воротник, а у другой пассажирки – платье. Шура рассказывала после, что она не заметила, как вслух молилась, ей казалось, что она все говорила про себя.

Шуре тогда шел тридцать шестой год. Девицею Шура была очень веселою. Сестра, с которой она жила, как-то ей сказала: «Какая ты бойкая! Все ездят в Зосимову¹ к батюшкам, поедем и мы с тобою, может ты посмирнее будешь...» Было это приблизительно в 1920 году. Как только Шура приехала в Зосимову пустынь, то исповедывалась у о. Иннокентия. Отец Иннокентий дал ей листок «Плач о грехах». Прочитала этот листок Шура и стала плакать, что она грешнее всех, раз ей дали такой листочек. Наплакавшись, она опять пошла к о. Иннокентию. Он ее утешил.

¹ Смоленская Зосимова пустынь в честь Смоленской иконы Божией Матери основана в конце XVII в. старцем схимонахом Зосимой. В 1867 г. монастырь был приписан к Троице-Сергиевой Лавре. С конца XIX в. при схиигумене Германе в монастыре зарождается старчество по образу Оптиной пустыни. В 1894 г. заложен собор в честь Смоленской иконы Божией Матери с двумя приделами. В 1923 г. монастырь был закрыт. Возрожден в 1992 г.

Первая поездка Шуры в Зосимову была Великим постом, а на Пасху Шура должна была выйти замуж. После разговора с о. Иннокентием Шура стала просить Божию Матерь, чтобы ей приехать на Пасху в Зосимову пустынь. И когда она приехала на Пасху, то твердо решила оставить мирские развлечения и молилась Матери Божией, чтобы ей, как вернется домой, захворать и не выходить до начала полевых работ, когда гулять уже некогда.

Так и случилось. Она слегла по приезду в постель и хворала до начала полевых работ. Родные были против такого ее серьезного настроения, а семья была большая, десять человек, так что ей приходилось одеваться и идти на гулянье. Если она уходила из дома одна, то шла не на гулянье, а еще куда-нибудь, а когда за ней заходила подруга, то приходилось идти с ней. Не доходя ста шагов до места гулянья, Шура видела, что она как-будто проваливается в глубокую темноту, откуда доносится страшный шум. Шуру так это поразило, что она не могла дальше идти, у нее спирало дыхание и шедшая с ней подруга рассказывала, что у Шуры в это время менялось лицо, становилось черным. Шура говорила подруге, что она видит, но подруга ничего такого не видела.

Мать говорила Шуре, что если она не выйдет замуж, то убьет ее этим. В семи верстах на приходе был иеромонах Троице-Сергиевой Лавры, о. Иона. Мать во время говения стала ему жаловаться на Шуру. Отец Иона сказал ей: «Если ты возьмешь на себя грехи дочери, то выдавай ее замуж». Придя домой, мать сказала отцу: «Надо дать ей свободу». Шура получила свободу, но у нее обнаружилась болезнь: ей как-то пришлось тянуть сено и от напряжения у нее развился рак матки. Врачи предлагали операцию, но Шура отказалась и поехала за благословением к о. Иннокентию. Отец Иннокентий не благословил Шуру на операцию. Он взял воды от преп. Серафима Саровского и велел ей пить. Шура так была слаба в то время, что не могла ехать сидя. Когда же вернулась она домой и выпила воды, то сразу почувствовала облегчение. После этого она пешком ходила к прп. Серафиму. Это было за год до закрытия монастыря. Вода остановила развитие болезни, но она в Шуре осталась. Несмотря на это, Шура выполняла крестьянскую работу и столярничала с братом.

Отрок Коля Полянский

Когда монахиня Серафима была еще крепостная, она служила у одних богатых господ няней. У них было двое детей: девочка без ног и мальчик Коля. Остались они сиротами. Мальчик этот с ранних лет был удивительным ребенком: вся душа его была проникнута единым жела-

нием – служить Богу. В раннем детстве выучил он сам наизусть «Отче наш», а когда стал постарше, удалялся от людей в парк или еще какие-нибудь укромные уголки, где молился...

Научился славянскому языку и начал читать священные книги или пел молитвы и духовные стихи. Детские забавы и игры его не веселили, он весь горел перед Богом, как свечка. Не от мира сего было это дитя. До 12 лет только прожил Коля на этом свете и отдал свою чистую детскую душу Богу. Исповедывался он в Чудовом монастыре.

Незадолго до своей смерти сказал: «Я на первый день Рождества причащусь». Так и вышло, умер он, причастившись, на первый день Рождества. Скончался от скарлатины, которая свирепствовала тогда по городу.

Рассказ м. Серафимы с Пятницкой улицы. Сентябрь 1931 года

МОНАХ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВОЙ ЛАВРЫ АВЕРКИЙ (ВЕРИН)

Уроженец Томской губернии, он родился около 1865 года, умер в XX веке. Отец его был купцом. Будучи раскольников, юноша в душе смутно тяготел к православной вере, чему много содействовал его друг Николай Аксарин. Побывав по просьбе Николая в православном храме на богослужении, умилился он духом и крепко задумался: «Правы ли раскольники?» В ту же ночь удостоился во сне видения святителя Иннокентия Иркутского, строго сказавшего ему: «Доколе ты будешь колебаться своими мыслями? Стремись к свету, да будешь сын света! Бойся, чтобы не объяла тебя тьма! Смотри!» – и святитель показал рукой в пространство, где стоял православный храм весь в сиянии, а вдали – раскольничий дом, погруженный в какую-то особую тьму. Помолчав, святитель сказал: «Беги же от тьмы, чтобы она не объяла тебя, и ты будешь сыном света». По смерти отца и друга впал молодой человек в страшную тоску и находил развлечение только в охоте. Однажды, когда он ехал на охоту, лодка его была опрокинута поднявшейся волной, и он стал тонуть. Воззвав ко Господу, дал обещание, если спасется, оставить раскол и перейти в Православие, и мгновенно, как бы невидимой рукой, был отброшен на отмель. После этого он присоединился к Православию, женился. В дальнейшем, схоронив жену и ребенка, сходил на поклонение мощам святителя Иннокентия Иркутского и святого преподобного Симеона Верхотурского, а потом принял монашество в Троице-Сергиевой Лавре.

ЕВФРОСИНИЯ

Подвижница Серпуховского Владимирского монастыря, юродивая Христа ради Евфросиния родилась в 1785 году, умерла 3 июня 1855 года ста двадцати лет от роду. Похоронена в Тульской губернии Новосель-

ского уезда, в приделе церкви села Ключанова. Пребывала в постоянной молитве. Обладала даром прозорливости, происходила из княжеского рода Вяземских. В расцвете сил бросила Смольный институт и вступила на путь юродства. Более 70 лет шла блаженная этим путем. Особенно чтит монастырскую часовню, где по преданию были погребены семь отроческих головок. Молилась в ней в уединении. Принимая на себя вид помешанной, она терпела неприятности, обиды, побои, преследования и, перенося их, побеждала страсти гнева, обидчивости, тщеславия, сластолюбия, ибо в сердце каждого гнездятся сии исчадия греха и порою только потому бывают нечувствительны, что нет поводов к их проявлению. Путь юродства скорее и больше других дает возможность проявления всего скрытого, греховного, что есть в человеке в виде зародышей и предпосылок. Такой подвиг скорее очищает душу и просветляет, и человек, умертвив свои страсти, служит уже Господу и ближним пламенным и очищенным духом. Таков глубинный смысл подвига юродства, принятого на себя и блаженной Евфросинией, проводившей свое время в усиленной молитве, посте и строгом изнурении плоти. Милосердие к безсловесным было отличительной чертой ее жизни. Ворон, питаемый ею, и сам послужил ей. Когда она, после пожара в своей келии, обожглась и неделю лежала без движения, он приносил ей пищу и питье и вливал в ее уста. Стяжав истинную нищету духа и плач о малейших своих грехах, она получила от Господа дар прозрения и дар исцеления и служила людям как этими дарами, так и добрым словом совета, наставления и вразумления. Удостоилась благодатного откровения о дне кончины. Перед смертью видела Ангелов, зовущих ее к себе.

ЮРОДИВЫЙ БЕЛКИН АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ

Родился этот подвижник благочестия 13 января 1898 года в г. Сапожке Рязанской губернии и был назван в честь мученика Александра, память которого совершается 25 января старого стиля. Родители его были крестьяне. Обучался Александр в Рязанской гимназии, а затем учился в Геодезическом институте в Петербурге, но не закончив курса, ушел из института по собственному желанию. Затем работал некоторое время в водном транспорте г. Рязани.

В это время завершился тот внутренний переворот, который начался в душе юного студента еще во время пребывания в институте, и который побудил его оставить шумную студенческую жизнь в столичном городе. Окончательно осмыслить цель существования и наметить путь дальнейшей жизни способствовало разочарование в прочности земного счастья: молодой человек полюбил одну девицу, но она умерла перед

венцом, и он понял, что не его доля вкушать утешения семейного уюта и земного благополучия.

Потрясла Александра Николаевича эта утрата, и он стал искать утешение в усиленной молитве. И вот однажды в морозный день он отправился ко всеобщей в Богословский монастырь, отстоящий от Рязани на 25 км. Сильно мело, путник устал, идя по глубокому снегу лесной дорогой. Вечерело, мороз крепчал, валенки были полны снега, который таял и обмерзал на ногах. Александр очень устал и готов был лечь на снег. В это время вышли из леса три волка. Неизвестно, что было бы с ним, если бы в это время неожиданно не проезжала крестьянская подвода из села Новоселки. Лошади испугались волков и понесли, но крестьяне заметили на снегу замерзающего человека и подобрали его. Когда привезли Александра Николаевича в деревню, то долго отогревали его в теплой избе. Он отморозил ступни и лишился их. Шел 1925 год.

Скорбь и уныние нашли на Александра Николаевича: «Кому я нужен теперь? Как буду зарабатывать на хлеб?» Один из больных, с кем лечился Александр Николаевич, сказал ему: «Не унывай, молись, все устроится!» Слова эти были, видимо, сказаны опытным в духовной жизни человеком и с большой силой, так как произвели на страдальца огромное впечатление. Может быть, в это время Сам Господь, испытующий сердца и утробы и изводяй судьбу человека якоже полудне, коснулся сердца страдальца и открыл ему путь, как ему надлежало шествовать дальше. Это был трудный путь юродства во Христе.

Выйдя из больницы, он поселился у брата в г. Рязани и стал ежедневно ходить в храм. Хождение это было сопряжено с большими страданиями: он полз до Вознесенской церкви. Раны кровоточили и плохо заживали. Потом он научился ходить с палкой, причем часто махал ею, как будто кого-то отгоняя. Уже потом, лежа на смертном одре, он говорил близким по духу людям: «Посидите около меня подольше, а то как только уйдете – со всех сторон бесы, как какие-то точки, повыползают. Я их раньше палкой гнал, а теперь силы нет держать в руках ее».

Живя у брата, Александр Николаевич не пользовался вниманием со стороны родственников. Комната, где он помещался, была похожа на сарайчик. Зимой она плохо отапливалась и по углам был иней. Некоторое время Александр Николаевич провел в психиатрической клинике, куда его поместили родственники. Но он не был сумасшедшим. Он много постился, особенно перед причастием. Тогда он совсем не вкушал пищи от двух до пяти дней. К врачам не обращался. Даже перед смертью не принимал лекарств. Другим он тоже советовал исповедаться и принимать причастие, когда болеешь. «К аналою» советовал

приступать и во время житейских невзгод, и при разных внутренних тягостных состояниях.

Постепенно сердобольные люди стали обращать на него внимание и проявлять о нем заботу. Они приносили дрова, пищу и всё необходимое. То, что приносили домой, он брал без рассматривания, а то, что давали в храме – с разбором. От некоторых людей Александр Николаевич приготовленную пищу совсем не принимал. Деньги не брал, а клал в церковный ящик, говоря: «Хочу испытать, можно ли прожить без денег». Был он всегда вежлив. Всех называл по имени и отчеству, но иногда допускал непонятные действия, угрожая кому-то палкой и делая суровое лицо.

Наружность Александр Николаевич имел простонародную. У него было неоконченное высшее образование, он знал языки. Носил длинные волосы и бороду. В баню не ходил, насекомых не убивал, никого никогда не осуждал. Выражался краткими, но точными фразами, которые впоследствии оказывались пророческими. Свои духовные дарования скрывал и советовал прибегать к церковным средствам утешения. Советовал идти «в храм, в храм, в храм!» и сопровождал обратившихся к нему тайной благодатной молитвой, и человек получал утешение.

О монашествующих говорил, что они живут не так, как требует их сан, и за это Господь закрыл монастыри. «Подвиг внутренний выше монашеской одежды», – говорил он. «Священники меня не понимают», – иногда жаловался он своим духовным друзьям. Многим людям он совершенно точно открывал их душевное состояние. На всех, кто приходил к нему, даже из начальствующих светских, Александр Николаевич производил благоприятное впечатление своей простотой, деликатностью и незлобием. Кто обращался к нему за советами, получал полное душевное удовлетворение. Советы эти касались не только внутренних неудовлетворений, но и житейских затруднений. Многие отмечали, что призывание его в мыслях в трудную минуту жизненных неурядиц производило благоприятную перемену в тяжелых обстоятельствах.

Питался Александр Николаевич самой простой пищей, часто на ходу. Смерть он предчувствовал. За четыре дня до кончины причастился, а утром в день смерти попросил одну посетительницу сходить в Борисо-Глебский собор и отслужить молебен святым Борису и Глебу. Когда она возвратилась, он начал умирать. Скончался Александр Николаевич в понедельник 14/27 февраля 1956 года. Тело его два дня стояло в соборе без признаков тления. Похоронили его только на четвертый день на городском кладбище возле Скорбященской церкви. Почитающие юродивого ухаживают за могилкой и приходят к нему

в горестях, получая утешение. Такое внимание к месту вечного упокоения Александра Николаевича свидетельствует о неугасимой к нему любви и вере в то, что он видит и слышит, и утешает в скорбях. *Любовь никогда не перестает...* (1 Кор. 13. 8).

Изложено по рассказам одной из рязанских почитательниц старца – игуменни Иоанны (Котляровской)

ПАША МЦЕНСКИЙ

Первый раз я его увидела на вокзале: передо мной ходил человек лет сорока пяти. Он был босой, с открытой головой и в рубашке. Общий вид его был строгий, суровый. Манеры резкие. Ходил он, ни на кого не обращающая внимания, со взглядом то как-будто устремленным в пространство, то вглубь себя. Второй раз я увидела его в церкви: он и тут все время ходил: то постоит перед алтарем, то перед хором, то перед молящимися, то перекрестится раза два, то совсем уйдет из церкви. Многие молящиеся давали ему деньги со словами: «Паша, помолись!» У кого он брал деньги, а у кого и не брал. Перед некоторыми молящимися он останавливался и кланялся, и они давали ему деньги. Я спросила одну женщину: «Кто это?» – «Кто говорит блаженный, кто – душевнобольной», – ответила она. Видела я его и на улице: он быстро шел, а некоторые прохожие предлагали ему еду. Ходили слухи, что он мог предсказывать, но точно не знаю.

Со слов Александры Николаевны, 1931 г.

ПРАВЕДНЫЙ НИКИФОР

Господи, благослови! По молитвам Владыки описываю жизнь раба Божия Никифора из деревни Охотино Вяземского уезда Смоленской губернии.

Встретилась я с ним так: читали мы вместе с ним Псалтирь по его родственнице, и как только я с ним поговорила, то по разговору узнала, что он хороший и благочестивый человек, и почувствовала к нему расположение. Я и раньше его знала, но не была знакома. Много он мне рассказывал про свою жизнь. С молодых лет стремился он служить Богу, но был женат и имел взрослых детей. В мирное время он один жил в Петрограде, а жене высылал деньги: она одна работала в деревне со своими детьми. Жене (как мне кажется, да он и сам говорил) не нравилось, что он все время молится, поэтому он уходил молиться в сарай или в ригу, а в праздничные дни ходил в церковь, читал там и пел. Я любила его за отчетливое пение и чтение усердное, потому и слушать его было легко и приятно.

Он и меня заставлял читать, да я боялась, потому что никто из женщин не читал, хотя я в монастыре два года читала в церкви часы и кафизмы, и шестопсалмие. Петь я помогала всегда, когда приходила в церковь. Он относился ко мне всегда с любовью и просил меня читать по нем Псалтирь, когда он умрет, и я обещалась, но дело сложилось так, что мне не довелось это выполнить. Мне пришлось экстренно ехать в Москву и прошло недели полторы, как дядя привез мне из деревни письмо, в котором писали, что дядя Никифор умер на улице. Вышел он построгать колья и внезапно умер. Я поскорбела, что не исполнила свое обещание, но значит так Богу угодно.

Звали его Никифором Кирилловичем, а за глаза богомолем, я же звала его дядя Никифор. Он рассказывал мне, как служил в Петрограде старшим дворником. У него всегда горела у ворот лампада перед образом Божией Матери и, благодаря его усердию, прохожие останавливались и клали деньги в кружку, которую повесила княгиня для сборов на богадельню и приюты. Один раз эту кружку обломал один из дворников и уехал в деревню, – и сильно там заболел, а что с ним дальше было, не знаю.

Знал дядя Никифор в Петрограде всех митрополитов, которые там служили и приезжали. Архиепископов и епископов он всегда поминал, ходил на их службы, слушал лекции и проповеди, участвовал в любительском хоре, их и петь там учили. Он говорил, что передать невозможно то торжество и счастье, которыми он там наслаждался. У него было много книг, он мне давал читать их, даже хотел отдать насовсем, но я и свои раздала. Много было у него служебных книг, акафистов и житий святых, в деревне все их читали. Много было икон и лампадок. Книг много его сторело в риге, да еще люди смеялись, вывезли их за деревню. Очень любил читать Псалтирь по покойникам, мы часто вместе с ним читали. В постные дни никогда не ел скоромное. Вина не пил, никогда не курил. Лицо у него было всегда спокойное, духовное, как у хорошего священника, хотя ему было больше семидесяти лет.

К нему часто обращались за разрешением какого-либо дела. Я, бывало, приду, он мне все расскажет, слова из Священного Писания приведет, – и идешь домой со спокойной душой. Только и дожидаясь праздника с ним поговорить, чтобы опять на душе легче стало. Он один и был у меня близким советником, да еще матушка моя Анна... Помяни их, Господи!

Дядя Никифор был очень начитанным человеком, с хорошей памятью, читал много божественных книг. Еще он очень любил читать акафисты и Псалтирь, без этого жить не мог. Любил рассказывать другим,

что знал сам. Вид у него всегда был спокойный, говорил с приятной улыбкой. Его все звали богомолот.

Один раз Никифор видел во сне много архиереев, и он стоял среди них. Руки они держали сложенными, в них спускался огонечек, и один огонечек спустился и к Никифору в руки.

Еще он видел сон, что много людей подходят к мощам преподобного Сергия. Он подошел тоже, и как только приблизился, то на нем оказалось священническое облачение.

У раба Божия Никифора было куплено местечко, где он думал построить себе келью и в ней проводить подвижническую жизнь. Местечко это было недалеко от его деревни, верстах в семи. Во время переворота землю отобрали, и жить ему там не пришлось, о чем он сильно скорбел. В утешение послал Господь ему хороший сон: видит он очень красивый храм Божий, который спустился вниз, но не на самую землю, а немного над ней.

19 января 1931 года

СТАРИЦА ЕКАТЕРИНА КОНДРАТЬЕВНА КАВКИНА

Екатерина Кондратьевна Кавкина умерла давно, лет сорок назад, около 1890 года. Жила одна в хатке. Все время повторяла Иисусову молитву. Всегда была светлая, радостная, при этом имела дар слез. Ходила в рваном платье, питалась как попало. Кому поможет яровые собрать, кому картошку рыла. Когда Никифор очень скорбел, она приснилась ему и сказала: «Обращайся к Божией Матери “Всех скорбящих Радосте”, и успокоишься».

Записано со слов Никифора 10 декабря 1932 года

«ЧУВСТВУЮ ПОМОЩЬ БОЖИЮ НА КАЖДОМ ШАГУ»

СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ АННЫ СТЕПАНОВНЫ ИВАНОВОЙ

В Самаре на 83 году жизни почилa Анна Степановна Иванова – личный секретарь и архивариус архиепископа Куйбышевского и Сызранского, а затем митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева) с 1966 по 1995 год.

Родилась Анна Степановна Иванова 24 мая 1936 года в г. Вязьма Смоленской области в многодетной семье. Отец её, Степан Иванович, погиб на фронте. Мать, Дарья Петровна, осталась с девятью детьми. Уповая на милость Божию, растила она их добрыми, верующими людьми. Анна с сестрой окончили после войны Московский институт

железнодорожного транспорта и работали в Управлении железнодорожного транспорта в г. Смоленске. Одна из сестер, Мария, жила в это время в Куйбышеве и была духовным чадом владыки Иоанна. Именно по ее настоянию Анна попала на прием к владыке, после которого он благословил ее переехать в Куйбышев. Так она стала безменным секретарем и архивариусом епископа Иоанна (Снычева). Днем работала, долгое время была начальником отдела Приволжского управления Министерства путей сообщения, а после работы трудилась у владыки – вела дела, оформляла и готовила к подписи документы.

В 1990 году владыка Иоанн был назначен на Петербургскую кафедру. За ним, по его благословению, последовала и Анна Степановна.

Петербургский период служения владыки был ознаменован событиями, потрясшими всю Россию. Именно в этот период голос пастыря – митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева), раздался в полную силу не только в своем Отечестве, но и далеко за его пределами. В Петербурге при его содействии создано издательство «Царское Дело». А. С. Иванова была, по словам директора издательства С. И. Астахова, связующим звеном между издательством и владыкой, ее знали и любили православные жители Петербурга, посещавшие Архи-

Митрополит Мануил (Лемешевский) и епископ Иоанн (Снычев). 1968 г.

ерейский дом на Каменном острове. Пять лет, до трагической кончины владыки Иоанна в 1995 году, трудилась в Петербурге вместе с ним его верная помощница. Сохраняя самообладание в тяжелые дни прощания с владыкой, выполнила она его последнее послушание: собрала воедино духовное наследие митрополитов Мануила (Лемешевского) и Иоанна (Снычева), и под ее дальнейшим руководством началась подготовка к его изданию.

За усердные труды во славу Святой Православной Церкви А. С. Иванова была награждена медалью преподобного Серафима Саровского Первой степени и множеством грамот.

Гроб с телом покойной установили в храме в честь преподобного Серафима Саровского. Семинаристы читали Псалтирь. На третий день по кончине три священника отпевали рабу Божию Анну: настоятель Серафимовского храма архимандрит Серафим (Барякин), настоятель Покровского мужского монастыря села Чубовка игумен Петр (Луканов) и настоятель тольяттинского Казанского храма протоиерей Николай Манихин. Похоронили Анну Степановну Иванову на Рубежном кладбище г. Самары.

Особым смыслом наполняются теперь ее слова, – человека, знавшего цену времени и слова: «Самое главное – иметь веру и не отходить от Бога. Все ищем чего-то сверхособенного, а на богослужения идти не хотим. Мечемся по жизни, а нам бы сосредоточиться и молиться. А ведь если молимся – чувствуем помощь Божию на каждом своём шагу».

ТРИДЦАТЬ ПЯТЬ ПАСТЫРСКИХ ПИСЕМ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Имя святителя Нектария Эгинского († 9. 11.1920) хорошо известно постоянным читателям «Духовного Собеседника». Ему, человеку огромной, чуткой, пламенеющей любовью к Богу и ближнему души, души ревностной и одновременно в высшей степени деликатной, принадлежат десятки сочинений по самым разным темам, имеющим отношение к богословию, истории философии, религиозоведению, антропологии, филологии. Чаще всего они оформлены в виде научных трактатов или проповедей. Одновременно он известен как вдохновенный и талантливый гимнограф, особенно прославивший своим творчеством Пресвятую Богородицу – у каждого прихожанина на слуху его замечательный гимн «Марие, Дево Чистая». Однако ни в трактатах, ни в проповедях, ни тем более в молитвах скромный святитель Нектарий не выпячивает себя, почти не раскрывает свой внутренний мир, богатый жизненный опыт и навыки ведения духовной брани. Читая книги святого Нектария, невольно восхищаешься его искренней верой в Бога, любовью к Пресвятой Деве, его духовной высотой, чистотой души, основательностью суждений, но иногда складывается впечатление, будто из его трудов легче понять, над чем размышлял благодатный Святитель, чем то, как он достиг своего духовного состояния, или чем он жил в повседневной жизни. Единственным богатым, хотя и фрагментарным источником такого рода сведений являются воспоминания современников, изложенные и осмысленные в известных русскому читателю книгах Манолиса

Иеромонах Антоний (Подоровский) родился в 1984 г. в г. Ташкенте в семье служащих. В 1993 г. семья переехала в Самару. В 2000 г. поступил в Самарскую духовную семинарию, по окончании которой продолжил духовное образование на богословском отделении Московской духовной академии, которую закончил экстерном в 2010 г. С 2005 г. по 2009 г. учился в Высшей церковной школе Крита (Греция), где изучал греческий язык. В 2006 г. был пострижен в Заволжском мужском монастыре в честь Честного и Животворящего Креста Господня в мантию, в мае 2007 года рукоположен в сан иеродиакона, в августе в сан иеромонаха. Является насельником этого монастыря, а с 2010 г. – его благочинным. Регент монастырского хора.

В 2012 г. окончил аспирантуру философского факультета Самарской государственной академии Наевой. В настоящее время является преподавателем этой академии (религиоведение, история религий, древнегреческий язык) и Самарской православной духовной семинарии (Новый Завет, древнегреческий и новогреческий языки), к.филос.н.

Мелиноса¹, архимандрита Амвросия (Фонтрие)², Софокла Димитракопулоса³ и других авторов.

Поэтому неоценимым сокровищем, проливающим свет на характер, образ мыслей, отношение к ближним святителя Нектария, являются его письма насельникам Свято-Троицкого женского монастыря на Эгине – небольшом острове Саронического залива в нескольких милях от афинского порта Пирея. Они были написаны с осени 1904 года до конца зимы 1908 года. Первая дата связана с заездом на холм Ксанфос острова Эгина нескольких благочестивых девушек из числа духовных чад Святителя, из которых особенно выделялась слепая Хрисанфа – будущая монахиня Ксения, первая игуменья новооснованной обители. Когда-то ранее здесь был женский

Иеромонах Антоний (Подоровский)

монастырь в честь иконы Пресвятой Богородицы «Живоносный Источник», закрытый вместе с другими монастырями правительством новообразованного Греческого королевства. Святитель Нектарий побывал здесь, одобрил это место, выделенное мэром острова, и благословил девушкам поселиться и вести монашескую жизнь. Но сам он не мог остаться с ними – на нём лежало послушание ректора Ризарийской духовной школы. Выходило, что, лишённые жилья, элементарных удобств и предметов быта девушки, живя в развалинах прежнего монастыря, должны были вести в одиночестве духовную брань и создавать монастырь заново. В этой ситуации святитель Нектарий взял на себя руководство их духовной жизнью из Афин, помогая материально, всячески поддерживая и при любой возможности лично посещая их. Но самое важное было решить вопрос о канонической правомерности их образа жизни – без благословения правящего епископа монастыри не строятся.

¹ Мелинос М. Я. говорил со святым Нектарием. Минск, 1998.

² Амвросий (Фонтрие), архимандрит. Святитель Нектарий Эгинский. Жизнеописание. М: Издательство Подворья Свято-Троице-Сергиевой Лавры, 1998.

³ Димитракопулос С. Нектарий Пентапольский – святой наших дней / пер. с новогреч. яз. Ю.С. Терентьева. Саратов: Издательство Саратовской митрополии, 2012. 415 с.

Правящим митрополитом Афин, которому подчинялась тогда Эгина, был высокопреосвященный Феоклит, к нему-то и обратился святитель Нектарий с просьбой благословить основание девичьего общежития монашеского типа. Митрополит в этот раз охотно поддержал Ректора Ризарийской школы, пообещав прислать туда, по мере создания условий, и своих духовных дочерей. Такая реакция митрополита Феоклита была воспринята святителем Нектарием как божественное благословение его намерения. Радостным сообщением о благословении митрополита он начинает свою обширную переписку с насельницами будущего монастыря, главным образом с Хрисанфой (будущей игуменьей Ксенией) и Екатериной (будущей монахиней Кассианой). Первые десять писем были написаны до августа 1905 года, когда начались постриги в обители, таким образом, это письма послушницам. Начиная с одиннадцатого письма настоящего издания святитель Нектарий обращается уже к монахиням. Переписка продолжалась до 1908 года. К этому времени Святитель окончательно пришёл к выводу о необходимости своего постоянного присутствия в монастыре, а пенсионный возраст и недомогания стали основанием для прошения об отставке с должности ректора. После назначения нового ректора весной 1908 года святитель Нектарий, к великой радости сестричества, навсегда поселился при монастыре, и история этой переписки завершилась сама собой.

Кому были написаны эти письма? Вокруг святителя Нектария в его бытность ректором Ризарийской духовной школы сложился круг девушек – его духовных дочерей, которые однажды – неожиданно для самого святого – дали при нём обет стать монахинями¹. Биограф святителя Сотос Хондропулос упоминает пятерых девушек: Хрисанфу Стронгилу – будущую игуменю Ксению, Екатерину Пападаки – монахиню Кассиану, Ангелику Дзундру-Вояджи – монахиню Акакию, Елену Петала – монахиню Магдалину и Марию Хасиоту – монахиню Синклитикию. Однако архимандрит Дамаскин (Хондос) приводит иной список духовных чад Святителя, принявших затем монашество на Эгине: не упоминая Марию Хасиоту, он перечисляет, кроме вышеупомянутых, Аргирию Явопулу – монахиню Нектарию, Василику Деде – монахиню Евпраксию, Маргариту Карусу – монахиню Христофору, Евфимию Маркопулиоту². Журналист Манолис Мелинос приводит интервью с младшей современ-

¹ Хондропулос С. Святой нашего века (преподобный Нектарий Кефалас). Художественная биография. Афины: Издательство «Кенурья Ги», 2007. С. 216 – 217. (греч.)

² Дамаскин (Хондос), архимандрит. Личность преподобной монахини Ксении, первой игуменни Свято-Троицкого женского монастыря на Эгине // Женское монашество и святитель Нектарий. Материалы Всеправославной монашеской конференции в честь стапятидесятилетия (1846 – 1996) со дня рождения святителя Нектария (Эгина, 9 – 11 сентября 1996) / под ред. А.Г. Халдеакиса. Афины, 1998. С. 182. (греч.)

ницей святителя, Евангелией Беси, которая как духовных чад святителя в Ризарийской школе перечисляет игуменью Ксению, монахинь Кассиану, Магдалину, Харитину, Парфению, Акакию, Феклу, Февронию, Евфимию, Христофору и других¹. Эти различия показывают, что духовных дочерей у святителя Нектария было не так уж и мало. Краткие (доступные нам) сведения о некоторых из них приводятся в сносках.

Настоящее издание писем не может претендовать на первенство: помимо известных отрывков, приводившихся в переведённых на русский язык биографиях святителя Нектария, перевод некоторых писем был предпринят игуменом Илией (Жуковым), который по ряду причин в настоящем издании не учитывается. Одна из них та, что о. Илия опирался на книгу архим. Нектария (Зиомболаса) «Жизнь и деятельность святого Нектария», где около двадцати писем в его переводе приведены по другому изданию.

В основу настоящего перевода положено издание святогорского монаха о. Феоклита (1916 – 2006) из монастыря Дионисиат², небезызвестного в Греции духовного писателя и исследователя, биографа некоторых великих святых Православной Церкви: преподобного Никодима Святогорца, святителя Григория Паламы и святителя Нектария Эгинского. Писал о. Феоклит и о современных подвижниках, таких, как преподобные Филофей (Зервакос), Иустин (Попович), Паисий Святогорец, афонский гимнограф Герасим Микраяннитис, старец Иосиф Исихаст и многих других. Однако одновременно он был строгим обличителем заблуждений анафематствованного Синодом Элладской Церкви А. Макракиса, либеральных теологов Х. Яннараса и П. Трембеласа, «монахини» Магдалины, пытавшейся оспорить святость святителя Нектария, печально известного Н. Казандзакиса и других. Отец Феоклит обладал живым и пронизательным умом. Так, по воспоминаниям митрополита Навпактийского Иерофея (Влахоса), первоначально опубликовавшего свою работу «Одна ночь на Святой Горе» анонимно, монах Феоклит угадал в беседе с владыкой Иерофеем не только его авторство, но и одного из прототипов его таинственного собеседника о молитве – старца Софрония (Сахарова).

Выпустив первое издание жития святого Нектария, куда в качестве приложений входили письма Святителя монахиням, отец Феоклит задумался о дополненном переиздании жития. Чтобы не сокращать имеющийся житийный материал, он принял решение опубликовать письма отдельно, что и осуществил с помощью издательства «Ипакои» в 1993 г.

¹ Мелинос М. Я. говорил со святым Нектарием. С. 46.

² Существует благочестивая традиция афонских монастырей, когда монахи вместо своей фамилии указывают монастырь или скит своего проживания. Так в своих работах поступает и о. Феоклит, который потому известен как Феоклит Дионисиатис, т.е. «Дионисиатский».

В качестве источника писем он пользуется приложением к биографии святителя Нектария, составленной в 1955 году архимандритом Титом (Матфеакисом), впоследствии митрополитом Парамифийским, Филиатским и Гиромерийским (1912 – 1991). Некоторые из писем отцом Феоклитом сокращены. По его сообщению, в издании архимандрита Тита было помещено около пятидесяти писем¹, из которых сам отец Феоклит отобрал те, которые, по его мнению, имеют особое отношение к духовной жизни монашествующих. Настоящее издание придерживается нумерации писем отца Феоклита, хотя она не является корректной.

Дело в том, что «Пастырскими письмами» эгинская корреспонденция Святителя не ограничивается. В 1984 г. митрополит Тит издал отдельно сборник писем святителя Нектария монахиням Эгинского монастыря², в который вошло уже сто тридцать шесть писем святителя Нектария сёстрам Обители. Ими и их нумерацией оперируют последующие исследователи, такие, как архимандрит Клеона (Стронгилис)³, архимандрит Дамаскин (Хондос)⁴ и др. К сожалению, для нас этот сборник писем в настоящее время недоступен.

Язык писем прост и незамысловат, и этим отличается от трактатов и проповедей Святителя, он гораздо ближе к димотике – разговорному греческому языку, чем другие его работы; иногда автор словно недоговаривает свою мысль, а иногда, напротив, рассуждает скрупулёзно. Такие особенности языка и стиля обусловлены необходимостью вразумительно объяснять своим читательницам, «простым и малограмотным», как их характеризует отец Феоклит, основы монашеского делания. Впрочем, не следует пренебрежительно относиться к стилю писем Святителя – он прекрасно знал советы античных литераторов и святителя Григория Богослова о необходимости найти тонкую грань между возвышенным языком трактатов и разговорным языком простолудинов при работе с эпистолярным жанром.

¹ «Писем божественного отца в адрес монахинь сохранилось около 50 больших и маленьких, все написаны собственноручно». См.: Феоклит Дионисиатский. Вводные комментарии // Святитель Нектарий, епископ Пентапольский. 35 пастырских писем. Афины: Издательство «Ипакои», 1993. С. 6. (греч.)

² Нектарий Пентапольский, святитель. Катехизические письма монахиням Свято-Троицкого Эгинского монастыря / под ред. Тита (Матфеакиса), б. митрополита Парамифийского, Филиатского и Гиромерийского. Афины, 1984. (греч.)

³ Клеона (Стронгилис), архимандрит. Святитель Нектарий Пентапольский и Ризарийская церковная школа. Афины: Издательство Ризарийской церковной школы, 2008. С. 326. (греч.)

⁴ Дамаскин (Хондос), архимандрит. Личность преподобной монахини Ксении. С. 181 – 192.

Отец Феоклит назвал своё издание «Тридцать пять пастырских писем», поскольку они «продиктованы пастырской заботой»¹. Кроме того, такое название напоминает читателю о Пастырских посланиях святого апостола Павла.

Все сноски и примечания данного издания сделаны переводчиком, наименования и выходные данные используемых греческих изданий, кроме *Patrologia Graeca* (PG), переведены на русский язык.

Завершая это краткое введение, должно выразить благодарность игумену Дионисию (Шлёнову), профессору и заведующему библиотекой МДА, за предоставленный экземпляр греческого издания «Писем», а также Татьяне Станиславовне Борисовой, профессору Афинского университета, за консультативную помощь при переводе.

«Тридцать пять пастырских писем» святителя Нектария Эгинского будут опубликованы в трех номерах «ДС» №3 (101) – №5 (103).

Первые десять писем, публикуемые в этом номере «ДС» с условным названием «Письма послушницам», были написаны Святителем насельницам монастыря еще до их пострига с 1904 по первую половину 1905 года.

Летом 1905 года были совершены первые постриги, соответственно письма Святителя, публикуемые в следующем номере, уместнее назвать «Письма монахиням».

Постепенно в письмах Святителя особое место начинают занимать обращения к будущей игумении Ксении. Ей вменяется в обязанность принять исповедь, ей делается специальное увещание о руководстве сёстрами, через неё даются монахиням различные поручения.

Поэтому третью часть писем, начиная с двадцатого, в котором святитель Нектарий впервые, обращаясь к матушке Ксении, называет её сестрицей, условно назовем «Письма игумении Ксении и сестрам».

Иеромонах Антоний (Подоровский),
благочинный Заволжского мужского монастыря в честь
Честного и Животворящего Креста Господня с. Подгоры.

Полный перевод тридцати пяти писем святителя Нектария Эгинского насельницам Свято-Троицкого женского монастыря на русском языке публикуется впервые. Материал подготовлен специально для журнала «ДС».

¹ Феоклит Дионисиатский. Вводные комментарии. С. 11.

Часть I. Письма послушницам

Письмо первое

Афины, 19 октября 1904 г.

Возлюбленные о Господе чада, радуйтесь о Господе!

На Эгину, м. Ксантос

С радостью сообщаю вам, что Бог открыл нам Свою святую волю об основании этой святой обители и благоволил, чтобы этот монастырь был возрождён и процвёл.

Святитель Нектарий Эгинский

Высокопреосвященнейший митрополит, владыка Феоклит¹, не только благословил моё дело, но и взял его под своё покровительство и согласился со всеми моими мыслями и желаниями, которые я ему изложил. Он сказал мне, что позаботится о том, чтобы его признал Священный Синод по образцу монастыря Каламон², и что он намерен после совершенного устройства монастыря прислать сюда несколько девушек из Спарты, ведущих праведную жизнь, а также согласился с моим предложением посетить нам с ним вместе монастырь. Я открыл ему желание

¹ Феоклит (Минопулос), митрополит Афинский (1903 – 1917, 1920 – 1922), известный своей активной политической деятельностью. К сожалению, спустя несколько лет митрополит Феоклит изменил свою позицию в отношении обители и её основателя и начал создавать препятствия святителю Нектарии. В 1917 году провозгласил анафему премьер-министру Е. Венизелосу, за что после революции был смещён с кафедры. Официально монастырь был зарегистрирован только в 1924 г., четыре года спустя после кончины Святителя.

² Женский монастырь в честь свв. равноапостольных Константина и Елены в г. Каламата на полуострове Пелопоннес, основан в 1796 г. иеромонахом Герасимом (Пападопулосом) на месте разрушенного храма XIII в. Сёстры обители занимались шелководством и окормлением детей-сирот и безпризорников. В 30-е годы XIX века, как и многие другие греческие монастыри, был закрыт правительством, но возобновил своё существование в 1856 г. нелегально. Официально признан греческим государством в 30-е годы XX века. Службы совершаются по старому стилю.

Александры воздвигнуть церковь и сказал ему, что сам в дни Святой Пасхи приеду заложить её основание, а он охотно принял это предложение. Из этого всего значит, что Бог явил Своё благоволение, и что Ваши молитвы услышаны.

Примите мои отеческие молитвы и благословения и радуйтесь о Господе.

Духовный отец

† *Пентапольский Нектарий*

ПИСЬМО ВТОРОЕ

Афины, 2 ноября 1904 г.

Моим духовным чадам Хрисанфе (Ксении) и Катине (Кассиане)¹.

На Эгину

Вчера я дал Высокопреосвященнейшему митрополиту некоторые записки, составленные по его просьбе, посвящённые возрождению жизни в монастыре и его основанию, поскольку нужно будет, как он мне сказал, просить разрешение на его восстановление и у Священного Синода.

Передайте от меня поклон госпоже Аспасии и скажите ей эту радостную новость, что Высокопреосвященнейший Митрополит с большим интересом взял на себя обеспечение деятельности и официальное признание святой обители, и что в этом отношении у меня есть все заверения и гарантии, так что он даже сказал мне, что пришлёт и пять-шесть своих девушек. А так как мы должны гарантировать для них абсолютную тишину и безопасность, то я желаю, чтобы монастырь считался существующим по факту вашего здесь поселения и будущего прибытия других дев, а также по благословию Митрополита, и чтобы, соответственно, ни при каких обстоятельствах в Обители не ночевали мужчины. Также я должен получать сведения о том, если какая-нибудь девушка захочет поступить в обитель, потому что не желаю, чтобы что-либо совершалось в монастыре без моего одобрения, потому что я несу ответственность и перед всеми девами монастыря и перед самим Митрополитом.

Ваш перед Богом молитвенник

† *Пентапольский Нектарий*

¹ Хрисанфа Стронгилу (будущая мохания Ксения, слепая от рождения, первая игуменья Свято-Троицкого Эгинского женского монастыря, † 1923, почитается как святая) и Катина Пападаки, она же Екатерина (будущая монахиня Кассиана) – самые первые насельницы Эгинского Свято-Троицкого женского монастыря из числа духовных чад Святителя.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

Афины, 8 декабря 1904 г.

Возлюбленные о Господе чада, радуйтесь!

Второе ваше письмо, написанное 10 ноября, т.е. ровно месяц назад, я не получил и не знаю, как ваши дела. А я со времени получения вашего письма и письмо написал вам, и выдержки из книги «Самопознание» вам отправил, и одну песнь в честь Госпожи Богородицы. Думаю, что вы это всё получили; сегодня я отправляю отдельно и другую песнь, которая, надеюсь, принесёт вам духовную радость.

В сегодняшнем письме пишу вам наброски проповеди, которую я произнёс в кафедральном соборе Митрополии в праздник Святителя Николая на тему из отрывка праздничного апостольского чтения: *ибо мы уверены, что имеем добрую совесть, потому что во всем желаем вести себя честно*¹. Говорил я о доброй совести. А сказал я о том, что добрая совесть есть наибольшее из всех благ, потому что она нам дарует душевный мир, сердечную тишину, непоколебимость сознания, спокойствие духа. Она источает сердцу радость, она даёт дерзновение к Богу, она делает наши прошения благоприятными, она, стуча, отворяет нам небесные врата, она делается подателем божественных дарований, она умножает плоды Святого Духа, она получает дары Святого Духа, она исполняет стремление к наивысшему благу, она ведёт к счастью и блаженству, она приуготовляет души, живущие единомысленно, к Небесному Царствию. Всему этому нас учит Священное Писание устами Самого Господа и святых Его Апостолов. Спаситель заповедует нам, говоря: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят*².

Да, братья христиане, отворят – потому что мы сделали себя чадами Божиими и усыновлены Богом, Который, как добрый Отец, готов исполнить все наши прошения ко спасению и к жизни вечной, потому что Единородный Его Сын искупил нас от проклятия закона, чтобы мы унаследовали усыновление, как Павел, обращаясь к Галатам, и говорит: *А как вы – сыны, то Бог послал в сердца ваши Духа Сына Своего, вопиющего: «Авва, Отче!» Посему ты уже не раб, но сын; а если сын, то и наследник Божий через Иисуса Христа*³. То же самое пишет и возлюбленный наперсник и друг Христов, девственник, евангелист Иоанн в Первом Соборном послании, говоря: *если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзно-*

¹ Евр. 13, 18.

² Мф. 7, 7 – 8.

³ Гал. 4, 6 – 7.

вение к Богу, и, чего ни попросим, получим от Него, потому что соблюдаем заповеди Его и делаем благоугодное пред Ним¹. Из слов возлюбленного друга и Евангелиста мы узнаём, что хранящие добрую совесть имеют дерзновение к Богу, потому что они соблюдают Его заповеди и творят угодное Ему. Те, кто хранят добрую совесть, имеют сердце, не осуждающее их за грехи и за нарушение божественных заповедей, у них сердце чисто и дух прав, и о таких повествует в этом месте Евангелист.

Отсюда мы познаём, что тот, кто содержит сердце чистым, тот, кого сердце не осуждает, кто творит перед Богом дела благие, богоугодные и совершенные, кто точно исполняет повеления Господня, – тот имеет дерзновение перед Богом, и, чего ни попросит, получает от Него. Так что тот, у кого доброе сердце, в котором обитает Дух Сына Божия, и будучи сам возлюбленным сыном Божиим, имеет дерзновение перед Богом, и, когда просит – получает, когда ищет – находит, когда стучится – ему открывают. Разве кто-нибудь может быть счастливее такого человека? Какими благами такой человек мог бы быть обделён? Разве не все блага, не все благодатные дарования устремились в его блаженную душу? В чём у него была бы нужда? Ни в чём! Совершенно ни в чём. Да, братья-христиане, абсолютно ни в чём он не нуждается, потому что в нём обитает крайнее благо. Значит, поистине добрая совесть есть наибольшее из благ, потому что в нём есть блаженство. Блажен и трижды блажен человек, приобретший добрую совесть.

Как заблуждаются люди, ища своё счастье, своё благополучие и своё блаженство вне самих себя: в славе, во множестве стяжаний, в душевных и плотских удовольствиях, в неге, во всякой роскоши и тщете, конец которых горек! Как обманываются основывающие своё счастье на вещах тленных и изменчивых, не имеющих никакой нравственной цены и не дающих нравственного удовлетворения, в то время как истинное блаженство основывается на нравственном наслаждении. Всякое другое удовольствие улаживает только уста, а сердце исполняет горечи. Если материал для башни человеческого счастья кладётся не на основании сердца, то он укладывается на основании, разрушаемом непрекращающимися землетрясениями, на котором даже камень на камне долго продержаться не может, так что напрасен и жалок труд этих строителей.

Христиане! Счастье находится внутри нас; блажен и трижды блажен человек, понявший это. Изучите ваше сердце и узнайте, в каком нравственном состоянии оно находится. Смотрите, чтобы оно не утратило своего дерзновения к Богу, не осуждало вас за преступление нравствен-

¹ 1 Ин, 3, 21 – 22.

ных законов, не обличало вас в преступлении божественных заповедей, чтобы ваша совесть не протестовала против давления на неё, не обвиняла вас в неправде, во лжи, в пренебрежении данными Богом обязанностями, в небрежном исполнении нашего долга к ближнему. Исследуйте, не наполнились ли ваши сердца пороками и страстями, не стремятся ли они к злу, не поработают ли добровольно страстям. Будем смотреть, чтобы наше сердце не отступило от добра и не обратилось на пути лукавства, на стези непроходные, на которых подстерегают сыны погибели.

Несчастливы люди, которые перестали наблюдать за своим сердцем, и воображают, что богатство Креза приносит блаженство, счастье и благополучие, тогда как всё золото – на земле и под землёй – неспособно принести сердцу счастье. Да что там счастье! Оно не в силах даже избавить от злополучия, успокоить волнение души, обуреваемой множеством страстей, подобно тому, как волнуется море, когда дуют сильнейшие ветры.

К сожалению, братья-христиане, человек, пренебрёгший своим сердцем и тотчас же не раскаявшийся, не только лишился всех благ, но и, находясь в бедственном положении, подвержен всякому злу, от которого нет спасения. Он отверг радость, и в его сердце вторглись печаль и горечь, тоска и скорбь. Он отверг мир душевный, и его сердце наполнили волнение и вражда, смущение и страх. Он отверг любовь, и в сердце воцарилась ненависть, которая выжгла в нём всякую добродетель, могущую утешить его страждущую душу. Наконец, он отверг все полученные им в крещении дарования и плоды Святого Духа, подобающие человеку блаженному, и приобрёл все пороки, сопровождающие человека несчастного, ничтожного и жалкого. Геенна и ад уготованы его душе.

Братья-христиане! Бог, богатый в милости, создавший нас по Собственному образу, чтобы сделать нас участниками Своей благодати, желает, чтобы все мы удостоились блаженной жизни и в настоящем веке, и в будущем. Само основание Троическим Богом Святой Церкви произошло на земле, среди нас, для того, чтобы отмыть и очистить нас от наших грехов, освятить нас и примирить с Божественным бытием, даровать нам дерзновение к Богу, открыть нам врата Небесного Царствия и ввести нас в него, подать нам небесные благословения, излить на нас небесные дарования. Церковь основана, чтобы освятить грешников. Её объятия отверсты всем. Давайте же, имеющие отягчённую совесть, поспешим, – Она готова отнять тяжёлое время, отягощающее нашу совесть, и даровать нам дерзновение к Богу, исполнить наше сердце счастья и удостоить вечного блаженства. Аминь.

Вот приблизительно о чём я рассказал, а записал я это для вашей радости, чтобы сделать вам приятное. Передаю приветствие госпоже Евтихии, Филии¹ и вам. Желаю вам терпения и благоразумия.

Ваш перед Богом молитвенник

† *Пентапольский Нектарий*

ПИСЬМО ЧЕТВЁРТОЕ

Афины, 11 января 1905 г.

Возлюбленные о Господе чада, радуйтесь о Господе!

На Эгину

Получил ваше письмо и обрадовался вашему здоровью и вашему терпению. По Божией благодати я также здоров. Молюсь, чтобы Бог сохранил нас всех здоровыми и направил ваши стопы на творение Его божественных повелений.

Я не стал вам что-то писать, потому что я не приступал к священнослужению и не проповедовал, и потому не могу отправить изложение своей проповеди. Если Дух не движет моим умом, то ум остаётся праздным, и тогда я не могу ничего писать, поэтому-то ничего и не пишу вам.

В приложении посылаю вам одну из песней Пресвятой Богородице, которую я сложил из Акафиста Госпоже Богородице, приведя разные метры стихосложения к одному ямбическому, так, чтобы петь её на первый глас. Думаю, что вам понравится. Она может петься и распевно, и ускоренно. У меня есть намерение издать все гимны малым форматом, назвав сборник «Малый Феотокарион», и распространить его, чтобы Госпожа Богородица была воспеваема благочестивыми, но сейчас я ещё должен издателю. Как только решу вопрос с уплатой долга, то приступлю к изданию Феотокариона², а вместе с ним напечатаю сочинение, написанное неким монахом Антиохом, о котором говорится на двести шестьдесят седьмой странице моей книги «Самопознание»³, – произ-

¹ Филия Логиотадида (впоследствии была пострижена Святителем с именем Филофея) – одна из насельниц полуразрушенных келий на месте старого монастыря в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник», где Свяtitель стал строить новую обитель. Она вместе с Еленой Петала (будущей монахиней Магдалиной) прислуживала схи-монахине Анастасии (Муртзи) – единственной насельнице будущей обители, принявшей постриг до прибытия сюда владыки Нектария и его духовных дочерей.

² Феотокарион свяtitелем Нектарием был издан дважды: издание 1905 г. включало сто три песни, тридцать гимнов и одиннадцать канонов; издание 1907 г. содержало сто пять новых песней, пятьдесят три гимна и девять канонов. Все песнопения посвящены Пресвятой Богородице. Впоследствии неоднократно переиздавался другими издателями.

³ Одно из самых известных произведений свяtitеля Нектария, этико-психологическое по форме, но аскетическое по замыслу и по воздействию на читателя. Опубликовано в 1904 г.

ведение изумительное¹. Писатель говорит, что в нём он сконцентрировал всё Священное Писание, Ветхий и Новый Заветы. Денег у меня нет, потому что всё, что имел, я израсходовал на издание «Самопознания», гонорар от которого будет весьма незначителен из-за того, что подписались на книгу всего девяносто или сто человек, взносы от них будут поступать спустя месяцы небольшими порциями, а такие деньги быстро исчезают. И всё же, несмотря на то, что денег нет, я постараюсь их издать с Божией помощью на свою зарплату. Молитесь и вы, чтобы Бог меня просветил, укрепил и подал мне облегчение в моей работе.

Господин димарх² мне до сих пор не ответил, когда ответит, я пришлю вам его письмо.

Это своё письмо отправляю с госпожой Еленой Зервулаку, которой я послал также бумагу, чернила и перья. Если вы в чём-то нуждаетесь, пишите мне, не стесняясь; если мёрзните, напишите мне, и я пришлю вам два маленьких подрясника, которые у меня есть.

По-отечески молюсь за вас, ваш перед Богом молитвенник.

† Пентапольский Нектарий

P. S.: Посылаю вам подрясники.

ПИСЬМО ПЯТОЕ

Афины, 7 марта 1905 г.

Возлюбленное о Господе чадо Екатерина, радуйся!

Получил твоё письмо и узнал о ваших делах. Твоя болезнь меня огорчила и особенно потому, что вы простыли из-за сырости в келье. Удивляюсь вашему образу мыслей: если таково было состояние кельи, и оно могло быть исправлено за небольшие деньги, почему вы не написали, чтобы я прислал их вам? Вы бы тогда не заболели и не подвергали свою жизнь опасности. Эта ваша излишняя робость и нерешительность из-за столь ничтожной вещи меня опечалила. Вы подумали, что доставите мне безпокойство, рассказав об этом деле и попросив на необходимые расходы для сохранения вашего здоровья? Вы поступили нехорошо. Сейчас же напишите, сколько потратили, и я вам пришлю. Здоровье – это первое, что у вас должно быть. Все вы, кроме Филии, – со слабыми нервами и легкоранимые, и должны проводить свою жизнь с большой

¹ Речь идёт о «Пандектах» монаха Антиоха, книге, доступной сегодня и в русском переводе.

² Должность, соответствующая должности мэра, главы поселения. В это время её занимал доктор Николай Пеппас, выступивший инициатором создания монастыря на Эгине именно в этом месте и приложивший к этому много усилий.

внимательностью и осмотрительностью. Болезни препятствуют не совершенным в монашеской жизни духовно совершенствоваться. Вы сейчас нуждаетесь в здоровье, чтобы стать способными проводить духовную работу. Знайте, что не достигшие совершенства, не говоря уже о только вступивших на поприще, когда такие подвизаются, не имея здоровья, они изнемогают и выбиваются из сил, потому что не обрели нравственной устойчивости, которая крепит совершенных. Здоровье для не достигших совершенства – это автомобиль, который везёт участника состязаний к итоговой черте. Поэтому я рекомендую вам проявлять во всём рассуждение и благоразумие и советую вам избегать крайностей; строгость жизни должна возрастать параллельно возрастанию в добродетели. Тот, кто не обладая высокими нравственными добродетелями, желает состязаться с совершенными и хочет жить так же строго, как святые подвижники, подвергается опасности превозношения и падения. Проводите свою жизнь в сердечном смирении как новоначальные послушники, чтобы покрыла вас милость Божия.

Я хочу, чтобы каждая из вас старалась познавать себя и призывать божественное заступничество для укрепления её в добродетели, а также строго следить за тем, чтобы не судить, не осуждать и не отвергать другую за какой-то недостаток, потому что так она может породить печаль, а печаль – это начало разделения. Если какая-либо из сестёр чем-то соблазнится, пусть скажет об этом с любовью, без притязания навязать своё мнение. Если же она из-за этого лишится покоя, пусть напишет мне, и я сам её успокою.

Стремитесь к духовному, а телесное пусть будет в услужении духу. Сейчас я обращаюсь к тебе, Екатерина, потому что ты заболела и нуждаешься в излечении: попроси Филию, которой я сердечно желаю быть здоровой телом и душою, проводить тебя и Ангелику¹ на осмотр к врачу, – пусть он убедится, что простуда не дала осложнений; следуй его указаниям. Если вы будете здоровы, то преуспеете, если потеряете здоровье, то напрасны ваши труды.

Что касается поста, то главное здесь – необходимость, чтобы он способствовал вашему здоровью, и чтобы вам впоследствии не пришлось оставить уединение и устремиться в города лечить вашу больную плоть. Пища нас не приближает к Богу. Если вы потом вернётесь в города, то я бы предпочёл, чтобы вы сейчас ели всё, что случится, – лишь бы оставались молящимися в уединении.

¹ Ангелика Дзундру-Вояджи, впоследствии монахиня Акакия, – одна из первых насельниц Обители, присланных Святителем. Приехала, видимо, несколько позже Хрисанфы и Екатерины.

Шлю вам через почтальона шестьдесят драхм¹ для твоей кельи, и ещё я послал сообщение Исидоре, чтобы она позаботилась выслать тебе денег. Пригласите мастера и спросите у него, сколько нужно потратить, чтобы эта работа была сделана...

С почтальоном я также посылаю и флакон одеколона как лекарство. Сегодня среди врачей считается, что одеколон имеет большее значение в фармацевтике, чем в парфюмерии; пусть никто из вас не брезгует им пользоваться из-за ревности не по разуму о строгой жизни. К тому же ни одна из вас не может пострадать или умереть от этого лекарства, и никакой из сестёр не нужно стесняться его употреблять. Совершайте свой путь в простоте сердца и исповедуйтесь друг другу. Благословляю вас от всего сердца и желаю поскорее услышать, что вы уже здоровы. Скажи Хрисанфе, что я отправляю её маме пять драхм, пока она не найдёт источник средств к существованию и не приедет летом, а также шлю десять драхм, как обычно, госпоже Елене Зервулаку.

После Воскресенья о Фоме я позабочусь о том, чтобы приехать повидать вас.

Я узнал, что вы смущаетесь, боясь, что я пришлю Мосху. Вы малодушны, страх опередил вашу мысль; вы не учли, что я ничего не стал бы предпринимать без предупреждения и к вашему огорчению. Сообщаю вам, что можете быть спокойны, и Господь знает, пошлём ли мы её, пока дела у вас обстоят таким образом.

Желаю вам пройти поприще Святой Четырёхдесятницы здоровыми. Так как Екатерина болеет, то вы, если не в силах читать всю службу, сокращайте её, а вместо остального творите Иисусову молитву.

Возвращаюсь к вопросу о Мосхе, потому что вспомнил об Ангелике. Неврастения Ангелики произошла от работы на вязальном станке. Поскольку она на нём работала с детства, станок расстроил её нервную систему, и она кончит тем, что не сможет стоять на ногах. Господин Константин Явопулос, доктор, сказал, что у неё, судя по симптомам, ревматизм, и что летом она должна поехать на воды Мефены². Ревматизм её поразил из-за того, что её нервная система была в тот момент очень слаба. Её состояние подвигло меня на мысль послать другую девушку выучиться у Ангелики работать на станке, чтобы заменить её. В качестве такой я рассматривал Мосху, но если вы отказываетесь от неё, то думаю, что работу на станке должна взять на себя другая. Если Ангелика будет продолжать работать, то не сможет поправиться.

¹ Денежная единица греческого государства до входа в еврозону. В одной драхме сто лепт.

² Полуостров и одноимённый город на Пелопоннесе в той его части, которая наиболее близка к Эгине, известен своими курортами с целебными источниками.

Шлю вам также термометр, немного мяты и хинин. Когда ты мне будешь составлять ответ, рекомендую держать перед собой моё письмо и писать обо всём, на что нужно ответить. Молюсь за вас.

Духовный отец

† Пентапольский Нектарий

ПИСЬМО ШЕСТОЕ

Афины, 14 марта 1905 г.

Возлюбленные о Господе чада, радуйтесь о Господе!

Получил два письма от Филии, от 8 и 12 марта, и сейчас приступаю к ответу на них.

Что касается девушки, о которой вы написали, я бы хотел её сперва увидеть, поспрашивать её о некоторых вещах, и прежде всего – воспламенена ли она божественной любовью, любит ли молитву от всего сердца и имеет ли к ней постоянное и сильное устремление, есть ли у неё самоотверженность, может ли она отречься своей воли, может ли она подчинить свою волю воле другого, может ли она делать что-то противное её воле, может ли она не противоречить и принимать повеления безропотно, может ли она сказать Господу: «Не как я хочу, Господи, но как Ты». Может ли она претерпеть искушение, всецело ли она доверилась Божественному предстательству и защите, и наконец, чтобы не продолжать далее, может ли она прощать сёстрам всё до захода солнца, по заповеди любви. Если она с этим согласна, пусть исповедует своё согласие в вашем присутствии перед иконой Господа в храме, а вы спойте краткий благодарственный молебен Господу за то, что Он призвал её, и после того, как помолитесь Господу, чтобы Он укрепил её и принял, все облобызайте её и примите как сестру. Старицей, которой она должна слепо повиноваться, должна быть Хрисанфа.

Это что касается неё; Бог да покроет её и да сохранит вовек, и да покажет достойной её призвания, и да сопричислит её с мудрыми девами, чего я желаю и всем вам. Аминь.

Мне стало известно, что вас постигло одно искушение, и вы переполошились, как цыплята. Беда, если вы так скоро тревожитесь и теряете надежду. Если вы не претерпите искушение, то не придёте в меру совершенства. Терпите, даже если вас будут бить. Господь рядом с вами. Каждый день вы поёте: «С нами Бог»¹, и однако видно, что не поняли как следует, что это значит. Желаю, чтобы вы прочитали один раз это песнопение для полного его усвоения и уверяю вас,

¹ Слова из молитвы Великого повечерия.

что ваше сердце успокоится. Знайте, что против вас восстанет сила вражия, но вы пойте: «С нами Бог! Страха же его не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог» и прочее; будьте крепки и преодолевайте, потому что с вами Бог. Если вы претерпите до конца, то имена ваши будут записаны в книге жизни. Хочу узнать, что Божия благодать вас посетила, и вы умиротворились.

Новой девушке, если Бог её призвал, и она останется, думаю, хорошо бы научиться работать на станке, чтобы дать отдых Ангелике, которая бы стала помогать Филии, а саму Филию я хочу назвать Филофеей, если она с этим согласна.

Ожидаю вашего ответа по поводу того, что я написал о девушке и обо всём, о чём писал в своём письме, которое было перед этим. Желаю вам довести ваш подвиг до конца и остаюсь Вашим пред Богом молитвенником.

Духовный отец

† Пентапольский Нектарий

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ

Афины, 6 апреля 1905 г.

Возлюбленные чада Господа, радуйтесь о Господе!

На Эгину

От Василики я узнал о ваших делах, однако я предвидел, что Бог вмешается, о чём и сказал госпоже Аргирии, и моё упование на Божественное заступление оправдалось, отчего моя надежда на Бога ещё больше укрепилась, и я ещё больше уповаю, что Бог благословит наше дело, а вас укрепит и сохранит. Уповайте на Бога – Благого, Крепкого, Живого – и Он изведёт вас в покой¹. Испытания сопровождаются духовной радостью. Господь наблюдает за терпящими испытания и скорби ради Его любви. Пусть не смущается ваше сердце и не боится, потому что с вами Бог.

Со скорбью узнал, что госпожа Елена заболела; хочу знать, как поживает она сейчас, и молюсь, чтобы она была здорова.

Узнал также о желании Ангелики, чтобы я ей написал по поводу её нервной болезни, которая препятствует ей выполнять келейное правило – что ей делать? Итак, говорю ей, чтобы она делала по совести и со страхом то, что ей по силам, пока не восстановятся её нервы. Молитесь друг за друга, чтобы получить исцеление, и Бог услышит вас и не презрит вашего моления.

¹ Ср.: Исх. 33, 14; Пс. 65, 12.

Решение Евтихии¹ согласно с Божественной волей, оно нужно, чтобы был образован и другой монастырь, а вы не беспокойтесь. Любите её и передайте ей моё благословение, скажите ей, что я приеду её навестить в церкви святой Кириакии.

Желаю вам пройти Страстную седмицу в добром здравии, в умиленнии души и сподобиться отпраздновать в радости тридневное Воскресение Господа нашего Иисуса Христа.

Через вручителя этого письма я отправляю вам две связки маленьких свечей и десять больших свечей из чистого воска. Также отправляю вам две коробки, одну с кофе и другую с сахаром, чтобы у вас было хотя бы это маленькое утешение. Получил письмо Аргирии², благодарю её, и сердечно желаю ей остаться с вами.

Всем вам передаю наилучшие пожелания и прошу молиться Богу за меня, чтобы Он не отвратил Своего Лица от меня за моё великое нерадение, но подал мне «бодр ум, целомудр помысл, сердце трезвящееся»³, а также даровал мне мудрость и ведение и, наконец, здравие для исполнения Его заповедей.

Господь да вознаградит вас за ваши молитвы. Думаю приехать на два дня на Светлой седмице, если Господь соблюдёт моё здоровье в дни Страстной седмицы, молитесь, чтобы Он сохранил меня от всякого искушения врага, и я смог исполнить Его волю. Когда приеду, то привезу вам и других девять гимнов, которые сложил после издания Феотокариона. Их уже переписывает один из учеников на хорошей бумаге того же формата, что и книга, так что вы сможете вставить их в её конце. Я покажу вам и то, как они поются. Если вам нужны экземпляры Феотокариона, напишите, и я пришлю их. Вы можете их продавать за двадцать пять или двадцать лепт, возмещая ваши скромные расходы.

Ваш перед Богом молитвенник

† *Пентапольский Нектарий*

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ

Афины, 25 апреля 1905 г.

Возлюбленные о Господе чада, радуйтесь о Господе!

¹ Евтихия (Пеппа), по некоторым сведениям, принадлежала к «старожилам» Обители, подвизавшимся вместе со схимонахиней Анастасией. Зброшенный монастырь св. Кириакии находился на горе Палеохора, располагающейся рядом со Свято-Троицким монастырём.

² Вероятно, речь идёт об Аргирии Алифрангаки, будущей монахини Фекле, которая сподобится узреть святого Нектария вознёсшимся от земли во время молитвы. Её старшая сестра стала инокиней Феоклитой.

³ Молитва ко Пресвятой Троице из чина малого Повечерия.

Христос Воскресе!

Божией помощью в понедельник двадцать пятого числа текущего апреля месяца я поеду на Эгину. Я сообщил об этом и господину димарху, и игумену монастыря¹, и попросил его прислать мне двух животинку для того, чтобы добраться мне и дьякону. Однако хочу, чтобы вы попросили госпожу Хрису², которой я передаю своё благословение, принять дьякона на одну ночь. Дьякон мне нужен, чтобы совершить Божественную литургию в храме святого Дионисия³, чьё заступничество мы и будем испрашивать.

Господин димарх выразил мне телеграммой своё удовлетворение по поводу моего прибытия на Эгину, которое совпадает с совершением поминовения по его матери.

Желаю всем вам всего наилучшего, а также заступничества свыше.

Духовный отец

† Пентапольский Нектарий

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ

Афины, 17 мая 1905 г.

Возлюбленные о Господе чада, радуйтесь о Господе!

Посылаю вам первым четыре песни, которые я сложил Пресвятой Богородице, чтобы ваше сердце исполнилось радостью, и вы воспели Госпожу Богородицу в новых гимнах. Желаю вам, чтобы радость благодати Всесвятого Духа всегда оживотворяла ваши души, таинственным образом возвеселяла и делала вас блаженными. Заботьтесь об ограждении этой радости в своём сердце, и не позволяйте врагу примешивать к ней горечь. Внимайте! Внимайте тому, чтобы рай внутри вас не обратился в ад. Бдите и молитесь, *да не внидете в напасть*⁴. Не отчаивайтесь, постоянно впадая в старые прегрешения: многие из них сильны от природы и от привычки, но с течением времени и с помощью усердия они преодолеваются. Пусть ничто вас не ввергает в безнадежность. *Просите, и дано будет вам*⁵.

¹ Архимандрит Феодосий (Папаконстантину), игумен мужского монастыря в честь иконы Божией Матери «Хрисолеондисса», с ним Свяtitель был знаком ещё на острове Эвбея (1891 – 1893 гг.).

² Хриса Павлинери, жительница острова Эгина, одна из первых благотворительниц монастыря. Она принимала у себя посетителей монастыря, пока в нём не появилась собственная гостиница. Её колодцем пользовались для совершения строительных работ в монастыре. См. также письмо пятнадцатое.

³ Преподобный Дионисий Закинфский († 1622) почитается как покровитель Эгины, так как был некоторое время епископом этого острова.

⁴ Мф. 26, 41.

⁵ Лк. 11, 9.

Передайте поклон доброй госпоже Елене Зервулаку, братолюбие которой свидетельствует о множестве её добродетелей. Передайте поклон и госпоже Евтихии, госпоже Афродите, госпоже Софии и Хрисе. Ещё раз призываю свыше на вас божественный покров и заступление, остаюсь ваш перед Богом молитвенник

† *Пентапольский Нектарий*

ПИСЬМО ДЕСЯТОЕ

Афины, 18 мая 1905 г.

Возлюбленное чадо во Христе Екатерина, по-отечески благословляю тебя.

В ответ на твоё письмо посылаю тебе мое сочинение¹, обращённое к Госпоже Богородице, читая которое, возвышай свой ум и своё сердце к благоутробной Матери Господа, и сподобишься Её скорой помощи и заступления.

Часть 1

Радуйся, первозданных славо, украшение и благонаследие,
Радуйся, прародителей желание и радости вечная,
Радуйся, Аврааму славо Божия обетованная,
Радуйся, всем языком Божественная Дщерь во утешение.
Радуйся, Лествице Иакова и Скинии осененная,
Радуйся, Жезле Ааронов, радуйся, Двере затворенная.
Радуйся, Сосуде манны, Дщерь Обрадованная,
Радуйся, Престоле Господень нескверный и освященный.
Радуйся, неблазненная Дево, Богом сохраненная,
Радуйся, Сияния Незаходимаго Мати препрославленная.
Радуйся, Горо, радуйся, Купино, радуйся Престоле Святыи,
Радуйся, Обрадованная, Госпоже моя Пресвятая.

Часть 2

Радуйся, славо монашествующих и преподобных светлосте,
Радуйся, стено девам, [опора] и благолепие.
Радуйся, в море плавающим безопасное препровождение,
Радуйся, Пресвятая, боримым умирение.
Радуйся, скорбящим едина твердое утешение,
Радуйся, колеблемым основание и спасение.
Радуйся, едина стоящим недвижимое правостояние,
Радуйся, путешествующим путю незаблудный.
Радуйся, Богородице, обуреваемым тишино,
Радуйся, Дщи, озлобленным радости и веселие.

¹ Гимны святителя Нектария переведены здесь на церковнославянский; метрика, рифма и ритм оригинала не соблюдены.

Часть 3

Тебе ради род наш от клятвы свободися,
Тебе ради райския пищи сподобися.
Тебе ради обновися всяко естество человеце,
Тебе ради возсоздася истлевшее древле творение.
Тебе ради возвеличися род Адамов,
Тебе ради сподобися прияти благодать, славу и крепость.
Тебе ради, Мати и Дево, род сей к Богу пременися.
Тебе ради, Богородительнице, работы избавися.
Тебе ради Божия благословения сподобися,
Тебе ради язва велия неисцельная уврачевася.
Тебе ради сынотворение обрете и спасение,
Тебе ради Небесное обрете наследие.

Часть 4

Сего ради к Тебе, Дево, усердно ныне прибегаю
И Твое благоутробие всею душею умоляю.
Призри убо, Госпоже моя, на смирение мое.
Низпосли помощь Твою, поспеши на укрепление мое.
Подаждь ми утешение, Дево Владычице моя Пресвятая,
Скорбящим едина скорая Утешительнице.
Сладкое радование, радости и сердечное веселие,
Призывающим Тя скорое ободрение.
Надеждо ненадежным и умоление страждущим.
Скорая Заступнице к Тебе притекающим.
Ты Предстательство еси люте обуреваемым,
Имже от чуждаго, Владычице, боримым.
Ты печаль души моя и бесплодное озлобление
Отыми от нея, Дево, и подаждь исцеление.

Часть 5

Виждь зол множество, услыши стенание мое,
Виждь бездерзновение мое, призри на сетование мое.
Виждь уничижение мое, виждь мое уныние,
Виждь пленение мое, виждь мое расслабление.
Предвари, помози ми, прежде даже не погибну,
Прежде даже не горькою печалию поглощен буду.
Не бо имам, окаянный, разве Тебе иного предстательства
Ниже прибежища ми, ниже утешения.

Часть 6

Ты мой покров и заступление, Ты мое утешение,
Ты заступление ми подаеши, Ты Надеждо и Предстательнице,
Ты мя огради, Дево, сохрани мя, укрепи мя,

Ты, Дево Богородице, предваривши, спаси мя.
Ты укрепи мя, Дево, во брани и в подвизе,
Ты, Мати и Дево, похвала моя в житии моем.
Ты помози ми, Дево, победу улучити во брани,
Юже на супостата препровожду присно.
Ты мя яви победоносна, Ты яви мя увенчана,
Ты яви мя Христова воина храбра и крепка.

† *Пентапольский Нектарий*

Р. S. Позавчера пришла Мария¹ и попросила работу, а также испросила моего разрешения приехать на несколько дней на Эгину повидать вас, так как очень о вас соскучилась. Я разрешил ей приехать на несколько дней и остановиться в паломническом доме, потому что не разрешается монахам и мирянам спать вместе.

О твоём состоянии скажу, что отчасти оно – результат твоей болезни; кажется, что и ты истерична, и болезнь истощила твою нервную систему и сделала нервной и очень чувствительной – отсюда всё это состояние. Бог не попускает немощным такого искушения, причина страсти находится в тебе, а искушение пользуется твоей страстью и тебя огорчает, приписывая состояние нервозности, происходящее от твоей истеричности, только твоему неисправленному разумению, и толкая тебя к отчаянию. Итак, теперь знай, что это тебе пытается внушить лукавый, и отбрасывай прочь такие мысли. Позаботься об укреплении твоей нервной системы и прекрати смущаться помыслами. Твоё поведение по отношению к Христанфе – результат нервного истощения. Не раздражайся, это не болезнь души – не от неё самой, она страдает «по отражению», или, как говорится, по склонности. А лукавый её представляет как болезнь самой души, хотя это и не так; когда поправится твоё тело, то будет здорова и душа. Итак, послушай меня и позаботься о своём лечении, и тогда придут в порядок у тебя и тело, и душа; и не скорби, будто ты неизлечимо больная.

Радуйся о Господе и молись Ему о здравии души и тела. С этого момента прекратилась печаль от лукавого. Опиши госпоже Аргирии твоё болезненное состояние, скажи и моё мнение, чтобы врач тебе прислал лекарства, которые назначают истеричным женщинам.

Молюсь за тебя, твой духовный отец

† *Пентапольский Нектарий*

Р. Р. S. Я бы хотел, чтобы фотографии вы хранили, не выставляя на показ, кроме одной, которая пусть находится в трапезной.

¹ Вероятно, Мария Хасиоту, которая впоследствии будет пострижена с именем Синклитикия. См. о ней также письмо тридцать второе.

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ ИЛИ АДАПТАЦИЯ К СОВРЕМЕННОСТИ?

Если сравнить наш христианский, и даже постхристианский взгляд на историю с воззрениями античности, мы увидим, насколько понимание древних ближе к действительной картине мира. Их стоически-героическая трезвость вызвана сознанием того, что бездонная громадность Вселенной и наши человеческие чаяния несоизмеримы. Обязывать мир откликаться на запросы человека, столь слепые и переменчивые, казалось древним недостойной и даже кощунственной наивностью. Тогда победители не трубили о своей «полной и окончательной победе» и не тщились монополизировать Историю, объявив о совпадении своих частно-относительных интересов с замыслами самого мирового разума.

Например, Полибий, заставший упадок македонской гегемонии и возвышение Рима как мировой империи, не склонен был фамильярничать с мировым духом и приписывать ему обязанности, приличествующие придворным льстецам и угодникам. Он не впадал в патетику, в которую впал Гегель, увидевший в Наполеоне сам «мировой дух». Напротив, свою мудрость историка он видел в том, чтобы подчеркнуть несоизмеримость Времени со временами имперских торжеств и другими обретениями слабого человеческого духа.

Точно так же Деметрий, заставший возвышение Македонии, подчеркивает тщетность нашего исторического честолюбия перед лицом безстрастного Рока времени. «Даже если ты охватишь взором не бесчисленное число времен или многие поколения, но лишь последние 50 лет, ты прочтешь в них неумолимость судьбы. Я спрашиваю тебя, считаешь ли ты возможным, что через 50 лет персы или... македонцы... если бы Бог предсказал им будущее, поверили когда-нибудь, что к тому времени, в котором мы живем, даже имя персов совершенно бы исчезло – персов, которые овладели почти всем миром, – и что македонцы, имя которых до сих пор было едва известно, сейчас стали бы властителями всего? но это судьба, которая никогда не заключает договора с жизнью, но всегда нарушает наши расчеты новыми ударами и заставляет признать свою силу, уничтожая наши надежды. Также сейчас эта судьба, одарившая

Печатается по: Панарин А.С. Россия в циклах истории. М.: Изд-во МГУ, 1999.

македонцев целым Персидским царством, делает для всех людей очевидным, что преподносит им эти благодеяния до тех пор, пока не решит распределить их иначе»¹.

Как не сопоставить этот мужественно-мудрый взгляд с непомерной кичливостью наших левых и правых революционеров, всех этих создателей «тысячелетнего Рейха», мирового социализма, а теперь нового однополярного мира – каждый раз объявляющих, что они дали окончательное решение истории! Все нынешние победители вместо того, чтобы благодарить удачу и отдавать себе отчет в инаке возможном, не преминут объявить, что вся человеческая история закономерно вела именно к их триумфу, в котором воплощена – ни больше ни меньше – сама логика мировой эволюции.

Словом, если в области естествознания наша мысль шла от Птолемея к Копернику, от геоцентризма к гелиоцентризму, то в сфере исторического знания мы шли скорее обратным путем: от коперников античной исторической классики к птолеям провинциально-самоуверенного прогрессизма. Поражает неисправимость последнего: наблюдая крушение очередного авангарда, прогрессисты тут же идут в услужение к следующему, объявляя, что на этот раз мы имеем дело с безошибочным историческим выбором и окончательной победой.

Невозможно отрешиться от впечатления, что где-то произошла роковая подмена: историзм, некогда утверждавший достоинство человека в истории тем, что обязывал ее прислушиваться к нашим чаяниям, затем превратился в уродливую карикатуру, унижающую и отрицающую наше достоинство. Каково же происхождение историзма – установки на то, что История имеет вектор – движется как раз в том направлении, в котором реализуется великое обетование?

Здесь мы снова подходим к «классовому» делению людей по отношению к истории. Те, кто успешно устроился в настоящем и присоединился к господам мира сего, ориентированы на статус-кво – им не нужна

Александр Сергеевич Панарин

¹ Цит. по: *Философия истории: Антология*. Под ред. Ю. А. Кимелева. М., 1993. С. 267.

история, олицетворяющая великие перевороты. Напротив, те, кто потерпел неудачу и отчаялся в настоящем, страстно ждут, что рок или разум истории «подставит ножку» зарвавшимся победителям. Таким образом, историческое сознание надежно устроенных здесь, на грешной земле, носит плоский, экстраполирующий характер, чураясь исторического мистицизма. Напротив, сознанию неустроенных свойственна особого рода мистическая впечатлительность к таинственным вулканическим процессам, спрятанным за корой повседневности. Их взгляд высматривает малейшие трещины в порядке бытия, которые самоуверенные господа мира сего не замечают, их ухо улавливает таинственный подземный гул...

Когда же произошел этот роковой раскол на исторических позитивистов, верящих в вечное теперь, и исторических апокалиптиков, знающих, что сколько веревочка ни вейся – конец будет?

Если брать во внимание не частные прецеденты, а всемирный масштаб, то источники такого раскола ведут к истории еврейского народа. Этот народ был тем неудачником древней политической истории, которому суждено было терпеть систематические поражения от более могущественных соседей. Первая здоровая реакция на поражение – жажда реванша. Но все попытки реванша в борьбе с такими мировыми империями, как Вавилон, Египет и Рим, оказались безнадежными. Если такое происходит на протяжении веков, то у новых поколений возникает соблазн сменить идентичность, влиться хотя бы поодиночке в ряды победителей, адаптироваться к новой реальности.

Возникает жесткая дилемма: либо сохранение изгойской коллективной идентичности народа-пораженца, либо стратегия постепенной натурализации в среде победителей в форме индивидуалистической морали успеха. Модернизируя эти различия, можно было бы сказать о коллективной революционной апокалиптике, с одной стороны, и о социал-реформистской «постепеновщине» и теории малых дел, – с другой.

У древних евреев противоядием от натурализации и потери коллективной идентичности стала религия. Она не просто предостерегала от легких путей преуспевания, что в общем делает любая религия, она утверждала статус избранного народа Божиего, который заключил завет (договор) с самим Яхве. И главное в этом договоре – не служить другим богам, не искать индивидуального успеха в обход принципа единой коллективной судьбы. В еврейской исторической биографии, таким образом, впервые диалектически сомкнулись столь противоречивые черты, как изгойство и избранность, статус самого незадачливого из всех народов и статус избранного.

Когда марксисты противопоставляли буржуазную формальную логику великой пролетарской диалектике, то возможно только отцы-основатели учения осознавали, что истоки такого противопоставления восходят сюда, к драме древнего Израиля. Согласно «формальной логике», больше шансов в будущем имеют те, у кого на сегодня лучше стартовые условия в широком смысле слова: преимущества власти, богатства, образованности. Эта логика исключает любые исторические неожиданности и парадоксы; если бы история действительно следовала ей, у нее были бы вечные любимцы и победители.

Но реальная история человечества свидетельствует об обратном: о том, что величие победителей преходяще, а те самые качества, которые сегодня обеспечивали им успех, завтра становятся тем камнем преткновения, о который спотыкаются самоуверенные победители и из вершителей судеб превращаются в презираемых неудачников.

Можно, разумеется, и в разгадке этого парадокса идти банальным путем, выискивая скрытые, ранее не учтенные параметры, которые предопределили эту неудачу. Но с общих теоретико-методологических позиций такой путь означает то же самое, что проделывали физики классической детерминистской выучки, когда столкнулись с так называемой «свободой воли» электрона – они тоже начинали искать скрытые параметры, которые подтвердили бы правоту старых лапласовских установок.

На самом деле неудача исторических победителей носит принципиальный характер и именно здесь лежит тайна историзма. Маленькому народу нужна была большая вера в высший смысл истории, чтобы отстоять свое достоинство перед лицом победителей. Вопрос о смысле истории возник как вопрос о надежде и человеческом достоинстве потерпевших, о том, что их великое терпение небезсмысленно. С тех пор он именно так и стоит – вплоть до нашего времени.

Смысл истории становится основанием парадокса, согласно которому самые слабые, но сохранившие веру и призвание, восторжествуют над самыми сильными. Именно так этот вопрос был поставлен в исторической биографии еврейского народа. Как пишет Н. Бердяев, «я думаю, что основная миссия еврейского народа была: внести в историю человеческого духа это сознание исторического свершения в отличие от того круговорота, которым этот процесс представлялся сознанию эллинскому»¹.

¹ Бердяев Н. А. Смысл истории. М., 1969. С. 37.

Сознание победителей, господ мира сего, может быть либо патетически кичливым, либо, со временем, поверхностно-благодарным, но оно в любом случае остается в плену «формальной логики»: тех очевидностей, которые фиксируют неумолимую логику фактов и причин, но игнорируют те эффекты неопределенности, которые вообще онтологически заявлены во Вселенной, но в человеческом социальном бытии связаны с вторжением альтернативной духовной диалектики. Сознание победителей является оппортунистическим в отношении сложившегося порядка вещей, сознание потерпевших, если они духовно не капитулировали, – катастрофически эсхатологическим. Потерпевшие ждут, когда судьба отвернется от победителей, и видят в этом не случайность, а скрытую закономерность, связанную с духовной логикой наказания и воздаяния.

Уже в еврейской апокалиптике заложены основные принципы историзма:

– единой коллективной судьбы (запрет на попытки сепаратного устройства своих дел);

– запрета на натурализацию – сделок с господами мира сего и растворения в их среде;

– диалектика изгойства-избранничества: твердая вера в то, что именно самые отверженные восторжествуют над самыми могущественными, ибо облечены великой миссией.

Все эти темы получили свое светски-превращенное воплощение в марксизме. «К. Маркс, который был очень типичным евреем, в поздний час истории добивается разрешения все той же древней библейской темы... Но мессианскую идею, которая была распространена на народ еврейский как избранный народ Божий, К. Маркс переносит на класс, на пролетариат... Все черты богоизбранности, все черты мессианские, переносятся на этот класс, как некогда они были перенесены на народ еврейский. Тот же драматизм, та же страстность, та же нетерпимость...»¹. [...]

Сегодня многие интеллектуалы, не обладающие еврейской идентичностью в традиционном смысле слова, но чувствительные к вопросам коллективной вины, оправдания и спасения, решили сделать ставку на либерализм. Чем больше они отдают себе отчет в том влиянии, которое имела на большевистский историцизм иудаистская апокалиптика, тем сильнее их стремление решительно дистанцироваться от любых форм исторического финализма (обетования) и обратиться целиком к светской логике, которой учит современный либерализм.

¹ Бердяев Н. А. Указ. соч. С. 109.

Не находя в себе духовных сил идти от ветхозаветной ереси большевизма к новозаветным таинствам, связанным с принципиальным различием и одновременно неисповедимым переплетением имманентноисторического и трансцендентного планов, они ударяются прямо в язычество – в культ силы и успеха. Думается, их участие в современном либеральном движении может иметь столь же роковые последствия, как и участие в большевистском. Подобно тому, как они радикализировали российский марксизм в духе иступленной ветхозаветной апокалиптики, они сегодня радикализируют российский либерализм в языческом духе максималистской посяторонности, не признающей никакой трансцендентной нормативности, никаких нравственно-религиозных резонансов. Возникают опасения, что такое «раскаяние» готовит новую вину и может способствовать увековечиванию древней диалектики изгнания и рассеивания.

Надо сказать, что все эти уроки ложного эсхатологизма в первую очередь предназначаются для русского народа. Вся диалектика изгойства-избранничества, известная нам из истории еврейского народа, воспринята и взята на себя русским народом после того, как было заявлено, что Москва – Третий Рим. После падения Византии русский народ почувствовал великое священное одиночество, связанное со статусом единственного хранителя Православия, на протяжении пятисот лет, прошедших с тех пор, русским периодически предлагали обменять свою ставшую изгойской веру на нечто благополучно стандартное, общеевропейское (в значении общепринятого) и в обмен на это получить массу политических, экономических и других обретений.

Так было при московских Иоаннах, получавших соответствующие приглашения и обещания от папских легатов, так это происходит и сегодня. Иступленность старой русской веры подогревалось чувством священного одиночества во враждебном мире. Народ меньших амбиций и дерзаний из этого одиночества давно бы сделал оппортунистический вывод о необходимости «стать как все» и тем избежать риска, связанного с одиночеством. Русский народ отверг оппортунистическое решение и принял на себя бремя этого риска.

Но, как это нередко бывает, подвиги мученичества стали источником гордыни. В особенности эта гордыня усилилась, когда в Москву был переведен институт патриаршества. Тогда и наметилась девиация, связанная, во-первых, со смешением религиозной идентичности с этнической, во-вторых, с нарушением великого принципа разделения политической и духовной власти. Трагический парадокс реформаторов в России – от Никона и Петра I до большевиков – в том, что в одном

определенном отношении они тянули страну не вперед, а назад, именно: в сторону нарушения этого принципа.

В особенности Петр I, упразднивший патриаршество и прямо подчинивший Церковь светской власти, тяжело деформировал те принципы, на которых высокая духовная власть держится, – неслужения земным владыкам и независимости суждений в делах совести и высшей справедливости. Но параллельно этому присвоению Церкви государством шло столь же духовно противозаконное присвоение Церкви народом, незаметно для себя воздвигшего ряд сугубо этнических особенностей в ранг сакральных. [...]

Разумеется, нельзя упрощать судьбы и задачи народов: некоторые крайности могут быть спасительными в свое время и на своем месте. Без идентификации с Православием русский народ не состоялся бы как великая суперэтническая общность, сохраняющая себя, несмотря на все разломы пространства и времени. Это тоже подчеркивал наш великий философ: «Церковь перенесла на Русь из Византии идею государства, с устранением варяжской идеи земли с народом, которую княжеский род может дробить без конца как удельную свою собственность. Церковь утвердила единство народного самосознания, связав народ единством веры как единокровных, единокровных чад единого Отца Небесного»¹.

Тайна русского народа состоит в том, что он связан духовно-религиозной связью, т. е. образует, как и евреи, теократический феномен в истории. Как евреи сохраняли свою идентичность в диаспоре только с опорой на веру (включая постулаты мессианского призвания и избранничества), так и русские, живя в крайне жесткой геополитической среде, не раз испытывающей их на прочность, сохраняли свою идентичность, опираясь на веру (включая аналогичные постулаты).

Это нашло свое подтверждение в революционную эпоху XX в. Сегодня наш либерализм пытается банализировать историю 1917 г., видя в ней результат несчастливого стечения обстоятельств, наложенных на дурную историческую и культурную наследственность в России. Но современники остро чувствовали эсхатологический подтекст эпохи, на себе ощущая давление груза истории, подошедшей к роковым развязкам. Историю 1917 г. писали в основном марксисты и позитивисты, ориентированные на экономикоцентристскую парадигму. Духовная история 1917 г. до сих пор не написана, за некоторыми исключениями, в число которых входит работа Н. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма».

¹ Соловьев В. С. Соч.: в 2 т. М., 1989. Т. 1. С. 419.

1917 г. был точкой встречи и переплетения двух видов мессианизма: русского и еврейского. Два «избранных» народа решились бросить вызов всей «позитивной» истории, ибо не нашли в ней решения роковых вопросов, заданных древней апокалиптикой. Оба чувствовали себя изгоями мировой цивилизации, которая пошла по языческому пути преуспеяния сильных. Оба видели в своем изгойстве знак избранничества – свидетельство того, что совсем не случайно их земной путь отмечен неудачами и поражениями: судьба оберегала их от соблазнов банальной истории и от преждевременного, профанированного успеха.

Словом, оба народа ощущали присутствие таинственного, высшего смысла истории, скрытого от господ мира сего. В то же время следует сказать, что оба народа переживали разные фазы своей исторической диалектики. Случилось так, что русский народ как бы потерял себя в своей официальной, начатой с Никона и Петра I истории. Город, который воздвиг Петр, был лишен сугубо национального и сакрального начал, он был местом, воплощающим механику государственной организации. Громадная деревенская Русь смотрела на него как на нечто инородное. [...]

То, что человеку прежнего типа удавалось обретать смысл жизни и истории, доказано богатейшим духовным опытом человечества. Сегодня вопрос состоит в том, способен ли сподобиться такой же благодати человек новейшей формации? В особенности, если он тяжело травмирован опытом тоталитаризма и потому инстинктивно чурается «великих коллективных сущностей»? Или, если сформулировать этот же вопрос по-другому: к чему ведет свобода, не облагороженная высоким смыслом? И окажется ли человечество способным на долговременное существование на основе такой свободы?

На основании всего вышеизложенного мы можем обозначить, по меньшей мере, три больших парадокса, связанных с проблематикой смысла истории.

1. Первый парадокс касается человеческой свободы. Опыт великих катастроф XX в., о которых предупреждал проницательный Ф. Достоевский в своем романе «Бесы», свидетельствует, что самоутверждающийся любой ценой пострелигиозный человек способен предаваться неистовствам разрушения и довершить дело диалектикой Шигалева: «Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом».

Это, бесспорно, – величайшая неудача свободы, но не единственная. Кроме великих катастроф большой эпической Истории существуют малые катастрофы, связанные с утратой больших коллективных горизонтов и ведущие к тотальной безцельности существования. Оказывается,

человек может злоупотреблять свободой по-разному. Свежий человек раннего модерна, еще не растративший сил и великой самоуверенности, способен пускаться в авантюры, выходящие за пределы любых разумных норм и границ. Об этом и свидетельствует первая половина XX в. – эпоха пострелигиозного эсхатологизма.

Но человек может, как об этом свидетельствует опыт позднего модерна, использовать полученную свободу для того, чтобы умыть руки – отказаться от участия в любой социальной работе, требующей сколько-нибудь значительных усилий. Во всем облике культуры позднего модерна (или постмодерна) чувствуется предельная усталость европейского человека, явно перенапрягшегося в прежнюю героическую эпоху и теперь предпочитающего игры безцельного стилизаторства любым формам настоящей ангажированности.

И тогда «место исторического счастья заступает индивидуальное удовольствие, а личность становится всего лишь индивидуальностью. Из преисполненного личным смыслом исторического творящего сообщества получается лишенная историчности масса как совокупность биологических индивидов. Историческое состояние возвращается в состояние, сходное с природным»¹.

Для того, чтобы сохранять свою жизнь как историческую, т. е. не выпадать из истории, нет иного пути, как путь определенной коллективной идентичности. Только устойчивая идентичность обеспечивает преэминентность бытия и придает социальной жизни характер кумулятивного процесса, наращивающего свои результаты. При отказе от коллективной идентичности, к чему нас призывает «поздний» либерализм, каждый говорит в никуда, в пустое пространство, а каждое поколение начинает с нуля и кончает как нулевое, ничего не завещавшее потомкам.

Вот он, парадокс уставшего Прометея: сначала он творил свой субъективный мир, который считал равновеликим Космосу и даже значительнее его, теперь он соглашается на роль автономной песчинки мироздания, которой, правда, позволено играть в любые игры, но только потому, что они проходят в пустоте. (Это приключение свободы своеобразно проявилось в современной России. Когда свободное слово было способно вдохновлять и взывало к смыслу, его запрещали; теперь появилась «свобода слова», поскольку само слово тонет в пустоте.)

Итак, на первых порах пострелигиозный человек требует свободы во имя творчества; но затем он постигает более простую истину: что свободу можно использовать и менее обременительным способом – во имя

¹ Мюллер М. Смысловые толкования истории // Философия истории: Антология. С. 280.

ничего неделания. И это – вывод не только интеллектуалов постмодернистского толка, это становится массовой практикой так называемой «цивилизации досуга».

Как показал известный специалист в этой области социолог Ж. Дюмазедье, досуговая практика начинается как время, свободное от работы, затем – как время, свободное от бытовых повинностей, и, наконец, как время, свободное от любых обязанностей: профессионального, бытового и социокультурного характера. «Досуг – это время, которое личность отвоевала у общества исключительно для себя и не собирается возвращать ему в какой бы то ни было форме»¹.

Современный *homo ludens*² категорически отвергнет как пережитки «репрессивного традиционализма» любые представления о социальном назначении досуга: как о средстве восстановления способности к труду или как о времени, предназначенном для широкой гражданской активности вне сковывающих рамок профессиональной специализации, или, наконец, как средстве формирования всесторонне развитой личности. Он усмотрит в этом незаконные посягательства на неотчуждаемые права личности. Но такое предельно широкое истолкование личностных прав парадоксальным образом совпадает с их предельно узким толкованием – как право вести безцельное животное существование.

Современный человек, достигший стадии *homo ludens*, в конце концов истолковал свободу, как право жить без всякого напряжения. Но такая жизнь быстро приближает «наиболее вероятное состояние» – энтропию асоциальности. Классический либерализм в свое время потребовал свободы во имя творчества. Но как оказалось, творчество вовсе не обязательно является выбором эмансипированной личности. Становится все более вероятным, что тяготам творчества (а еще К. Маркс говорил, что творческий труд – адски тяжелое дело) тотально неангажированный индивид предпочтет «балдение» и «отключку», ускоренным путем к которым все чаще становятся наркотики.

Теперь, когда человек западного типа (и его вестернизированные соотечественники) почти достиг этого «наиболее вероятного состояния», трудно надеяться на то, что из недр собственной души он извлечет альтернативу и, избежав самого легкого, снова пойдет трудным путем творческой аскетике. Весьма вероятно, что возврат к новой социальной ангажированности и к новым большим смыслам осуществится только в предстоящей, восточнической фазе исторического развития человечества. Так

¹ Dumazedier J. Sociologie empirique du loisir. P., 1974. P. 61.

² «Человек играющий» – трактат нидерландского историка и культуролога Йохана Хейзинга. 1938 г.

было во времена поздней античности, так это, вероятнее всего, произойдет и теперь, в поздний час европейской и мировой истории.

Заранее скажем, что возвращение к подвигу творчества и связанному с ним напряжению возможно только на основе мотивации избранничества. Человек, по сути дела, только тогда остается личностью, когда переживает свое бытие в мире как уникальную ценность и, что связано с этим, уникальный долг и призвание. Как только у него появляется сначала вызывающий протест и тревогу, а затем, когда дело входит в привычку, и удовлетворение, представление о заменимости его как ответственного субъекта, он теряет истинно личностное качество. Это возникает либо при тоталитарных режимах, когда у людей появляется все решающий за них «хозяин», либо в более банальных формах в условиях конвейерного производства и конвейерного (в широком смысле слова) существования.

Таким образом, гордыня избранничества присуща человеку как образу и подобию Божию, и она в особенности нужна для поддержания подвигов творчества во всех областях жизни. Избранничество данного типа означает, что у субъекта нет алиби, связанного с возможностью переложить бремя своей уникальной ответственности на другого. Желание «быть как все» и спрятаться за других в периоды ответственных выборов и решений усиливается, когда человек утрачивает свою благородную метафизическую самоуверенность в качестве существа, без которого миру не обойтись.

В области творчества, как и в сфере исторического, действует похожая диалектика изгойства-избранничества. Творческие личности часто оказываются изгоями установившегося порядка и неудачниками в смысле обывательского благополучия. Ибо с творчеством связан не только объективный риск ошибок, но и субъективный риск социального непризнания и недоверия. Вынести риск такого изгойства способны лишь люди, обладающие внутренне убедительной достоверностью своего призвания в мире.

Но по этой же логике и риск исторических свершений – коллективного творчества новой истории – берут на себя народы, обладающие обостренным мессианским чувством. С этим чувством связаны тяжелейшие заблуждения, соблазны и трагедии человечества, но оно, тем не менее, является затребованным в Большой Истории.

2. Второй парадокс, ведущий к реставрации смысла (если он, как и другие парадоксы, прежде того не приведет человечество к гибели) связан с неудачами Порядка – государственного, гражданского, административного. Жажда порядка – это вторая страсть прометея человека,

наряду со страстью к авантюрам и новациям. Порядок этого типа тоже отражает стремление поскорее прибрать мир к рукам. Такое стремление составляет своего рода экзотику западной культуры, ибо другие культуры не обнаруживают подобной интенции.

Космоцентризм восточных культур предполагает растворение в громаде Космоса, переживание его как высшей гармонии и эталона для социального порядка, наконец, как таинства, неподвластного человеку. Западный же порядок означает первичную раздруженность человека с миром – восприятие последнего как пугающего чужого, которого предстоит усмирить ради нашего спокойствия. Не случайно одним из центральных символов греческого мифа является Хаос – «иное», по отношению к привычному, обжитому миру, источник того тайного беспокойства, которое греческая античность сублимирует в прекрасном, в гармонии.

Греческая гармония – это дворец, построенный на вулкане, и греки осознавали это. Хаос и рок выступают как олицетворение сил, в принципе неподвластных, неизоморфных нашей человеческой логике. Западный человек Нового времени уже не довольствуется тем, чтобы отделять усилиями всех искусств – от художественного до политического – мир цивилизованной гармонии от внешнего хаоса. Прометеев человек эпохи модерна дерзает подчинить весь мир, устранить всякое независимое инобытие.

Проект этого типа с наибольшей полнотой раскрывается в «Феноменологии духа» Г. Гегеля: мир развеществляется духом до конца, утрачивает свою материальную косность, становясь целиком логичным. Изоморфность нашего мышления самой структуре мира интерпретируется как залог того, что миру предстоит до конца перейти из состояния бытия-в-себе в состояние бытия-для-нас – дело только за временем.

Процесс такого переливания мира из одного состояния в другое и называется прогрессом. Западный прометеев человек совершенно не в состоянии выносить ситуации, когда окружающие вещи сохраняют свою автономию. Вся энергетика западной культуры направлена на распознавание, т. е. своего рода экспроприацию другого, сначала средствами познания, а затем и практически, ибо «знание есть власть» (Ф. Бэкон).

Очень характерно при этом то отношение, которое устанавливается между человеком и миром. Здесь нет той обязывающей интимности, которая сопутствует подлинному диалогу, когда открывшаяся потаенность другого меняет меня самого. Западный тип знания – это закабаление мира в качестве объекта: установление такой асимметричности отношений, когда «другой» становится все более предсказуемым для меня, а я

становлюсь все менее предсказуемым для другого. Собственно, в этой асимметрии и заключено главное прельщение власти: субъект сохраняет свободу воли, тогда как «объект» ее полностью лишается.

Здесь, вероятно, сокрыта главная психоаналитическая тайна модерна: им движет нелюбовь к миру, а страх перед ним. Ведь только нелюбовь подвигает нас на то, чтобы лишиться другого воли, самому оставаясь непреклонным. И только изначальное недоверие к миру как к чему-то враждебному могло стать источником модернистского проекта покорения мира.

Западная инструментальная наука изначалью противоположна тому, что античность обозначала как Эрос – окрашенное сопереживанием взаимное тяготение элементов Космоса. Вся западная наука может быть обозначена как наука управления. Эпопея модерна должна, согласно заложенной интенции, завершиться тотальным порядком, когда ничего неподвластного и неуправляемого ни в природной, ни в социальной среде уже не останется. Такой порядок, как видим, не есть нечто имманентное миру, отражающее внутреннюю меру и гармонию; нет, он отражает только нашу волю к власти, к обладанию¹.

И здесь мы подходим к парадоксу Запада, связанному с утопией порядка. Технологии растущего упорядочивания мира таят нечто роковое: порядок, устанавливаемый в результате их активного применения, оборачивается в конечном счете большим беспорядком, чем тот, с которым инициаторы накануне обещали расправиться. Пятисотлетняя эпопея модерна со всей наглядностью демонстрирует этот парадокс: каждая последующая фаза в процессе упорядочивания мира оказывалась чреватой гораздо большими потрясениями и катаклизмами, чем предыдущая.

Закрадывается мысль: не обязаны ли мы сохранением еще кое-какого порядка в мире тому, что до некоторых областей его до сих пор не доходили руки «устроителей порядка»?

И если экстраполировать соответствующие тенденции модерна, то эпопея тотального упорядочивания, похоже, может обернуться тотальным крахом. Или, как пишет Э. Гидденс, «обратной стороной модерна, и это никто на Земле уже не может не осознать, может оказаться всего лишь «республика насекомых и травы» или группа поврежденных и травмированных человеческих сообществ»².

Попробуем проинтерпретировать этот парадокс модерна.

¹ Альтернативное видение, характерное для русской культуры, выразил А. С. Пушкин, сказавший: «Нет истины, где нет любви» (Пушкин А. С. Александр Радищев. 1836 // Собр. соч.: в 10 т. М., 1981. Т. 6.).

² Гидденс Э. Постмодерн // Философия истории: Антология. С. 347.

Если выражаться сугубо научно, причина, вероятнее всего, в том, что «покоритель мира» в своем стремлении превратить его в объект ломает бесчисленные, в том числе и бесконечно тонкие механизмы внутренней самоналадки природы и культуры. И поскольку, как уже отмечалось выше, искусственное в принципе не может стать полноценным заменителем естественного, то отсюда вытекает, что система управления как форма искусственного, моделированного порядка не может заменить естественных систем самонастройки окружающего мира.

Рассуждая в терминах кибернетики, можно заключить, что создатели порядка в рамках локальной среды сбрасывают энтропию во внешнюю, большую по масштабам среду, и это сбрасывание со временем оборачивается и большим беспорядком, по мере того как мы в своей пространственно-временной экспансии вторгаемся в границы этой новой Среды, до того оставшейся внешней и потому безразличной нам.

Можно, размышляя в русле модернистски преобразованного античного мифа о Роке, сказать, что бумеранг беспорядка настигает нас как непреднамеренное, но неотвратимое следствие наших собственных действий. Ведь теория управления гласит, что мы продвигаемся к осуществлению идеала власти тогда, когда, сами оставаясь непредсказуемыми, делаем объекты нашей властной воли все более предсказуемыми для нас. Тогда и выходит, что в будущем нас настигает Рок в лице нашей собственной непредсказуемости. Эпопея о зарвавшемся герое, своими собственными усилиями разрушающем все им достигнутое и добытое, это не что иное, как драма европейского нарциссизма.

И не подтверждает ли судьба тоталитарного режима эту закономерность?

В своем стремлении к тотальному управлению и устранению любого автономного другого он обезопасил себя от всякой оппозиции снизу. И что же?

Он рухнул от того, что сама коммунистическая элита оказалась внутренне непредсказуемой: своими руками разрушила Советский Союз. Если бы существовал эффективный контроль снизу и механизмы волеизъявления народа, этому разрушительному делу можно было помешать, не доводя до абсурдного разрушения страны. Можно было бы, вероятно, на месте Союза Советских Социалистических Республик построить Союз демократических республик, сохраняя экономический, культурный и геополитический потенциал, накапливаемый веками. Но поскольку волюнтаризму политической элиты с самого начала ничто не противостояло, то ничто и не смогло воспрепятствовать ее очередному разрушительному экспериментаторству. [...]

Западная цивилизация в своем стремлении к логической и технологической упорядоченности мира попыталась обойтись средствами одного только *ratio*, без любви. Но оказалось, что порядок без любви ведет к гигантским, губительным беспорядкам, ибо покупается ценой разрушения другого. Если в роли этого другого выступает природа, мы получаем экологический кризис, если в данной роли выступает культура, предварительно оцениваемая как «неупорядоченная», дело может закончиться этноцидом и даже геноцидом. [...]

Как пишет А. Тойнби, «отличительный смысл, который христианство придало иудейскому пониманию природы Бога и характеру Его отношения к людям, заключается в провозглашении, что Бог есть Любовь, а не только Могущество... и что воплощение Бога в Любви более значимо, нежели воплощение в Своем могуществе...»¹.

Успехи, одержанные Любовью, прочнее успехов Могущества уже потому, что не вызывают тираноборческого протеста: здесь не роет «крот истории» в форме повстанческого подполья, обделенных, ждущих своего часа. Модерн ознаменовался новым умерщвлением мира, отныне все больше скрепляемого не принципом взаимной сопричастности, а управленческими технологиями достижения порядка. Но мертвый не заменит живого, неорганическая – органическую связь, ибо в первом случае мы имеем преимущество творческой самонастраиваемости, самообучения и саморазвития, во втором – инерцию установленного порядка, со временем неизбежно устареваемого и вызывающего эффект бумеранга.

Вопрос в том, как вернуться к живому порядку, совпадающему с творческими самонастройками жизни.

По-видимому, для этого фаустовскому человеку предстоит пожертвовать своей гордыней и повесить статус окружающего мира до уровня автономной, требующей нашего уважения гармонии. Это означает возвращение к концепции живого Космоса, имеющего смысл. Связанные с этим новые установки практики могут быть построены на диалоговом и коэволюционном принципах. [...]

Если предполагать, что другой стороне завтра предстоит исчезнуть навсегда, провалиться в тартарары, то с ее интересами можно не считаться. Но если исходить из сохраняющегося присутствия другого в мире, то его интересы в известном смысле становятся вашими интересами, так как пренебрежение ими готовит вам враждебное и непредсказуемое окружение. «Решение, в результате которого другая сторона

¹ Тойнби А. Христианское понимание истории. С. 224.

абсолютно ничего не получает, хуже для вас, нежели то, когда она чувствует себя спокойной»¹.

Проблема состоит в том, чтобы придать этому принципу философский статус, т. е. воспринимать его не как новую технологическую находку, помогающую достичь старых целей, а как общую презумпцию, повышающую статус окружающего мира. [...]

3. Третий парадокс касается блаженства «нищих духом» в истории. Сам этот принцип сегодня все чаще вызывает нехристианскую раздражительность и подозрение: не тащит ли он нас назад к прославлению нищеты, которая на самом деле перестала быть знаком избранности и, напротив, является знаком неизбранности – нерадивости, непригодности, необразованности. Вопрос, таким образом, состоит в том, не устарел ли сам принцип, и не служит ли он алиби для тех, кто навязывает нам нищету?

Этот вопрос имеет не только социально-политическую сторону, но и историософскую: если указанный принцип устарел, то устарела и сама философия истории со всеми ее «смыслами», и мы отныне вполне способны обходиться статистическими исчислениями и экстраполяциями для определения того, куда история движется и кто является ее передовиками. Здесь мы возвращаемся к вопросу, с которого начиналась данная глава: почему у Истории не бывает вечных любимцев и бывших первых настигает удел последних?

Особую остроту этому вопросу придает то, что в эпоху модерна любимцы и победители неизменно стараются привлечь на свою сторону мировой исторический разум, заставляя его ручаться за окончательность их победы. Мы не пробьемся к смыслу истории, если нам не удастся понять не только то, почему сильные оказываются поверженными, но и почему слабым дано торжество. Вопрос о превратности судеб сильных еще не выводит нас за границы античного мировоззрения с его вечными циклами и возвратами на круги своя.

Сегодня противопоставить старое историческое благоразумие, заставляющее быть осторожными, не зарываться и опасаться рока, самомнению сильных мира сего – дело безнадежное. Они уже порвали с языческим суеверием, опасющимся завистливой судьбы, ибо приобщились к религии модерна – великому учению, неоспоримо свидетельствующему, что все их авантюры, насилия и экспроприации носят характер движущих сил самой истории.

¹ Фишер Р., Юри У. Путь к согласию или переговоры без поражения. М., 1990. С. 87.

Наша проблема, по-видимому, состоит в том, чтобы заново отвоевать историю у самоуверенных мироустроителей и их религии прогресса противопоставить более аутентичную веру. Но для этого нам предстоит решить для себя трудный, чреватый многими соблазнами вопрос: кто же ближе и дороже нам – те, кто воплощают опыт успеха с его материальными и культурными достижениями, или опыт неуспеха, если этот неуспех связан с определенной моральной, ценностной позицией?

Для того, чтобы приблизиться к сути этого вопроса, необходимо уточнить аспекты. Во-первых, имеют ли для нас значение моральные условия и издержки успеха: примем ли мы любой успех или его духовно-нравственный контекст для нас не менее важен, чем конечные материальные результаты?

Пострелигиозный человек в его нынешней, поздней стадии, когда он уже успел расстаться не только с ортодоксальной верой, но и с ее превращенными идеологическими формами мирского служения и аскезы, кажется, склонен отвергать значение указанного контекста. Последуем ли мы в этом за ним? Или, даже оставаясь на позициях земной прагматики, сумеем понять, что успех любой ценой – это в конечном счете кратковременный успех, покупаемый ценой утраты кредита доверия и других кредитов, получаемых человеком на этой Земле?

Во-вторых, нам, вероятно, придется разделить материальную и культурную стороны успеха, ибо мы убеждаемся сегодня на примере «новых русских», какой духовной и культурной скудостью может сопровождаться материальный успех и сколь тяжелые травмы способны наносить социуму его носители.

В-третьих, нам придется вернуться к проверке того принципа соответствия между образованностью и моралью, который в свое время постулировало Просвещение и в ненадежности которого нас столь часто убеждает поведение интеллектуалов, моральный скептицизм которых нередко ведет к прямому цинизму.

Наконец, необходимо выделить и такой аспект морали успеха, который прямо ведет к вопросам социальной справедливости и смысла истории. А именно: может ли успех стать в конечном счете универсальным, объединяющим нацию и даже все человечество? Или ему суждено оставаться уделом избранных, даже если они будут представлены значительной частью населения? Ведет ли история к неуклонному расширению числа удостоенных, завершаясь всемирным братством и равенством? Или она предпочтет не портить тот механизм совершенствования людей, который связан с соревновательностью, неравенством и отбором? [...]

Но не меньше уточняющих вопросов возникает и в связи с опытом неуспеха. Само собой разумеется, что нынешнее либеральное отношение к неуспеху как уделу презируемого дна общества не сулит нам никаких историософских откровений. Но и противоположное отношение, связанное с чувством жалости и сострадания, само по себе тоже не выводит нас за границы повседневности, где умещаются и опыт филантропии, и опыт социал-реформизма.

Пробиться к историософской перспективе через опыт неудачи можно лишь при условии, если мы в этом опыте увидим тайный знак избранничества – печать тех, которые наследуют землю. Наследовать ее при обычном течении событий они, как уже отмечалось, не могут. Следовательно, их избранничество может мыслиться только в апокалиптическом контексте мировой трагедии – катарсиса. Но здесь возникают те самые соблазны историзма, которые провоцируют его противников противопоставлять Историю и Цивилизацию, катастрофизм и стабильность.

В самом деле, иступленное ожидание роковых развязок и принципиальное недоверие к действительности как она есть способно отвлечь от всякой созидательной работы. При этом неизбежно «притуплено чувство эмпирической действительности и ее непосредственных нужд, подобно тому, как у человека, готовящегося к смерти, естественно пропадает вкус и интерес к обыденным делам и заботам...»¹.

То опустошение повседневности, которым ознаменовался социалистический эксперимент в России, несомненно связан с эсхатологическим чувством конца предыстории и бессмысленности малых дел, ввиду перспективы решающей битвы добра и зла, в которой, якобы, только и могут получить настоящее разрешение все текущие вопросы. Это принципиальное обесценивание повседневности в контексте и религиозного, и секулярного эсхатологизма действительно позволяет говорить о противоречии между цивилизацией и эсхатологией.

Эсхатологизм есть своеобразное кочевничество во времени, которое способно так же опустошить повседневность, как известные из истории максимализма культурный и нравственный нигилизм. Ибо ощущение переходной, катастрофической эпохи может порождать психологию «отложенной нравственности».

С этим, в частности, связаны попытки реабилитации преступников посредством ссылок на чрезвычайные исторические обстоятельства. Однако история не выдает алиби преступникам – в противном случае нам,

¹ Булгаков С. Н. Два града. Исследования о природе общественных идеалов. СПб., 1997. С. 245.

видимо, пришлось бы отдать ее им целиком. В самом деле, если наша цель – прищипорить историю, ускорить ее ход – то тогда злодеи, не брезгающие средствами и потому быстрее достигающие цели, как раз и являются настоящими историческими героями, ибо через их неразборчивость реализуется закон «экономии времени в истории».

Наконец, необходимо подчеркнуть и ту черту светской апокалиптики, которая выражается в обесценивании ныне живущих поколений, превращаемых в «удобрение» истории. Как пишет С. Н. Булгаков: «Одно из двух: или каждая личность, как считал Достоевский, есть высшая ценность, которая не может рассматриваться как средство, и в таком случае вся эта теория, основанная на историческом «унавоживании» почвы трупами одних для будущего счастья других, если последних не стошнит от такого счастья, не имеет никакого выхода из мировой трагедии; или же люди действительно не равны в своем человеческом достоинстве, и будущие исполины или человекобоги и представляют собой истинную ценность и цель истории, а мы относимся к ним примерно так же, как обезьяны или еще более отдаленные зоологические виды к людям»¹.

Мы, таким образом, видим, что в борьбе с классическим классовым неравенством, основанным преимущественно на имущественном критерии, историзм способен привести нас к еще более роковому неравенству перед лицом будущего. Когда апокалиптика обещает, что «последние станут первыми», то даже не имея в виду банальные перевертывания сложившихся социальных ролей, но нечто качественно новое, обещанное грядущей формацией, мы все же получаем драматическое неравенство избранных для будущего спасения и бывших господ, обреченных на заклятие.

Таким образом, один из главных вопросов философии истории связан с тем, как избежать исторической мстительности к бывшим «господам мира сего». Если история разворачивается как физический реванш униженных и оскорбленных, то ее высший смысл чреват превращением в высший абсурд, ибо такой реванш неизбежно обернется местью всей материальной и духовной культуре как причастной былому неравенству и господству сильных.

Апокалиптика мести принадлежит к наиболее уязвимым и настораживающим чертам опыта поражения, и главные духовные усилия предстоит приложить именно здесь. Революционный тираноборческий героизм и подвижничество, несмотря на очевидный дефицит этих качеств у русского народа сегодня, обескураженного и отчасти деморализован-

¹ Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 305.

ного, все же надо признать более легким путем духа, чем преодоление указанной апокалиптики мести.

Следующая проблема касается выбора между двумя способами торжества «нищих духом»: в форме революционного реванша или в форме духовной реформации. Революционный реванш не уничтожает социального антагонизма, но лишь придает ему силу инверсии: бывшие слабые опрокидывают сильных. Здесь нет универсальности спасения, здесь торжествует революционное избранничество.

Для нас важен тот критерий, который С. Булгаков использует при сопоставлении древнееврейского хилиазма и новозаветной эсхатологии. Хилиазм присваивает себе Божественную волю, подобно тому как марксисты присвоили себе «объективные исторические законы». Булгаков особо отмечает, что соблазны хилиастического историзма принадлежат к поздней истории древнего Израиля, когда подвижничество пророков начинает уступать место нетерпению повстанцев против Рима, обязывающих Бога прямо и немедленно вмешаться в земные дела и гарантировать им победу.

Пророки «не толкнут свой народ на поступки отчаяния, не вдохновят его на безумные взрывы революции, какими ознаменовался век апокалиптики, романтического утопизма, порождаемого отчасти исторической безнадежностью»¹. Положение изменилось, когда на место пророков, умеющих разводить земное и небесное, заступили нетерпеливые революционеры, стоявшие у истоков самоубийственного движения зелотов. [...]

Сегодня эти уроки нетерпеливой апокалиптики зелотистского толка особенно важны для русского народа. Нынешнее его состояние весьма близко к тому отчаянному одиночеству в поражении, которое некогда испытал еврейский народ перед лицом Рима. Перед ним тоже открываются два пути. Либо достойно вынести груз истории, не вымогая чуда, не фамильярничая с историческим разумом в качестве нового избранного народа и не испрашивая у него гарантий. Либо, поддавшись нетерпению, подогретому очередной утопией, попытаться еще раз подстегнуть историю, подтолкнув ее к чуду, и затем неизбежно расплатиться за это.

Нам важно понять, что все эти роковые вопросы не имеют ничего общего ни с пресловутым русским традиционализмом, ни с азиатским наследием. Нет, эти вопросы принадлежат не этнографии, а исторической апокалиптике, как она заявлена была еще в истории еврейского народа.

¹ Булгаков С. Н. Указ. соч. С. 215.

Сегодня многие еврейские интеллектуалы не устают предостерегать то против русской отсталости, то против русского мессианства. Здесь вероятно действуют известные психоаналитические механизмы вытеснения и проекции: сегодняшние постмарксистские интеллектуалы не желают признавать хилиастическо-иудаистские корни социализма и узнавать в большевистском нетерпении темперамент зелотов – вымогателей исторического чуда. Поэтому вместо диалога, основанного на честном самоанализе, преобладает «безопасная» ирония и демонстративное дистанцирование.

Но дистанцирование это, на наш взгляд, преждевременное. Нам представляется, что современное братание евреев с либерализмом – сугубо конъюнктурное дело, отчасти объясняемое реакцией на большевизм и собственное в нем участие. Либеральное неприятие истории в ее эсхатологическом значении противоречит традиции и мессианскому призванию евреев. Их разрыв с сегодняшней поверженной и униженной Россией обрек бы их на самоубийственную банальность сугубо мецанского существования в рамках западной мировой системы.

В России евреи сохраняют свою идентичность вместе со своей эсхатологической впечатлительностью. На Западе им сегодня грозит то, чего еще не случилось с ними: полная натурализация и растворение. Риск бытия при этом, разумеется, уменьшается, но вместе с этим тает его высший смысл. Евреи, как и русские, – не западный, а восточный народ, сохраняющийся до тех пор, пока в его сознании живет принцип единой коллективной судьбы и эсхатологическая интуиция высшего призвания.

В западной фазе мировой истории оба эти народа находились «не у себя» и в духовном смысле так и не сумели приспособиться к ней, хотя эта неприспособленность и выражается у них по-разному. Сегодня русский народ в своем историческом развитии подошел к роковой дилемме: рассеивание и превращение в диаспору (несравненно менее приспособленную жить при чужих порядках, чем еврейская) или сохранение коллективной идентичности на основе веры в свое историческое предназначение и призвание.

Очень возможно, что у Истории сегодня вообще не осталось иных источников для осуществления великих парадоксов, чем мессианизм русских и евреев. От их поведения, их выбора будет зависеть то, какое историческое и социокультурное содержание обретет грядущая восточная фаза мирового мегацикла.

Сегодня многим евреям кажется, что с победителями лучше и надежнее – и потому они осуществляют новый «исход» из России, сопровождая его дискредитацией историзма, эсхатологизма и мессианизма

под видом чисто «русской» болезни. Однако даже если предположить, что истаивание западной фазы мегацикла еще захватит одно-два поколения (что маловероятно), угроза еврейскому народу сохраняется, и носит она не традиционно ожидаемый характер гонений и погромов, а неожиданную форму самоотрицания через самоосуществление.

Еврейский народ – и в этом, пожалуй, состоит главный урок его тысячелетней истории, – обладает темпераментом духовного водительства, причастности к духовной власти. Но духовная власть как таковая истаивает на Западе. Там уже отвыкли искать вдохновение и воодушевление, и потому люди с пророческо-мессианским даром там давно уже не нужны. Но вне этого дара призвания судьба избранного народа поистине уподобляется описанной А. С. Пушкиным судьбе поэта в контексте повседневности:

Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
Среди детей ничтожных света,
Быть может, всех ничтожней он.

Евреи, как и русские, не знают середины, ибо чувство меры вообще не является добродетелью, свойственной мессианским народам. Если утрачивается чувство избранности и высокого исторического призвания, начинается стремительное погружение вниз. Не обязательно это тот низ, который олицетворяет неблагополучное социальное дно – такая крайность больше угрожает русским, чем евреям. Но утрата идентичности и вдохновения, связанных с мессианистскими упованиями и интуициями, открывается как почти несомненная перспектива.

Думается, впереди у русских и евреев – новая встреча, и уготована она самой Историей, которая желает продолжаться, и парадоксами которой только и насыщается наша жизнь, взятая в ее высших измерениях. Именно в России сегодня решается вопрос о смысле мировой истории: либо его присутствие будет заново подтверждено, либо многим народам, населяющим громадное постсоветское пространство, предстоит рассеивание и превращение в диаспоры.

Евразийскому пространству, бесспорно, нужны кропотливые организаторы и работники, предприниматели и эксперты, ибо наша повседневность захламлена и запущена. Но никак не меньше ему нужны пламенные носители Веры и Смысла, ибо только взятое в духовном измерении это пространство обретает единство, притягательность и центростремительный потенциал. Никакие другие формы интеграции не могут дать надежного результата без духовной интеграции, связанной с обнаруживанием нового смысла истории.

Формационная стратегическая инициатива, которой ознаменуется новая, восточническая фаза мирового мегацикла, несомненно, обретет формы не реваншистского революционаризма, а духовной реформации. Если революционаризм лишь перевертывает отношения раба и господина и по-новому воспроизводит социальное разделение людей, то духовная реформация снимает эту разделенность. Вместо того, чтобы превращать «нищих духом» в реваншиствующих перераспределителей благ, монополизированных сильными, реформация преобразовывает и тех и других, помещая их в качественно иное измерение, где материальные блага лишаются приоритетного значения.

И здесь нельзя снова не упомянуть о диалектике еврейского духа в истории. В нем периодически воплощается и предельный экономикоцентризм – если мессианская перспектива утрачивается, и предельный постэкономизм – если она заново обретается. Аналогична диалектика русского духа, только в других формах. В нем сочетается предельное уныние, связанное с неумением жить одной повседневностью, когда утрачивается интуиция того, что повседневность скрывает другой, обетованный пласт; и предельное мужество и вдохновение, когда смысл истории снова обретается.

Сочетание тех, кто исповедует предельный экономикоцентризм, с теми, кого охватило предельное уныние, не дает нам ничего, кроме разгула коррупции, которую некому остановить. Но сочетание идейно ориентированного постэкономизма с вдохновением державных строителей и геополитических собирателей рассыпающегося евразийского пространства способно заново реабилитировать Восток как великий культурный феномен и как фазу всемирной истории.

Подведем итоги.

Смысл истории обретается вместе с уверенностью, что присходящие на поверхности социальной действительности процессы не исчерпывают исторической логики. В то же время история не должна выступать в роли старого Рока античности, дающего свидетельства бренности всех человеческих свершений, но не дающего чувства смысла. Основания истории столь же трансцендентны, как и основания морали: и та и другая противостоят тем очевидностям повседневного опыта, которые свидетельствуют, что сильные должны побеждать слабых, а неразборчивое в средствах зло – непрактичную добродетель.

Тем не менее и мораль, и история существуют в качестве источника таинственного парадокса: сильным в самом деле приходится убеждаться в непрочности своих завоеваний и побед, а порочным циникам – в том, что презираемая ими мораль мстит за себя если не материальным, то ду-

ховным банкротством. История как диалектика возвышения и падения выступает как опора человеческого достоинства потерпевших и как данное им обетование. В этом смысле, жизнь вне истории – то же, что жизнь вне морали: она лишает человечности и достоинства и господ мира сего, перестающих стесняться, и «нищих духом», обреченных пресмыкаться без веры и надежды.

Но при этом нам надо учесть уроки прежнего историзма и по части его отношений с повседневностью, и по части того, что касается изъятий исторической мстительности. И, конечно, важнейший из уроков историзма касается соотношения предопределения свободы и ответственности.

Одной из первых проблем историзма является его перенесение в повседневность. Чтобы история преподносила нам меньше трагических сюрпризов, надо по возможности уменьшать ров, разделяющий большую Историю и малую повседневность. Мы не можем закрыть его совсем и обеспечить прозрачность исторического процесса для нашего обыденного сознания, но все же чем больше мы проникнуты интуицией относительно тех прав, которые имеют на историю именно потерпевшие и униженные, тем меньше вероятность того, что история окажется роком, перечеркивающим достижения преуспевших.

Словом, чтобы снизить вероятность апокалиптической революции, необходима перманентная революция повседневности, то и дело корректирующая поведение сильных по отношению к слабым, вместо того, чтобы дожидаться, когда накопленные деформации обретут силу взрыва. [...]

Панарин А. С. (26.12.1940 – 25.09.2003) – русский философ, критик глобализма. Окончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и аспирантуру, достиг значительных высот в научной сфере: доктор исторических наук, заведующий отделением теоретической политологии философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, директор Центра философских исследований Института философии РАН, действительный член 5 академий, в том числе Нью-Йоркской Академии Наук.

А. С. Панарин написал более 250 научных работ, в т.ч. 18 крупных монографий и книг. Наиболее значимые из них: «Политология», «Глобальное политическое прогнозирование», «Православная цивилизация в глобальном мире», «Агенты глобализма» (позднее эта работа целиком вошла в книгу «Искушение глобализмом», за которую учёный удостоился Солженицынской премии) и, наконец, «Стратегическая нестабильность в XXI веке».

ТРЕТИЙ РИМ ПРОБУЖДАЕТСЯ

В природе даже малозаметные явления могут пробудить колоссальные спящие энергии. Небольшой камень своим падением порождает обвал, сметающий всё на своем пути, разрушая природный ландшафт и изменяя судьбу многих людей, отнимая у них дома, а часто и жизнь. Небольшой сдвиг тектонических плит порождает землетрясения и цунами, от которых часто не бывает спасения. От одного крика может сорваться снежная лавина, погребая на своем пути все живое.

Третье тысячелетие, в начале которого Господь призвал нас жить, накопило громадные материальные и духовные энергии, пробуждение которых изменит нашу жизнь, бытие всего человеческого сообщества и всей нашей планеты. Уже начинают падать «маленькие камушки», которые могут привести к большой трагедии. Предошущение изменений тревожит нас, заставляет действовать, включаться в осмысление этих процессов, иногда показывает растерянность власть имущих.

Навык современного человека жить в индустриальном, а сейчас – в постиндустриальном мире, мире современных технологий и разращающих удобств, порождает особый вид мышления, которое строит свои прогнозы методом экстраполяции. Этот тип мышления применим к технико-экономическим процессам. Для возвращения в мир истории требуется возврат к гуманитарному мышлению, которое, по словам А. С. Панарина, умеет постигать этот мир по законам драмы, «вызова и ответа».

«Следует с самого начала развеять одно недоразумение, – пишет А. С. Панарин, – связанное с привычкой власти “заказывать идеологию”. Идеологии не рождаются в кабинетах, они – продукт “плазменных” энергий человеческого духа, пробуждающегося в ответ на грозные вызовы истории. “Большая идея” – это всегда ответ осажденного роковыми силами, но не сломленного субъекта, сохранившего ориентацию на идеал. Она появляется тогда, когда наличные материальные ресурсы иссякли и люди ищут опору всех чудес и парадоксов человеческой истории.

Власть предержажшие – заказчики на “Большую идею” – не подзревают, с какими энергиями им в самом деле предстоит столкнуться. “Большая идея” – это ответ человеческого духа на условия и обстоятель-

Архимандрит Георгий (Шестун), доктор педагогических наук, профессор, академик РАН, заведующий межвузовской кафедрой православной педагогики и психологии Самарской Духовной семинарии, настоятель Заволжского монастыря в честь Честного и Животворящего Креста Господня. Член Союза журналистов России.

ства, оскорбляющие наши чувства высшей правды и высшей справедливости»¹.

По мнению Панарина, «Большая идея» не может пробудить массовую энергию в отсутствие идеи социальной справедливости, если она не будет связана с принципом социальной защищенности слабых и обездоленных, без реакции на предельную нравственную распушенность, без опоры на социокультурный консерватизм, традицию и религию, без чувства высокого патриотизма.

С другой стороны, эти идеи будут достаточны, если рассматривать Россию только с точки зрения обычного национального государства. Но Россия – это особая, великая цивилизация, которая облекает свое предназначение в религиозную форму, и это значимо для миллионов людей. По словам Панарина, «цивилизация – это не только великое культурное наследие», но оно становится великим, если преобразуется «в проект будущего, чаемый миллионами», проект «гуманитарного типа», касающийся не только средств производства, но ценностей и смыслов жизни.

«Запад, – говорит А. С. Панарин, – в целом стоит за первый вариант: постиндустриальное общество как цивилизация высоких технологий, обслуживающих всё возрастающие потребительские притязания. В последнее время появилась, правда, многозначительная оговорка относительно того, что ресурсов планеты не хватит для превращения западного образа жизни в универсальный, общепланетарный. Отсюда вытекает дилемма, касающаяся путей преобразования самой структуры современного мира. Либо мир должен быть преобразован геополитически так, чтобы незападное большинство беспрепятственно предложило свои ресурсы Западу и позволило тем самым продлить существование этой потребительской цивилизации до того времени, пока она изобретет новый, более справедливый проект для всего человечества. Именно в этом геополитическом ключе может быть понят современный переход от биполярного мира к моноцентристскому, управляемому одной сверхдержавой.

Либо миру предстоит тотальное преобразование ценностного типа, включая новые принципы жизнестроения, открывающие долговременную перспективу для всех, а не для одних только потребительских обществ Запада. Это путь духовной реформации, призванной покончить с “моралью успеха” и постепенно сформировать другую мораль, другие принципы жизнестроения»².

¹ Панарин А. С. Политология. Учебник. М.: Проспект, 1997.

² Панарин А. С. Указ. соч. С. 353 – 354.

Современный мир показывает, что техническая цивилизация, увеличивая физические энергии, приводит к уменьшению энергии духовной, что, по словам Панарина, приводит к деградации, опустошению, «порче» человека. Центры мирового развития смещаются из мест «духовного вакуума» в места духовного напряжения, к источникам вдохновения и воодушевления.

Попытка возвращения России в «Европейский дом», совершенная в конце XX века, завершилась крахом: нас в этот дом не пустили, несмотря на то, что мы от всего нам родного и привычного отказались ради этого возвращения. Мы пытались вернуться, обряжаясь в непривычный и несообразный нам тип романо-германского человека, пытались освоить романо-германскую культуру, сформировавшуюся, выражаясь словами Панарина, «прометеева человека» – покорителя природы, достаточно чуждого для нашего мирозерцания.

Европа с ее христианскими корнями для нас не чужда, нам чужд агрессивный секуляризм и навязываемый ею проект вестернизации. Панарин задает себе вопрос: «...можно ли еще спасти в России “европейскую идею” и каким образом? Можно ли создать воодушевляющий образ другого европеизма, альтернативного атлантической идее, соблазлившей, а затем деморализовавшей и дезориентировавшей Россию? В поисках ответа на этот вопрос следует обратиться к греко-православной идее. Возможно ли русскому человеку, не без оснований разочарованному в проекте вестернизации, все же остаться “западником”, но православным “западником”? Это связано с другим вопросом: сохранилась ли в таинственных недрах современной культуры память о Втором Риме, о Византии – не та архивная память, что воодушевляет одних только историков и филологов-библиофилов, а память творческая, способная и сегодня быть источником воодушевляющих альтернатив романо-германским принципам жизнеустройства».¹

Если проследить судьбу греко-православного наследия, то она достаточно драматична, а часто и трагична. Со своей родины, Ближнего Востока, она была вытеснена мусульманами. В Западной Европе эта идея была уделом стран, составляющих «второй эшелон» развития. В России это наследие подвергается атакам славянского сепаратизма, связанного с распадом единого пространства. Восприятие в мире России как «государства-цивилизации» привело к тому, что сложилось представление о Православии не столько как о мировой, сколько как о «русской» религии.

¹ Там же. С. 365 – 366.

Россия не этническое государство русских, а особая цивилизация, обладающая суперэтническим потенциалом, носительница геополитической идеи «Третьего Рима», наследница Византии. Попытка рассматривать Россию как вторую или даже третью Европу меркнет в свете величия Православной цивилизации, которая может ожить в Европе. «...Если Православие, в самом деле, желает участвовать в духовном реформировании человечества, – пишет Панарин, – ему необходимо вернуть... вселенский кругозор».¹

В наше время принято рассматривать геополитические явления и прогнозировать мировые процессы с точки зрения теории «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона. Эту теорию А. С. Панарин называет варварской: в основании её лежит представление о времени племенных религий и племенных конфликтов. Хантингтон не заметил, как на протяжении тысячелетий совместной жизни оформлялись межэтническая модель бытия, религиозная и этническая терпимость, преобладание «культуры-проекта» совместной жизни над разъединяющим проектом «культуры-памяти». Важно актуализировать в сознании смыслы совместной созидательной деятельности и не затрагивать сокровенную, неприкасаемую конфессиональную и этническую специфичность.

«По Хантингтону, – пишет Панарин, – получается, что цивилизации основываются религиозными фанатиками, не способными к межкультурному диалогу и ставящими религиозно-идеологическую ортодоксальность выше любых видов практики. Думается все же, что цивилизационный тип самосознания отличается прямо противоположными чертами. Цивилизационное строительство базируется на особо рафинированном искусстве, требующем не одержимости, а великодушия и широты взгляда: на способности синтезировать гетерогенные начала, организовывать кооперацию взаимодополнительных хозяйственных и социокультурных субъектов, так выстраивать систему приоритетов, чтобы объединяющие, примиряющие, “коэволюционные” эффекты несомненно доминировали над противоположными.

Каждая из мировых цивилизаций – это целый континент, собирающий несметное количество образов жизни, социокультурных форм. Можно ли предположить, что этот богатейший плюрализм удерживается системой узколобого догматизма, ставящего “букву учения” выше существа дела, т.е. жизненно необходимых способов кооперации? Цивилизация есть надгосударственный и “сверхгосударствен-

¹ Там же. С. 369.

ный», не укладывающийся в чисто политические рамки суперэтнический синтез»¹.

Движение России на Запад и на Восток имело различный характер. Движение на Запад было связано с политическими причинами и внешними войнами. Движение на Восток обрело цивилизационный характер, связанный с терпимостью, сохранением этнического и конфессионального многообразия, образов жизни и укладов. Это было присуще нашей цивилизации изначально. Панарин говорит, что Россия не может выжить и возродиться как великое государство, не подтвердив, не снабдив новыми, убедительными для современного поколения аргументами великий принцип европейского Просвещения: принцип суперэтнических универсалий. Ее призвание – отвергнуть двойные стандарты, разоблачить и преодолеть новейшую ересь проповедников «конфликта цивилизаций», подтвердить свою способность к суперэтническим и межконфессиональным синтезам – к цивилизационной, внесиловой сборке (интеграции) распадающегося и варваризирующегося евразийского пространства.

Эта цивилизационная специфика России рождает русскую идею, назвав ее «Третьим Римом». С точки зрения Панарина, «русская идея» – это идея бытия, организованного вокруг идеала и получающего благодаря этому высокий духовный статус – «ценностную пассионарность». Россия как государство-цивилизация, как сверхдержава, выбирая евразийскую идентичность, старается избегать вызовов Западу, как в случае идей панславизма. При этом каждый реинтеграционный процесс на постсоветском пространстве в любом случае будет вызывать сопротивление Запада.

Освоение русского Севера, Восточной Сибири и Дальнего Востока требует, по мысли Панарина, мобилизации и отказа от химеры «общеевропейского дома», решения демографической проблемы. Для надежного демографического воспроизводства, как и для воспроизводства промышленно-экономического, необходим определенный минимум аскезы. Многодетных семей не бывает в обществах или сословиях, представители которых боятся тягот повседневности и не верят в будущее.

Прошло почти двадцать лет после написания А. С. Панариным «Политологии». Что произошло в мире и в России за это время?

Продолжается борьба Запада с Православием и Церковью. Методы этой борьбы постепенно меняются. В первые века христианства процветали ереси и захват территорий христианских империй мусульманами

¹ Там же. С. 393.

и варварами. К началу второго тысячелетия произошел великий раскол – отпадение Первого Рима от Православия. С тех пор периодически возникают попытки проникнуть в церковную жизнь через униатство, особенно посредством греко-католицизма. Этот путь позволяет сохранить форму, лишая Церковь благодатного содержания. Поминание папы Римского открывает тайну беззакония¹. Папу Римского можно назвать главным еретиком Второго и Третьего тысячелетия, с которым не существует евхаристического общения.

В начале третьего тысячелетия возникла угроза отпадения от Православия и Второго Рима. В наше время предпринята попытка лишения Церкви благодатности Таинств через разрушение апостольского преемства епископата, а значит лишение и епископов благодати, и безблагодатности священников, ими рукоположенных. Патриарх Варфоломей принял в церковное общение людей, изверженных из сана, и ими рукоположенных лжеепископов, лжесвященников, а так же «самосвяттов», не имеющих канонического рукоположения, распространяя «болезнь» безблагодатности под видом якобы законных действий Стамбула. Третий Рим встал на защиту Истины. В ближайшее время определится, кто отпадет, и кто устоит в Истине.

В этой ситуации наш Патриархат и в целом Россия проявляют синергические действия одновременно и в Европе, и в Евразии. Возрождается и пробуждается идея «Русского мира» и возвращения в Европу уже на цивилизационных основаниях. В 2010 году из уст Президента России прозвучала идея объединения пространства Европы и России как «Европы от Лиссабона до Владивостока». Это идея не слияния, а демонтажа лишних барьеров между государствами и народами. Эту мысль на протяжении последних лет он повторял несколько раз. В 2018 году она получила неожиданное продолжение и реализацию в решениях Синода нашей Церкви.

На заседании Священного Синода Русской Православной Церкви, состоявшемся 28 декабря 2018 года в Патриаршей и Синодальной резиденции в Даниловом монастыре в Москве, члены Синода обсудили положение церковных дел в странах Западной Европы (Журнал № 105) и в странах Юго-Восточной Азии (Журнал № 106).

Было принято решение образовать Патриарший экзархат в Западной Европе с центром в Париже. В сферу пастырской ответственности экзархата включены следующие страны: Княжество Андорра, Королевство Бельгия, Соединенное Королевство Великобритании и Северной

¹ 2 Фес. 2, 7 – 10.

Ирландии, Ирландия, Королевство Испания, Итальянская Республика, Княжество Лихтенштейн, Великое Герцогство Люксембург, Княжество Монако, Королевство Нидерландов, Португальская Республика, Республика Франция, Швейцарская Конфедерация.

Главой Патриаршего экзархата в Западной Европе назначен епископ Богородский Иоанн с титулом «Корсунский и Западноевропейский». Владыка Иоанн назначается правящим архиереем Корсунской епархии с сохранением временного управления Приходами Русской Православной Церкви в Итальянской Республике.

Синод также принял решение образовать епархию Русской Православной Церкви в Испании и Португалии с центром в Мадриде. Епархиальным архиереем Испанско-Португальской епархии с титулом «Мадридский и Лиссабонский» назначен епископ Корсунский Нестор.

Кроме того, в связи со значительными успехами миссии Русской Православной Церкви в странах Юго-Восточной Азии, выражающимися в умножении числа храмов и общин, появлении духовенства из числа местного населения, повышении интереса к русскому Православию, а также в связи с увеличением русскоязычного населения, на постоянной или временной основе проживающего в странах этого региона, было принято решение образовать Патриарший экзархат в Юго-Восточной Азии с центром в Сингапуре.

В сферу пастырской ответственности указанного экзархата включены следующие страны: Республика Сингапур, Социалистическая Республика Вьетнам, Республика Индонезия, Королевство Камбоджа, Корейская Народно-Демократическая Республика, Корейская Республика, Лаосская Народно-Демократическая Республика, Малайзия, Республика Союз Мьянма, Республика Филиппины, Королевство Таиланд.

Главой Патриаршего экзархата в Юго-Восточной Азии с титулом «Сингапурский и Юго-Восточно-Азиатский» назначен архиепископ Солнечногорский Сергей, с временным оставлением за ним должности руководителя Административного секретариата Московской Патриархии.

Произошло одновременное цивилизационное движение и на Запад, и на Восток. Третий Рим взял на себя крест хранителя Истины, чистоты Православия.

Спорным остается отношение к XX веку и жизни в «большевистском плену». Безусловно, это наша история, но история, по словам Панарина, навязанная, не родная. Произошел духовный геноцид. От своих корней были оторваны сотни миллионов жителей Российской империи. Был разрушен цивилизационный синтез нашего общего дома.

И сейчас на постсоветском пространстве поддерживается страх возвращения в эту эпоху, а виновником всех бед считается Россия и русский народ. Произошла подмена «культуры-проекта» совместной жизни разъединяющим проектом «культуры-памяти». Методы используются достаточно простые: постепенное забвение совместных дел и великих побед, забвение трагических страниц истории того периода.

Кошунственным выглядит и проект современных политтехнологов – «православный сталинизм», выставляющий вождя чуть ли не подвижником и святым. Это еще одна попытка отождествить русский народ и Православную Церковь со страшными страницами нашей истории, попытка разъединить цивилизационное пространство. Необходимо развеять миф, что большевизм и жизнь русского народа соприродны.

Недостаточно изучена роль старообрядцев в геополитической катастрофе XX века. Мы слышим упреки, что «это, мол, вы сами разрушали храмы». Известно, что старообрядцы-поповцы, к которым относилось большинство купцов-миллионеров, стремящихся к власти и западному образу жизни, участвовали в свержении монархии и поддержке большевиков. Старообрядцы-безпоповцы, для которых общинный образ жизни колхозов был привычен, участвовали в расстреле Царя и его Семьи, репрессиях против священнослужителей и разрушении храмов. С раскола XVII века, когда патриарх Никон совершил попытку возвращения нашей Церкви вселенского характера Православия, старообрядцы, защищавшие обрядовую сторону традиции, несли в себе эту ненависть к царской династии и, как они называли, к «Никонианской Церкви».

Вселенский характер Русской Православной Церкви проявляется в пробуждении Третьего Рима.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Панарин А. С.* Премудрость созда Себе дом / Самара: Издание Самарской митрополии, 2018. 264 с.

2. *Панарин А. С.* Россия в циклах мировой истории. Изд-во МГУ, 1999. 288 с.

3. *Панарин А. С.* Стратегическая нестабильность в XXI веке. М., 2003. 640 с.

4. *Панарин А. С.* Политология. Учебник. М.: «Проспект», 1997. 408 с.

ВОЙНА И МИР В ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

(О НАШЕЙ «СВОБОДЕ»)

Некоторые говорят: ныне нет мученического подвига. Несправедливо... Умри греху... и будешь мучеником.

Авва Афанасий

Для чего мы живем? В чем смысл нашей жизни? Даже людям, далеким от умозрительного философствования, рано или поздно приходят на ум эти вопросы. Они же напрямую подводят к главному: кто мы, что такое человек? Случайный каприз неразумной природы, игра химических реакций и пыль на дороге истории? Или образ Божий, Божие творение – причем, не только самое высшее, но и любимое. Для сколь-либо разумного сознания ответ очевиден. Как и главная задача человека на земле, заповеданная Создателем, – обожиться, стать тем, кем мы должны быть.

Но как уподобиться Христу? Для этого нужно пройти по жизни Его путем или, как писал один русский священник Алексей Острик: «ту чашу, которую Ты просил пронести мимо, позволь пригубить и мне, недостойному рабу Твоему»¹. А это далеко не просто. – *Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, или креститься крещением, которым Я крещусь?* (Мф. 20, 22). *Будете ненавидимы всеми за имя Мое... Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли более домашних его?* (Мф. 10, 22 – 25). Но это и означает стать сопричастным Христу, самой нашей жизнью засвидетельствовать верность Ему.

Стать сопричастным Богу... Какая дерзость! К Богу, сошедшему к Своим рабам, искоркам, сгорающим в пучине жизни – это невозможно представить!

А. М. Величко родился 22. 04. 1963 г. в Таганроге. В 1990 г. окончил юридический факультет Ленинградского госуниверситета. С 1999 г. профессор Санкт-Петербургского университета МВД России. Доктор юридических наук. Заслуженный юрист Российской Федерации, действительный государственный советник юстиции РФ 2 класса. Автор свыше семидесяти работ по византологии и церковному праву.

¹ *Острик Алексей, протоиерей.* Молитва. М., 2019. С. 61.

Само по себе это событие – вочеловечившийся Бог, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие (1 Кор. 1, 23) – было совершенно беспрецедентным во всем мироздании. Вполне привычно для человеческого сознания, когда люди хотят стать богами (одна фантастическая книга так и называлась – «Люди как боги»), уподобиться им в могуществе и бессмертии (хотя желание это и эфемерно) – на этом строилась еще античная мифология. Весьма характерно, что мифические античные герои – особый род смертных существ, считавших себя потомками богов, люди-атланты, являлись богоненавистниками и убийцами, от которых стонала земля, как и от Каина. Она не могла принимать проливаемую героями кровь, что и стало причиной их полного истребления¹. Но пожелать обратного – Богу стать человеком?!

Алексей Михайлович Величко

Нужно хотя бы отдаленно представить себе подлинную картину Крестной смерти Спасителя. Ради нас, ради нашего спасения Он пришел в облике человека и, одинокий, хотя и в окружении учеников и многочисленных толп народа, ходил 33 года по земле, которую Сам и сотворил. Вот Он прошел дорогой страданий – синедрион, претория, темница. Вот Ему на голову надели терновый венец, легионеры бьют по ланитам, толпа свищет и орет: *кровь Его на нас и на детях наших* (Мф. 27, 25). Принесли гвозди, и солдаты вбивают их в Его тело. Наконец, Крест воздвигается, и Христос висит на нем, стеная и умоляя Отца Своего Небесного о прощении собственных учителей.

Дополним эту картину мучений некоторыми чрезвычайно важными деталями. Казнили не человека. – Ненавистно, жестоко и хладнокровно убивали Творца мира, Того, Кем был создан весь космос. Трудно представить себе чувства Спасителя, видевшего, как Его гонят спасаемые Им Его же дети, которых Он безмерно любит, кому пришел вернуть бессмертие. Легионеры, смеясь, надели на Него терновый венок, вбивали в руки и ноги гвозди, а потом делили одежды своего Отца, бросая о них жребий под крестом. Может ли кто-нибудь пред-

¹ Авдеенко Е. А. Гомер. «Илиада»: мировоззрение эпоса. М., 2017. С. 63 – 65.

ставить такую картину в отношении себя самого?! Не сойдет ли он с ума от отчаяния?!

Способен ли человек на такой подвиг, по силам ли он ему? Казалось бы, вполне – быть может, не в таких масштабах. Стоит лишь устремить к этой цели свою волю, укрепить характер, отрешиться от соблазнов. «Я хожу в Церковь, пощусь, молюсь, творю милостыню – чего же боле?!» – ну вот и свободно уподобился Христу.

Действительно, как известно, воля человека свободна и в известной степени автономна. «В известной степени» – потому что, по словам преподобного Серафима Саровского, в человеке всегда одновременно действуют три воли: Божественная – всеблагая и спасительная, человеческая – немощная по своей природе, и бесовская – губительная¹. Вследствие первородного греха человеческая составляющая нашей воли лишь кажется самостоятельной, но в действительности легко попадает в зависимость от бесов, и в результате этого человек приобретает уверенность в своей «независимости» от Бога. Очень часто даже люди, считающие себя верующими, полагают, что к Христу можно прийти путем не столь мучительным. И черпают свои знания о Спасителе и окружающем богозданном мире не из дарованных нам Богом текстов Священного Писания, а следуя «научным» путем познания. И получают выдуманый мир, где Богу нет места.

Об этом писал С. Л. Франк: «... мы исходим... из допущения,... что все нам доселе еще неизвестное, от нас скрытое, как и все поражающее нас новое,... может быть познано, “объяснено” – то есть сведено к знакомому,... “понятному”, и... что оно имеет такое строение, что даже если оно и остается фактически непознанным и непостижимым, мы имеем право признавать его в принципе познаваемым и постигаемым, то есть сводимым на элементы либо уже знакомые и понятные, либо могущие стать нам знакомыми и понятными.

Таков прозаический, рассудочный, обмирщенный образ мира; именно в мире такого рода протекает обычно наша жизнь и движется наша мысль. Этот мир остается неосвященным, будничным – миром без святости...»². Конечно же, такому человеку Бог не нужен, Он просто мешает ему жить: *нет Его, и беда не придет на нас, и мы не увидим ни меча, ни голода...* (Иер. 5, 12).

Однако давно подмечено, что это мнимое всевластие над внешним миром – самообман, и человек не в состоянии справиться не то что

¹ Николай Александрович Мотовилов и Дивеевская обитель. Свято-Троице-Серафимо-Дивеевский женский монастырь, 1999. С. 101.

² Франк С. Л. Непостижимое // Франк С. Л. Сочинения. М., 1990. С. 189.

с внешними угрозами, но даже контролировать собственные страхи. И больше всего человека «разумного» сводит с ума неизвестность в отношении его самого. Очевидно это происходит по той причине, что он теряет нить жизненного следования, которую сам себе нарисовал и в которую уверовал. Человек, следуя логике причинно-следственной связи, уже «устроил» свою жизнь, такую понятную, объяснимую, и вдруг... Вот этого «вдруг» человек и боится больше всего, поскольку не знает его, не может «открыть» для себя, и будущее его пугает. В попытках предугадать грядущее он готов верить в приметы и предсказания. *Род лукавый и прелюбодейный знаменья ищет* (Мф. 16, 4). Любое слово современной пифии, сомнительное в своей достоверности, значит для него больше, чем Слово Бога. Но *что такое жизнь ваша? пар, являющийся на малое время, а потом исчезающий* (Иак. 4, 14).

Увы, описываемая картина не просто широко распространена, она в той или иной степени обычна для всех времен и народов. К сожалению, для нашего времени – хрестоматийна, для Бога в современном мире не осталось места, а потому и главная задача обожения человека звучит нелепо. К чему же тогда все усилия Творца? Наверное, чисто теоретически, задача преодоления «ветхого человека» могла быть решена Им радикально и просто: путем уничтожения самого человека, как это было во время Потопа. Невольно вспоминается многократно произнесенное Богом Саваофом Моисею слово об уничтожении некоего народа, неблагодарного и жестокого, и рождении от Моисея нового рода (см. Исх. 32, 9 – 10).

Но «Бог снизошел, чтобы человека поднять и возвысить до Бога»¹. Он по Своей неизреченной любви не только не желает уничтожать Свое творение, но и насиловать волю кого-либо из нас. Христос хочет, чтобы мы пришли к Нему без знамений и чудес. И что же Он «требует» от нас взамен? Только любви. Лишь в любви человек может уподобиться Богу, обожиться. Архиепископу Антонию (Храповицкому) принадлежит очень точное богословское раскрытие состояния Трех Лиц во Святой Троице. Он говорил, что Лица различны, но в силу того, что Они пребывают в состоянии абсолютной и безграничной любви, Отец, Сын и Святой Дух настолько единокорны, что неразлучимы и немислимы Одно без Других. Такой же любовью Христос возлюбил каждого из нас.

Существует не вполне верное суждение, что Христос любит лишь тех, кто уже возлюбил Его. Но Христос любит всех, кому дал жизнь, и терпеливо стучит в дверь каждой души, благородно не желая попирать

¹ Если на сердце радости и покоя нет. Мысли и наставления старца Фаддея Витовницкого. Минск, 2015. С. 12.

нашей свободы. Если бы Он любил лишь праведников, таких, как преподобный Сергей Радонежский или Серафим Саровский, с рождения избравших путь святости и великих подвигов благочестия и аскетизма, то все остальные Его творения были бы обречены. Но Он любил и преподобную Марию Египетскую, и разбойника, висевшего по правую руку от Него на кресте.

Как Солнце, Христос светит всем, и всем открывает путь к Себе, у Него нет predetermined ко спасению, и тех, кто станет для них «дровами» в раю. Он – не безучастное светило, а деятельный Спаситель, дорожащий каждой овцой Своего стада (см. Лк. 15, 4 – 7): *Я есмь пастырь добрый: пастырь добрый полагает жизнь свою за овец* (Ин. 10, 11). И возвращение одного только блудного сына для Него и всех святых – праздник во всем Царствии Небесном, завершающийся пиром (см. Лк. 15, 11 – 32).

Великая тайна Божией любви – непосредственность отношения между Христом и человеком. Авва Алоний говорит: «Если человек не положит в сердце своем, что кроме его одного и Бога никого нет другого в мире, то не возможен обрести спокойствия в душе своей»¹. И это глубоко верно и точно: есть Христос и есть каждый из нас. Для двух любящих душ нет никого во всем свете, лишь они одни. Но если в земной любви в силу нашей греховной природы это приводит к известному эгоизму, то в любви с Богом – к состоянию нашего единодушия с Ним, а Его – со всеми нами и с каждым из нас.

С каждым из нас Он состоит в особых отношениях любви, которые касаются тайны нашего бытия в Нем. И все вместе мы во Христе и со Христом любим друг друга, это и есть Церковь – как собрание единокоренных, единоверующих, любящих друг друга лиц – «ныне и присно и во веки веков». Лишь через Христа и во имя Его могут собраться двое и трое, чтобы и Он был с ними. *Я в Отце Моем, и вы во Мне, и Я в вас* (Ин. 14, 20). О, безкорыстная, покрывающая наши грехи и немощи любовь! Где есть любовь, там нет страха, поскольку любовь возникает лишь там, где человек пребывает со Христом и грех умерщвлен. А со Христом какой страх?! *В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх* (1 Ин. 4, 18).

Безгранично любящий и всесильный Господь никого из нас никогда не оставляет Своей любовью и заботой и всегда готов помочь. *Господь просвещение мое и спаситель мой, кого убоюся? Господь защититель живота моего, от кого устращуся?* (Пс. 26, 1). Бог есть Любовь, а любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозно-

¹ *Отчник*, составленный святителем Игнатием (Брянчаниновым). С. 56.

сится, не гордится, не безчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит (1 Кор. 13, 4 – 7).

Но здесь возникает неожиданный, на первый взгляд, вопрос: а способен ли человек возлюбить Бога до самопожертвования, как Христос? Притом, что Спасителю «всего лишь» нужен *дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно* (Пс. 50, 19). Увы, скорее следует признать, что «обращая взор мой на самого себя... я опытно уверился, что я не люблю Бога, не имею любви к ближним, не верю... и преисполнен гордости...»¹.

Упоение собственной волей, гордыня настолько укоренена в человеческой природе, что нам в буквальном смысле слова нужно отсекалть ее, чтобы только лишь приблизиться к Богу, не говоря уже о большем. Освобождение от греха возможно лишь путем преодоления нашего естества, искаженного грехом; и другого пути нет. В том-то и проблема человека, что сам по себе любить Бога он не может!

Какая, казалось бы, малость! Всего-то и нужно – отдать Богу свою волю, свою свободу, отказаться от нее. Но в том-то и дело, что обычно этот «отказ» в действительности таковым не является. В сознании возникает масса соблазнов и тех «бонусов», которые Господь «должен» нам обеспечить взамен отказа от нашей свободы – а в чем же, скажите, тогда смысл этой «сделки», если Творец не хочет сделать то, что нам и так «положено»? Разве мы заслуживаем чего-то плохого?

Так, за внешним отречением от своей самости мы пытаемся навязать Христу свою волю. Мы готовы признать Христа своим Спасителем и отдать Ему свою свободу, но так, как мы этого хотим и как сами это понимаем. «Люди хотят иметь добренького Бога. Такого Бога, чтобы Он нас прощал, а мы продолжали бы грешить. То есть чтобы мы творили все, что хотим, а Он прощал нас не переставая»². Или еще короче: «Ради тебя Бог унизил Себя, а ты ради Него не унижаешься, а возвышаешься и гордишься»³.

За этим желанием – втайне сохранить своеволие – забывается, что ни в каких самых радужных снах мы не придумаем ничего лучше того, что предуготовил нам любящий Бог (см. 1 Кор. 2, 9). Только Христос заботится не о наших материальных благах и наслаждениях, а о главном – о нашем спасении. Вся наша жизнь во всех ее хитросплетениях, все

¹ Нектарий (Антонопулос), митрополит. Возвращение. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2016. С. 41.

² Преподобный Паисий Святогорец. С болью и любовью о современном человеке. М., 2010. С. 47.

³ Нектарий (Антонопулос), митрополит. Возвращение. С. 16.

наши потребности и нужды Ему ведомы. И все потребное для жизни Он даст нам без подсказки.

Но как тяжело нам принять это! Господь попускает нам скорби, чтобы мы раскаялись в своих грехах, каждый из которых способен стать препятствием для вхождения в Царствие Небесное. Но что нам до того! У нас своя «система ценностей»: мы не просим у Христа прощения нераскаянных грехов, а начинаем сетовать на то, что лекарство слишком горько и тяжело. Нынешняя преходящая жизнь нам важнее вечного спасения. Отсюда, очевидно, один шаг до классического выражения героя Ф. М. Достоевского из «Записок из подполья»: «Свету ли провалиться, или вот мне чаю не пить? Я скажу, что свету провалиться, а чтоб мне чай всегда пить». А нужно «всего лишь» внять словам Апостола: *С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения, зная, что испытание вашей веры производит терпение; терпение же должно иметь совершенное действие, чтобы вы были совершенны во всей полноте, без всякого недостатка* (Иак. 1, 2 – 4).

Поэтому великие подвижники веры советуют не просить у Христа конкретных благ или освобождения от грядущих опасностей: Господь и так знает, что нам потребно. Нужно просить лишь того, чтобы Он даровал нам силу веры и твердость духа, дабы предаться Его спасительной воле и принять ее без ропота и маловерия. «Не будем в молитве принуждать Бога. Не будем просить у Бога избавить нас от чего-либо... или разрешить наши проблемы. Но будем просить у Него силы и укрепления, чтобы перенести все... Если мы верим в Его благой Промысл, если верим в то, что Ему известно исключительно все в нашей жизни, и Он всегда хочет добра, почему нам не довериться Ему?»¹

Здесь нет никакого фатума, поскольку воля наша все же свободна, хотя и относительно. Разумеется, для Бога нет ничего неведомого и закрытого. И, конечно же, Ему ведомо, кто изберет лучшую долю и кто от нее откажется. Поэтому в молитвах нередко встречается выражение «избранники Божии», ставшее причиной возникновения учения о Божественном предопределении у кальвинистов. Разумеется, нет никакой необходимости всемогущество Бога облекать в сомнительный термин «судьба».

Итак, обожение человека возможно лишь при кардинальной трансформации всего его естества, при абсолютной жертве Богу того, что поразил грех, что само по себе уже мертво и бесплодно. Но это и есть именно то, чем так дорожит каждый из нас, за что борется и что составляет, по глубоко ошибочному расхожему мнению, нашу личность. В действи-

¹ *Старец Порфирий Кавсокаливит. Житие и слова. С. 176.*

тельности человек приобретает истинную свободу, лишь отказавшись от нее в «пользу» Бога.

Как говорил преподобный Максим Исповедник, то, что мы называем «свободой», а именно право выбора между послушанием Богу и грехом, добром и злом, уже является следствием пораженной грехом человеческой природы¹. На самом деле человек свободен лишь в Боге, и это его естественное состояние. Какая же это свобода, если она, оценивая Христа, уже не свободна?! Вся наша жизнь, весь наш путь духовного обновления и обожения – от «научи меня молиться, Сам во мне молись» (по святителю Филарету Московскому) до апостола Павла: *уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20).

Это не просто разовый отказ от своего «я» во имя высшей цели, а ежедневное, ежеминутное понуждение себя жить по Христу и с Христом – ведь человеческая природа не меняется: *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12). Уйти от себя – это когда человек говорит: «Пошли меня туда, куда пожелает любовь Твоя. Я достоин ада. И даже если пошлешь меня в ад, лишь мне быть с Тобой. Одного хочу, одного желаю, одного ищущу, Христе мой, – быть с Тобой, где бы и как бы Ты ни пожелал»².

Это – война человека с самим собой, своим греховным эго, но это – и мир в Боге. А потому из уст Спасителя слышны слова, которые, казалось бы, никогда не могли быть Им произнесены: *Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч* (Мф. 10, 34). *Думаете ли вы, что Я пришел дать мир земле? Нет, говорю вам, но разделение* (Лк. 12, 51).

Чтобы полюбить Христа, необходимо чистое сердце, дабы грех не побеждал нас, не препятствовал нам прийти к Спасителю: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят* (Мф. 5, 8). Сердце очищается от греха молитвой, верой и смирением. Молитва, смирение, терпение – наши верные союзники. Но и они могут быть даны нам лишь по милости Христа – ни одна молитва не возможна без действия Божественной благодати³.

Когда апостолы однажды спросили Христа: *кто же может спастись?* Он ответил: *невозможное человекам возможно Богу* (Лк. 18, 26 – 27). А потому: «Сердце чисто созижди во мне, Боже». Вообще, легко заметить, что очень часто в молитвах человек выступает в пассивном качестве. Он просит Бога о том, что сам сделать не в состоянии. Например, в канонах:

¹ См.: Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С. 95, 96.

² *Старец Порфирий Кавсокаливит*. Житие и слова. С. 149.

³ Там же. С. 181.

покаянном ко Господу, ко Пресвятой Богородице и Ангелу Хранителю – неоднократно звучат выражения: «от тли недуг возстави мя», «полезно сотвори», «радости мое сердце исполни», «сотвори мя достойна Царствия Небесного», «приими молитвы моя, и донеси я Сыну Твоему» и т.п.

Весь подвиг человека состоит не в том, чтобы самому освятиться – это нам не по силам, – а в том, чтобы, преодолев свое «я», вверить себя Христу. И совершить этот великий подвиг можно исключительно верой, которая, как говорил апостол Павел, *есть осуществление ожидаемо-го и уверенность в невидимом* (Евр. 11, 1).

Замечательно, что «покаяние» – одно из Таинств, посредством которого человек освобождается от греха, в греческом языке означает кардинальное изменение человеческого существа, его возрождение, изменение образа мыслей, перемену жизни. И как все блага, дарованные Богом, покаяние становится возможным лишь по благодати Божией: «Только когда благодать Божия всеет в его сердце [человека] семя Божественной любви, он сможет увидеть свою духовную несостоятельность. Солнечный свет, проникая в темную комнату, освещает все. Так и благодать Божия – открывает нам опустошенность наших душ, обнажает наши страсти, наши грехи»¹.

Все церковные Таинства, вся церковная жизнь посвящена лишь этой цели – стяжанию благодати Божией, чтобы, пребывая в Христовой любви, предаться Божией воле. Это-то и есть самое трудное: «всецело предаться воле Твоей святой», помнить, что «все ниспослано Им», что «какие бы ни получал я известия, дай мне принять их со спокойным сердцем и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя» (молитва Оптинских старцев). Слова легко звучат при молитве, неизмеримо трудно исполнить их в жизни. Более того, борьба с самим собой многократно усложняется действием на человека бесовской воли, жаждущей погубить его; это и есть великий духовный подвиг (см. Еф. 6, 12)². Вследствие этого так понятны слова апостола Павла: *не понимаю, что делаю: потому что не то делаю, что хочу, а что ненавижу, то делаю. Если же делаю то, чего не хочу, то соглашаюсь с законом, что он добр, а потому уже не я делаю то, но живущий во мне грех* (Рим. 7, 15 – 16).

А потому смирение перед Богом, отказ от своей воли, своей исключительности, своего «я» и есть высшая свобода человека, вслед за которой он становится недостижимым для греха. «Смирение обладает великой силой, – писал преподобный Паисий Святогорец. – От смирения диавол

¹ Нектарий (Антонопулос), митрополит. Возвращение. С. 11, 13.

² Старец Порфирий Кавсокаливит. Житие и слова. С. 176.

рассыпается в прах... Там, где есть смирение, диаволу не находится места... В прощении “помилуй нас” есть смирение – и просящая великой милости Божией душа приемлет просимое»¹.

По Преданию, на мытарствах бесы будут мучить людей лишь за те грехи, которые остались неискупленными и нераскаянными. Так и в нашей земной жизни они имеют власть мучить нас, только если что-то в нас осталось греховным, не очистилось слезой покаяния. Блудника будут истязать блудными помыслами, маловера и гордеца – умилением и жалостью к себе, что автоматически приводит к роптанию на Бога и неверию в Него и Его благой Промысл о каждом из нас. В чем мы даем бесам власть над собой, в том и попираемы ими.

Зато душа, омывшая себя слезами духовного раскаяния, становится недоступной для действия бесов, она отдала себя Богу, доверилась Ему, мы защищены от бесов спасительной силой Божией благодати, наполняющей нашу душу. До тех пор, пока не совершен новый грех, пока человек снова не изменил Христу, ничто мерзкое не коснется его души.

Освобожденная от греха душа способна принять в себя Христа. Спаситель соединяется с нами, мы становимся сродниками Его. Любая иная попытка освободиться от бесов, сопряженная нередко с желанием ими повелевать, приводит лишь к тому, что человек, «поднимаясь» все ниже и ниже по ступеням бесовского «посвящения», в итоге сам становится орудием своих «слуг». Классический пример – император Юлиан Отступник, прошедший все, вплоть до «высшей», ступени сатанинского посвящения, приносивший человеческие жертвы и открыто объявивший войну Христу². Но последними его словами все же были: «Ты победил, Галилеянин!»³.

Любовь души, наполненной Христом, безгранична. «Христовой любовью не насытиться. Чем больше Его любишь, тем больше думаешь, что не любишь Его, и еще больше желаешь любить Его. И, несмотря на все страдания и немощи, у тебя есть уверенность, что ты преодолел смерть, потому что находишься в общении любви Христовой»⁴. Это и означает, что человек, победоносно завершив при Божией помощи войну со своим греховным естеством и обретя мир в душе, возвратился в свое естественное, райское состояние.

¹ Преподобный Паисий Святогорец. С болью и любовью о современном человеке. С. 65, 66.

² Алфионов Я. Император Юлиан и его отношение к христианству. М., 1880. С. 296, 297.

³ Марцеллин Аммиан. Римская история. М., 2005. Книга XXV. Глава 3. С. 357, 358.

⁴ Старец Порфирий Кавсокаливит. Житие и слова. С. 154, 158.

ГЛАВНЫЙ ТРУД СОЛЖЕНИЦЫНА – ЭТО ЕГО ВНУТРЕННЕЕ ВОСХОЖДЕНИЕ

Наталья Нарочницкая

Наталья Алексеевна Нарочницкая – известный ученый, общественно-политический деятель, православный идеолог, дочь академика Алексея Леонтьевича Нарочницкого.

Н. А. Нарочницкая – доктор исторических наук, окончила с отличием МГИМО, специалист по США, Германии и общим проблемам и тенденциям международных отношений.

Особую популярность и известность принесли ей книги по Второй мировой войне: «За что и с кем мы воевали», «Партитура Второй мировой», «Великие войны XX века». Главный её труд – «Россия и русские в мировой истории».

В 2003 году Наталья Алексеевна была избрана депутатом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации четвертого созыва. Она являлась заместителем председателя Комитета Государственной Думы по международным делам, возглавляла Комиссию по правам человека в иностранных государствах, была заместителем главы делегации Федерального Собрания РФ в ПАСЕ. В качестве заместителя главы делегации Государственной Думы в Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ) (2004 – 2007 гг.)

С 2009 года Н. А. Нарочницкая – член Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России.

Деятельность Н. А. Нарочницкой отмечена высокими наградами Православной Церкви: Орденом Святой равноапостольной Ольги 3-й степени Русской Православной Церкви, Орденом Святой великомученицы Варвары Украинской Православной Церкви Московского Патриархата.

Александр Исаевич Солженицын, без сомнения, – одна из масштабнейших общественных фигур в нашей истории XX века. Писатель, мыслитель, – он пропустил многострадальную русскую историю через личную непростую судьбу. Человек с исполинской волей и честностью, которые не позволили ему оставаться вечным пленником личных обид, драм и лишений, что так катастрофически сузило горизонт известных «заслуженных» изгнанников, судьбы которых лишь внешне похожи на солженицынскую...

Писатель становится значимым только тогда, когда его перо через малое способно сказать о большом: глубокое обобщение может звучать не только у героев Шиллера, но и в одной строке былины и народной сказки, ошеломить библейской бездонностью в простоте одной реплики из уст крестьянки Матрёны. Поэтому великих каждый век рождает немного, а витиеватый изящный щебет огромной массы деятелей мировой литературы так и остается «belles lettres». Впрочем, жаргон советского андеграунда, которым написана отнюдь не безталанная, но на редкость философски бедная диссидентская литература, уже и беллетристикой не назовешь...

Солженицын изначально был слит со стихией родного русского языка. Его талант рос и вызревал неспешно, потому что это был подлинно могучий росток из семени русской жизни и культуры, чего не скажешь о параллельно фрондирующих с фигой в кармане поэтах и писателях, остающихся на мировоззренческом поле, весьма мало отличном от официального.

Как подлинно русский писатель, Солженицын мучительно пытался понять, «что же задумал Бог о России, и какова ее судьба» (Н. Бердяев). У читателя с невытравленным русским нутром сердце сразу екнуло уже от его «Захара-Калиты», – и от смысла, и от писательского слога.

Мировоззрение Солженицына обретало новые грани вместе с осмыслением взлетов и падений, грехов и заблуждений русской истории. Так он разошелся с идейными представителями либерально-западнического толка, объединенными с ним гонениями власти.

И новый круг знакомств за границей, и рукоплескавшие ему поначалу «собратья» по изгнанничеству ждали от Солженицына, что он вечно будет глядеть на мир и историю через окошко лагерной камеры «ивана денисовича». Ждали, что он останется на поле «детей Арбата», возмущавшихся, подобно Троцкому, не самими репрессиями, а тем, что не на тех направлены: «...надо знать кого, по какой главе расстреливать.

Деревня Мильцево. Осень 1956 г.

Когда мы расстреливали, то твердо знали по какой главе», – писал Троцкий за границей. А Солженицын и как писатель, и как мыслитель поднялся не только над «ГУЛАГом», он поднялся над всем XX веком.

Жгучее чувство сопричастности русской истории с изумлением отторгали типично «советские диссиденты», для которых русская история была неинтересна и чужда, а красота и правда православной русской жизни – презираема не менее, чем первыми большевиками. Иные диссиденты в своем нигилизме по отношению к России превосходили своих гонителей из ЦК КПСС! Для многих,

кому дали Нобелевскую премию, – для И. Бродского, например, да и для лично смелого А. Сахарова – русской истории как будто вообще не существовало. Похоже, такие интеллигенты оказались куда больше травмированными тоталитаризмом, чем персонажи Шукшина. Поэтому, по большому счету, деятельность диссидентов, даже их смелость и готовность пострадать за идею оказались в итоге, увы, безблагодатными для России.

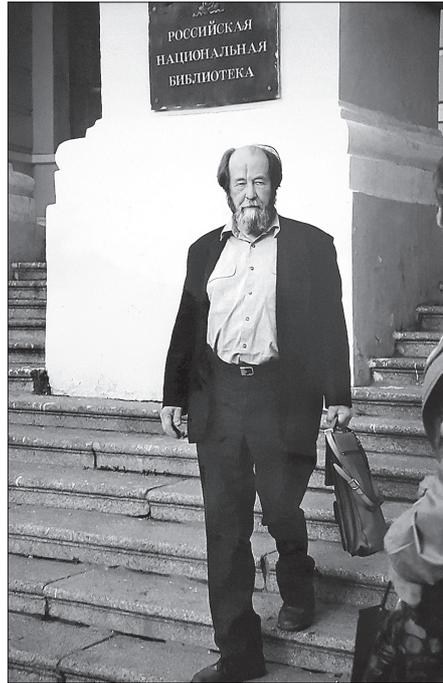
Но Солженицын был пронизан поиском духовной преемственности. Ему, православному, была чужда как раз большевистская нигилистическая интерпретация русской истории, но органично осознание религиозно-философских её основ. Именно в русской истории и жизни Солженицын увидел источник силы и возрождения России и русских как явления мировой истории и культуры. Далекий от прославления архаики, он не идеализировал прошлое, но пытался осмыслить источник как взлетов, так и падений России. Он понял, что новое, нужное, отвечающее на вызовы современности сможет стать двигателем, лишь вырастая из родной почвы, лишь бережно очищая смыслообразующее ядро русской жизни от грехов и извращений прошлого и настоящего. Солженицын, пережив вместе с государством все раны и боль этого многострадального века, стал поистине исполинской фигурой русской истории.

Читая сагу «Красное колесо», историк порой видит, где автор пользовался источниками, а где его вело историческое чутье, которое присуще лишь очень эрудированному и вдумчивому исследователю. И за каждым «узлом» – исполинский труд, архивы, фантастический объем литературы, документов, исследований, наброски, выписки. Только историк с опытом написания большой книги способен осознать, какой колоссальный труд стоит за «Красным колесом».

Но главный труд Солженицына – это его внутреннее восхождение. В нем он оставался независимым в своих суждениях, когда не было стороны, на которую можно встать. Ему становилось тесно в скорлупе начального горизонта.

Солженицын не побоялся поднять самые острые темы русской и мировой истории. И, связав свои духовные, душевные и интеллектуальные «узлы» в единый мощный узел воли, он не смог оставаться вне России, он жаждал отдать ей все накопленное. Венцом жизни А. И. Солженицына стало его возвращение.

Он не мог проявить малодушие, прекрасно осознавая, что к нему отнесутся с недоверием те, которые неоднозначно судят о сыгранной им на Западе роли. Его мужественный отказ от прославления «победы над коммунизмом» в новом падении нации в очередной соблазн на рубеже XXI века стал выдающимся личным и общественным актом. И это настоящий моральный и мировоззренческий подвиг, подвиг чести и честности перед собой, перед Богом и людьми.

Санкт-Петербург. 1996 г.

«ВЕЛИКОЕ СЛОВО “ПРОСТИ”»

БЕСЕДА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА «ДС»
АРХИМАНДРИТА ГЕОРГИЯ (ШЕСТУНА)
С ПИСАТЕЛЕМ ВИКТОРОМ НИКОЛАЕВЫМ

Эта безграничная вера в человека, это чувство, что ничто не может окончательно зачеркнуть образ Божий в человеке... Это есть главное откровение... чему научил нас Христос.

В. В. Зеньковский

Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что стало в стране,
И простим, где нас горько обидели
По своей и по нашей вине.

Сергей Есенин

Сегодня мы беседуем с очень интересным человеком, гостем нашего города, писателем Виктором Николаевичем Николаевым. Надо сказать, имя Виктор Николаевич для нас такое родное: мы долгие годы, до самой его кончины, дружили с профессором Виктором Николаевичем Тростниковым, который тоже был частым гостем нашего города. Само это имя уже располагает к беседе, и мы, надеюсь, почерпнём из неё полезные и мудрые сведения для нашей жизни.

Наш гость – боевой офицер, был во многих «горячих точках», начинал с Афганистана, награждён орденами, жизнь его описана в его книгах. Это «Живый в помощи», «БезОтцовщина», «Из рода в род»...

Николаев Виктор Николаевич родился в 1958 г. в Восточном Казахстане. В 1981 г. окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище. С 1981 по 1987 г. служил в Закавказском военном округе. 1987 – 88 гг. – Афганистан. 1988 – 89 гг. – выполнял задачи по нештатным ситуациям в Сумгаите, Степанакерте, Карабахе, Спитаке, Тбилиси. 1990 – 93 гг. – учеба в Военно-политической академии. Майор запаса, награжден орденом Красной Звезды.

Член Союза писателей России. Автор книг «Живый в помощи» (записки «афганца»), «Из рода в род», «БезОтцовщина», «Время подумать о главном (Шамординские истории)». В 2006 г. выпущен диск с литературной композицией по книгам автора.

Лауреат премии Союза писателей России «Честь имею» 2000 г., лауреат премии «Прохоровское поле» 2002 г., лауреат Большой литературной премии России 2002 г. В 2010 г. книга «БезОтцовщина» отмечена дипломом СФИ «Золотой Витязь». Лауреат Патриаршей литературной премии имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия за 2012 г.

Виктор Николаевич Николаев

И вот теперь о Шамординской обители, как она называется точно?

– «Время подумать о главном. Шамординские истории».

– Мы будем говорить сегодня о литературе и о современной жизни. Виктор Николаевич, здравствуйте.

– Здравствуйте.

– И первый вопрос к вам, конечно, о том, как вы пришли к писательству? Вы же совсем не готовились к такому виду творческой деятельности, и вдруг у вас вышла первая книга. Мы обсуждали её тогда с нашими самарскими писателями, а у нас достаточно известные и заслуженные писатели. И вот Алексей Алексеевич Солоницын мудро заметил: «Книга хорошая, но писатель проверяется по второй книге: сможет ли он написать следующую книгу на должном уровне...» Вы сейчас написали уже четыре. То есть для вас это становится настоящим делом. Каким же образом вдруг всё это – ваша жизнь, ваши внутренние переживания, и боль, и радость излились на бумагу. Как это началось, как получилось?

– По образованию я, действительно, не писатель. Я человек военный, окончил военное училище, военную академию. Прошёл четыре войны: Афганистан, Карабах, Спитак, Сумгаит, тбилисские события. Моя судьба и биография описаны полностью в книге «Живый в помощи». Если сказать кратко, принципиально изменило мою судьбу, мои взгляды на жизнь тяжелое ранение. Вы знаете, есть такое понятие на языке военных – «час икс». За этот час, а иногда и за минуту меняются взгляды на жизнь. И то, что для тебя было или казалось важным, через минуту, через час становится уже несущественным и глупым. Врачи моей жене тогда сказали: «Ваш муж долго не проживёт с таким диагнозом. Мы его прооперируем, это наш долг. Но и на это нужно ещё ваше согласие». И она ответила: «Операцию делайте», – абсолютно спокойно. Пока шла операция, читала молитву «Живый в помощи Вышняго». Благодаря этой молитве и мастерству врачей мы с вами сейчас ведём этот разговор.

И вот когда я более-менее стал чувствовать себя нормально, я решил написать книгу. Книгу не о войне, не о крови и не о гибели, – я захотел написать книгу о подвиге. О подвиге ребят и о предательстве. Ещё мне захотелось написать о подвиге жены, которая умеет ждать.

Лауреат Патриаршей литературной премии. 2012 г.

Хочу сказать, что воевать гораздо легче, чем ждать. Когда от мужа неделями нет писем, а в твой гарнизон, да ещё в твой подъезд и на твой этаж практически каждый день приходит очередной «цинк» – «без права вскрытия» (там нечего вскрывать, там всё изуродовано и изувечено) – а твоя жена, она живой человек, и она ждёт. Она воспитывает при этом детей, содержит дом в чистоте. Это тоже подвиг – уметь ждать.

Когда рукопись была готова, встал вопрос, как её издать. В то время я служил алтарником московского храма Казанской иконы Божией Матери (метро «Коломенское»). И вот я стал подходить к иконе апостола Иоанна Богослова и просить его помощи в издании. Я был совершенно никому не известен, в Союзе писателей не состоял и писал просто ради памяти. Думалось, сделаю несколько экземпляров и раздам ребятам. Моё прошение святому Иоанну Богослову длилось примерно недели полторы, и вдруг мне звонит священник из Барнаула и говорит: «Прочитал твою рукопись и найду деньги, чтобы её издать». Я обрадовался, поговорил с ним, а потом машинально спрашиваю: «Батюшка, а вы из какого храма?» А он отвечает: «Я настоятель храма святого апостола Иоанна Богослова». И вот так эта книга стартовала и пошла в жизнь. Священником этим был отец Алексей Просвирин, он сейчас служит в храме при Синодальном отделе, метро «Серпуховская».

На сегодня вышло 23 издания тиражом более миллиона, книга известна во многих странах. В 2012 году я получил Патриаршую литературную премию, мне её вручал сам Святейший Патриарх Кирилл в храме Христа Спасителя.

Как сказал мне очень близкий нашей семье человек, народный артист России Владимир Петрович Заманский, известный по многим старым фильмам: «Самое сложное – это писать о добре: для этого действительно нужно иметь добрую душу и очень серьёзно к этому делу относиться». И он добавил, что для того, чтобы писать о добре, нужен талант. Даст тебе Господь талант – ты будешь писать. А если Он не даёт таланта, то получается самое простое – писать о зле, там талант не нужен, доста-

точно просто быть злым человеком и преследовать какую-то порочную цель.

И вот когда мои книги были написаны – одна, вторая, третья, четвёртая – я сам себе поставил задачу, чтобы они все прошли цензуру, как бы кто к этому не относился. Для меня мнение тех, о ком книга написана и кто будет ее читать, было очень важно. Причём важно именно каким образом написанное выглядит в духовно-нравственном плане. И у меня как-то сразу всё сложилось. «Живый в помощи» сразу поддержали ребята, с которыми я воевал, там ведь все факты подлинные. Вообще во всех моих книгах факты подлинные. В первой книге даже имена все настоящие. В той, что касается тюремной тематики, имена изменены – так требуют обстоятельства.

Вторая моя книга о родовом грехе, называется она «Из рода в род». Неслучайно я взялся за эту тему. Эта книга о том, что случается с семьей, в которой остается нераскаянный грех. Часто люди по молодости, когда случаются с ними какие-то, как им кажется, пусляковые ситуации, говорят: «Да пройдёт, ничего страшного!» Когда с молодежью встречаюсь, всегда объясняю: «Ничего не пройдёт – за всё будете платить». За малейший грех, за недобрую мысль, за злобный взгляд – за всё придётся платить. По себе знаю, сам прошёл через это. Как говорил старенький отец Василий: «Ну не придёшь к Богу по-хорошему, с радости – придёшь от горя. Но всё равно в храм придёшь, – чтобы сказать Господу эти, великие, на самом деле, слова: “Прости и помоги”».

Почему я взялся за эту тему? Дело в том, что у меня два деда, по отцу и по матери, – Герои Советского Союза, а родной брат имел две судимости за разбой и в итоге был убит. Что такое родной сын или брат в тюрьме и муки матери о нем? – это ведь настоящая беда, и такая беда не миновала нашу семью. Чтобы книгу об этом написать, я объехал множество колоний, Федеральная служба исполнения наказаний мне оказывала всяческую поддержку. Начинать-то я писать о тех ребятах, которые попали в тюрьму, отвоевав в Афгане, в Чечне, а жизнь у многих из них не сложилась. В девяностые годы в стране был полный хаос, многие метались, не зная, где себя найти, к чему пристроиться. И пристроили их недобрые люди в группировки, а в итоге эти ребята получили судимости. Видимо, сказался тут и Божий промысел: оказавшись в зоне, они впервые в жизни сказали: «Прости, прости, Господи, за всё, что я совершил в жизни!»

А что такое слово «прости», какое вообще значение имеет это простое слово – «прости»? Однажды в Афганистане, в 1988 году, нашу группу высадили на разведывод. Нас двенадцать человек, мы были все взаимозаменяемы, то есть каждый мог выполнять задачу врача, сапёра,

*Начальник поисково-десантной группы
(ПДГ) капитан Виктор Николаев.
Афганистан. 1987 г.*

снайпера, подрывника и так далее. Но высадили нас не в том квадрате. Есть такое понятие для более точного указания местоположения объекта – «квадрат по улитке», допустим, «квадрат 5, улитка 7», а нас высадили – «квадрат 5, улитка 2». И мы сразу оказались в засаде с душманами. Начались злые скоротечные перестрелки. Двое ребят убиты, мы их несём на себе (тяжелораненых и убитых никто у нас никогда не бросал). Ранены-то были почти все, в том числе и я, ранение лёгкое, по касательной в левую кисть, но лёгкое ранение в бою не воспринимается, чувствуешь такое небольшое жжение, боль притупляется. У нас был офицер, которому во время боя пулей срезало ухо, и он эту боль не ощутил, только уже потом, на аэро-

дроме, говорит: «Чувствую, слева не слышу, потрогал, а уха нет». И вот мы тогда попытались отбиться – ничего не получилось. В таких случаях принимается абсолютно штатное решение, которое называется «заполняться ромашкой», то есть залечь нога к ноге, обзор по горизонту на 360, убитых – в центр, крест-накрест. Быстро пересчитываем боезапасы, это дело секунд, штык-ножи перед собой. Одна граната на троих на самоподрыв: три головы в кучу, подрывает последний живой себя и бандгруппу. И мы начинаем ждать. И вот лежим минуту – «духов» нет, три – нет, пять – нет... И вдруг мы, все грязные, в крови, при жаре 50 градусов, внезапно начинаем шёпотом друг у друга просить прощения: прости и прощай, Леха, Женька, Витька, Сашка. Прости и прощай, и не держи зла. Жить осталось минуту. И пока звучало это «прости и прощай», произошло следующее: душманы прошли мимо, они почти наступили на нас, но нас не заметили.

Я просто хочу сказать о силе этого слова – «прости». Его мы говорим в детстве папе и маме, говорим родным и близким, коллегам по службе, по работе, просто случайному прохожему, которого ненароком обидели... А иногда кажется, что ты прав в каком-то резком слове или поступке,

и ты даже гордишься им, но проходит день, два, неделя, – и вдруг как-то станет на сердце тяжело. Вспоминаешь ту историю и понимаешь, что неправ-то был ты сам, и уже хочется найти того человека и сказать ему «прости», чтобы на душе полегчало.

За тюремную тематику я взялся неслучайно. Однажды у меня была встреча с бывшим «авторитетом». Этот старик прошёл Отечественную войну, а затем попал в штрафбат за то, что убил начпрода¹ за воровство. Его лишили наград, у него был орден Славы, которого его тоже лишили. С войны этот старик вернулся живой, но у него было шесть ранений, две пули в нём так и остались. «Я их, – говорит, – берегу на память о своих глупостях в бою. Однажды, когда мне было уже за восемьдесят, как-то на душе стало нехорошо. Вдруг впервые в жизни захотелось прийти в простой деревенский храм, и сказать ”прости“ простому сельскому священнику. Рассказать про все свои глупые поступки, про свои судимости, про свою гордыню». Батюшка его принял и не пожалел, что выслушал этого старика. Я с этим человеком встречался несколько раз, это было на Урале, сейчас его, к сожалению, уже нет в живых. Крепкий был старик, ростом под два метра. Жил он очень скромно: солдатская кровать, ложка, кружка. К нему, кстати, нередко приезжали отсидевшие ребята, чтобы получить совет. Но перед тем, как к старику зайти, они тщательно приводили себя в порядок, – он терпеть не мог грязь. В нашем первом разговоре старик мне сказал: «Знаешь, где я умный стал? Окончательно умный и прозрел? А прозрел я на кладбище, когда блатные убили моего друга Веньку. И вот стою я, лежит мой друг Венька, рядом старенький батюшка Василий. И до меня, наконец, дошло главное: где бы нас, русских мужиков, не носило, чтобы мы из себя не корчили, не представляли, мы все закончим под крестом и при батюшке. С храмов Божиих кресты поносили, а на кладбищах так и не смогли». А потом помолчал и добавил: «Ты знаешь, что такое пахан, авторитет? Пахан, авторитет – это сатана, а мы все, воровские паханы, мы все у него в ”шестёрках“. Как только от Бога отошёл, так в эти ”шестёрки“ и попал...»

Однажды мы этому старику привезли фильмы, которые наша молодёжь смотрит каждый день и героям которых пытается подражать. Есть такое понятие – «идентичное натуральному». Господь не посылает случайного времени или места для нашего проживания, Он всё посылает со смыслом, чтобы ты сделал правильные выводы, и твой опыт пригодился тебе, твоим детям, внукам и правнукам. И когда мы говорим о современной культуре, о различных фильмах, о музыкальных группах,

¹ Начальник продовольственной части.

то как-то приходит на ум эта фраза: «идентичное натуральному». Моё поколение воспитывалось в большей степени на «натуральных» фильмах о реальной жизни: «Иван Бровкин», «Любовь и голуби», «Мужики», «Отец солдата», «В бой идут одни старики». Даже юмор, и тот был натуральный, – «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», «Операция «Ы»». И таких фильмов было большинство, они вошли в золотой фонд кинематографа. Там не было ни пошлости, ни глупости. Мы воспитывались на натуральных песнях музыкальных групп «Самоцветы», «Весёлые ребята», «Песняры», «Сябры». Эти песни тоже будут петь всегда, в них есть смысл и красивая мелодия.

А нынешнее поколение растёт на «идентичном натуральному», и вот такое «идентичное» мы привезли старику. Нам было очень интересно и важно его мнение. Может быть, вы помните, несколько лет назад вышел такой фильм о подростках во время Отечественной войны, он назывался «Сволочи». Фильм надуманный и грязный. Такого на самом деле не было.

– Да, это известная история, когда на каком-то фестивале¹ знаменитый актер и режиссер Владимир Меньшов, который был ведущим на церемонии награждения, узнав, что призёром становится этот фильм, отказался вручать приз за «лучший фильм», сказав, что этот подлый фильм позорит честь нашей страны. Он бросил конверт на пол и ушёл со сцены.

– Ещё мы старику привезли, чтобы он посмотрел и дал оценку так называемой музыкальной группировке «Звери». Таких «зверей» сегодня много. У нас или «звери», или «сволочи» – всякие там «Ногу свело», а в итоге мозги свело.

Он смотрел недолго, несколько минут, одно, другое, затем попросил выключить, помолчал и говорит: «Вот когда будешь встречаться с людьми, особенно с молодыми людьми, ты им скажи, что это не звери, это щенки, – пока они щенки, но скоро будут шакалята. А вот настоящие звери и сволочи – это те, кто придумал, профинансировал и выпустил всё это в мир. А ещё передай, что на каждого зверя есть капкан, если его свои же не загрызут».

¹ В столичном кинотеатре «Пушкинский» в феврале 2006 года состоялась церемония кинонаград канала MTV. Прославленному актеру и режиссеру Владимиру Меньшову досталась почетная миссия вручения награды в главной номинации вечера «Лучший фильм». Вскрыв конверт и увидев, что главный приз получает фильм «Сволочи», снятый режиссером Александром Атанесяном, Владимир Меньшов, со словами, что этот фильм – позорище для нашей страны, покинул зал.

В основу фильма положены вымышленные истории, оскорбляющие священную для нас память о Великой Отечественной войне.

Благодаря подобной культуре, навязываемой молодёжи, у нас сегодня сидит более 10 000 подростков в зонах. Это всё оттуда идет, из «зверей» и «сволочей».

Чем отличается наше поколение от сегодняшнего молодого поколения? У нас не было стольких соблазнов, слава Богу, и, не имея всех этих телевизионных и интернет соблазнов, мы очень много читали. Мы брали всегда много книг из школьных библиотек, любили читать, и книги были действительно хорошие.

Но в советское время нам, например, навязывали такое понятие, что человек произошёл от обезьяны, и мы в это верили, кстати, есть те, кто верит по сей день.

Когда я встречаюсь с молодёжью, всегда привожу такие примеры. Возьмём, например, КВН. Мы знали совсем другой КВН, это действительно был «Клуб весёлых и находчивых». Там был и смысл, и шутки уместные. Сегодня же эту аббревиатуру можно перевести, как «Клуб вырождения нравов». Уже на федеральном канале в КВНе сквернословие считается в порядке вещей и у большинства не вызывает чувства отвращения. Я советую ребятам, когда они будут смотреть современные юмористические передачи, выключать звук и, глядя на любого юмориста, КВНщика, можно подумать, что этот человек действительно произошёл от обезьяны, когда при скудости интеллекта, словарного запаса все это компенсируется ужимками и кривляньями. И самое поразительное, что зал заливаётся при этом хохотом...

Мы однажды провели такой эксперимент. Взяли экран компьютера, разделили на две части, слева вывели обезьяну, а справа – одну известную юмористку, которая практически каждый день мелькает на экране, – и выключили звук. Вы знаете, обезьяна выглядела гораздо интеллигентнее, воспитаннее и разумнее в своих гримасах.

Однажды я был в подростковой женской колонии в Белгородской области. На тот момент там сидело 610 девочек. Начальница колонии, очень, кстати, интеллигентная женщина – Заслуженный учитель России. Сегодня пытаются принизить и охаять должности тюремной службы, но это служение – благородно. Отрицательных же моментов, которые навязывают нам журналисты, на самом деле гораздо меньше. Нам всё выдают в негативном ключе, показывая каждый день одно отрицательное, создавая впечатление, что все, кто служат в зоне, лишены человеческих качеств. На самом деле там очень много самоотверженных и порядочных людей. И вот когда закончился разговор с девчонками в этой колонии, я у начальницы спрашиваю: «Мне нужно для книги “БезОтцовщина” три-четыре поучительных истории. На кого бы из этих девочек

вы посоветовали обратить внимание?» – «На любую». Я читаю наугад четыре личных дела: оказалось, эти девчонки насмотрелись фильмов типа «Бригада», «Бумер» и полностью скопировали действия «героев» этих фильмов. Они даже взяли себе их клички и имена, совершили то, что «рекомендуют» эти фильмы. И понесли наказание в итоге за свои преступления сроком от 4 до 9 лет...

Теперь давайте рассуждать: кого судим? Девчонок! Да, они совершили преступление, но пора уже принимать законы, чтобы за подобные вещи привлекать к ответственности, и к уголовной, в том числе, режиссёров, актёров, сценаристов, продюсеров, – всех, кто имеет отношение к этим поганым фильмам.

– **Как заказчиков преступлений.**

– Абсолютно точно, они заказчики, да. Пора привлекать к уголовной ответственности за пропаганду «романтики» бандитизма.

Есть ещё другая беда: пропаганда образа жизни «золотой» молодёжи. Во всех новостях, в соцсетях, в фильмах и передачах – рассказы об их шикарном отдыхе, покупках и гулянках. Я бывал в местах, где проводит своё время эта так называемая «золотая» молодёжь. Подросток 14 лет за вечер легко тратит 200 – 300 тысяч рублей, абсолютно не испытывая при этом никаких угрызений совести. И он знает, что завтра ему опять дадут. Я наблюдал поведение этих молодых людей, видел их хамство и цинизм. Там ничего хорошего нет и никогда не будет.

А по-настоящему золотой молодёжи в сегодняшнем поколении очень много. Дети, подростки совершают настоящие подвиги. Шестилетний ребёнок спасает братика и сестрёнку, вытаскивая из пожара, – это уже золотой человек. Вот такие поступки надо показывать, культивировать.

– **Главный вопрос, который мы должны себе задать, – способны ли мы на подвиг и покаяние. Как мы поведём себя на войне, в опасности, при гонениях, в заключении. Всегда, когда читаешь ваши книги, размышляешь: «А я бы смог? А я бы выдержал? А я бы...»** Потому что известно – от тюрьмы да от сумы не зарекайся. В России ведь не только за преступления сидели в тюрьме, а были миллионы безвинно пострадавших. Но многие монахи и священники, которые находились в заточении за веру, говорили, что в лагерях и тюрьмах провели самые счастливые годы: Господь был рядом, ближе, чем когда бы то ни было в жизни. И читая ваши книги, понимаешь, что в самых тяжёлых ситуациях Господь не оставляет человека, если сам человек не оставляет Бога. И этим светом незримым, светом Божественным, всегда озарена жизнь верующих.

Священникам часто приходится сталкиваться с людьми, прошедшими тяжкие испытания: воевавшими, сидевшими, даже просто росшими в неблагополучной среде. И только те, кто смог покаяться, кто воцерковился, кто причащается Святых Христовых Таин, только такие люди возвращаются к нормальной жизни. Если этого не случается, то они спиваются, лишаются рассудка, накладывают на себя руки, потому что не в человеческих силах переносить такие великие потрясения для души.

Главный враг русского человека – безбожие. Много говорится сейчас про XX век, который принёс нам море крови, страданий, красный террор, сталинские лагеря, но никто не говорит о самом великом преступлении XX века и вообще всей этой атеистической власти: то, что она пыталась оторвать народ от Бога. И тех, кто отказывался так жить, они просто убивали, уничтожали. Это и есть самое великое преступление власти – оторвать народ от Церкви, заставляя его жить без Бога.

У меня такое ощущение, что всё то, что у нас построено без Господа, сметается сейчас с лица земли. Промышленные объекты, заброшенные города – всё, что было построено без Бога. В начале 1990-х всё разрушалось, нищета одолевала, а монастыри, храмы начали восстанавливаться, всё божественное начинало жить.

И как же вернуть на русскую землю русских людей? Когда Советский Союз распался, произошла эта геополитическая катастрофа, самое главное, что России вернули её имя – был Советский Союз, стала Россия. Опять Россия. Россия – это земля, где жили и живут русские люди. Но Советского Союза уже давно нет, а советские люди остались, с советским мировоззрением...

У нас атеистов-то нет практически, а есть безбожники – те, кто живёт без Бога. И я думаю, что у них самое великое счастье впереди, и вы про это как раз пишете, что какой бы темной ни была их жизнь, когда для них воссияет Божественный свет, они становятся по-настоящему счастливыми и радостными. Но радость эта такая, конечно, со слезами на глазах...

Как человеку, особенно молодому человеку, удаётся пройти сквозь все преграды и заслоны этих бесовских искушений? Соблазны приходят в мир, но горе тем, через кого они приходят, говорит Евангелие.¹ Поэтому тот, кто соблазняет – самый большой преступник, больший, чем тот, кто соблазнился. Преступники те, кто будучи с виду нормальными людьми, снимают такие фильмы, печатают огромными тиражами такие книги, которые развращают молодёжь, сбивают с толку.

У вас есть замечательная мысль о крещёной крови, я первый раз от вас это услышал. О том, что все мы – потомки крещёных людей,

¹ Мф. 18, 7: *Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит.*

которые причащались Плоти и Крови Христовой. И это теперь в нас, передалось нам от предков. Часто можно услышать, что генетически мы православные. Здесь даже не в генетике дело, а в том, что это на самом деле передача крови, которая потом взыскует дух. Может быть, это нас и спасает.

– Да, это тоже передаётся по наследству.

У моей книги «БезОтцовщина» двойной смысл. Бывает, когда в семье нет родного отца, или он есть, но такой, что уж лучше бы его и не было. А бывает обеспеченная семья, в материальном плане всё есть, но полное безбожие. А когда в семье нет Отца Небесного, нет Бога, то в жизни, при любых финансовых избытках, всё какое-то неудовлетворение, чего-то не хватает. А не хватает главного.

Вдумайтесь в эту фразу – «герои гражданской войны»... Герой братоубийственной войны – трудно придумать что-то более циничное и ужасное. И что такое революция? В книге «Из рода в род» у меня описан фрагмент разговора с одним учёным, который преподавал в университете и был осуждён, причём по политической статье. В зоне он приобщился к вере. И вот он мне рассказал: «Вдруг мне стала приходить мысль, что же означает слово “революция”. И однажды я как бы сплю и не сплю, некое видение возникло, это было где-то часа в три утра примерно. Вижу страшную чёрную точку, она проявляется и превращается в книгу, которая колышется в подвешенном состоянии. Книга серого цвета, в ней ни одного слова. И вдруг на сгибе её вырисовывается красная кровавая точка. Она расплзается влево и вправо, проявляется слово “революция”, а потом это слово разделяется надвое – “рёв люцифера”! И тут меня пробила дрожь, я похолодел от ужаса, побелели пальцы. И тогда я сквозь зубы начал процеживать “Господи, спаси и помилуй”...» Понимаете? Вот, что приходит к людям, какое осознание.

Мы просто не знаем глубинные смыслы многих слов и бросаемся словами по гордыне или от безтолковости, не зная, какие будут последствия.

– А как вы относитесь к цензуре в области печати? Теперь в наших храмах разрешено распространять только те книги, которые одобрены Издательским советом Московской Патриархии.

– Прекрасно, что у нас есть Издательский совет, куда отдают на рецензирование книги. В советское время цензура была, конечно, что-то вырезали, были у писателей неприятности из-за подпольных изданий. Есть и хорошие книги, которые издавались таким образом. Но мне кажется, вообще без цензуры нельзя. Вот мы начинаем с пафосом говорить: «Какая там цензура, что мы, сами не можем?» Вы знаете, не можем.

Когда ребёнок рождается, появляется в семье, мать и отец следят за его поведением – это и есть цензура: что сказать, как себя правильно вести. Даже как правильно себя вести за столом – это тоже цензура. Как бы это не называлось, но родительский присмотр за поведением, воспитанием своего дитя необходим.

А когда у нас полное своеволие пошло, сразу появилась куча каких-то «писателей», «врачей», «учёных», – кого угодно. Но ведь все книги и фильмы должны проходить очень тщательный отбор. Смотрите, даже старые советские наши фильмы, особенно военные, всегда аналитически оценивал цензор, – полковник или генерал, который внимательно все просматривал...

– Консультант.

– Консультант был обязательно. И он очень строго к этому относился. Если фильм о войне, то участник войны обязательно при этом был.

Все мои работы писались в Оптиной пустыни, мне от монастыря дали квартиру в Козельске, и мы с супругой там находились. При создании некоторых глав, духовно не очень простых, мне требовалось часто причащаться. Например, работая с главой в «БезОтцовщине», которая называется «Смотрящий крестов», я причащался семь раз, чтобы довести её до конца, потому что своими силами и своими мыслями это описать невозможно. Там речь идет о судьбе человека, который участвовал в расстреле монахов, и о том, как дальше преобразилась его жизнь. Когда ему поставили диагноз «тиф», и он почти умирал, ему было видение того монаха, которого он расстреливал. Монах, стоя в алтаре спиной к нему, сосредоточенно и упорно именно о нем читал молитву, о его здравии. И под утро он почувствовал себя легче, его даже забрали из той камеры, где лежали уже одни умершие. И так произошло преобразование человека. А смысл события был в том, что он, как мог, пытался сопротивляться, не хотел стрелять, но какая-то неведомая сила заставила его поднять карабин и выстрелить именно в этого монаха. Видимо, его нежелание, сострадание и боязнь направить ствол в сторону человека в облачении, в рясе, этот монах и почувствовал. И уже находясь там, в ином мире, он исцелил болящего и телом, и душой.

Таких моментов много в жизни. И прежде чем что-то описать, надо очень долго все обдумывать. Как приходится сеятелю вспахать поле, бросить зерно и ждать, когда оно прорастёт, то есть, иным словом, надо ждать, когда созреет настоящая мысль до очень хорошего сценария для написания того, что ты хочешь выразить в этой ситуации.

– Чем же отличается именно русская культура? Она была построена на православном мировоззрении. И в основе её понимание, что если человек совершает грех, он становится другим. Самое известное произведение в этом роде – «Преступление и наказание». Ну, убил никчемную старушку, разве это такое уж преступление? Среди молодёжи сейчас это очень распространено: убивают бомжей, бьют стариков, на людей на улице стаями нападают. Вроде бы, что такого, так живут все. А Достоевский показал, что человек потом уже не может жить спокойно – мучает его совесть, мучает день и ночь.

Вся русская литература об этом. И современные наши писатели, например, наш самарский Александр Громов, который, кстати, тоже номинант Патриаршей премии. Рассказы у него замечательные, и в конце часто совершенно необычный финал. Мне запомнился рассказ о том, как один человек пригласил к себе в гости старого друга, с которым много лет не виделись. Встретились, посидели хорошо так. Друг его уже стал каким-то известным телеведущим. И вот он ночью соблазнил жену хозяина дома, думая, что тот спит, но обманутый муж все заметил. По всем стандартам он должен был что устроить? Скандал, драку, спустить гостя с лестницы, с женой развестись... Друг уехал, а он встал на колени перед иконой и сказал: «Это я виноват, я, прости меня Господи, что так получилось». Не стал винить ни жену, ни друга, но только себя за то, что он в своей жизни, значит, не так себя вёл, не так любил, не с теми дружил, – и в результате случилась эта беда.

Эта совестливость всегда была свойственна русской литературе. А взять современную литературу, кинематограф, например, фильмы «Брат» и «Брат 2». Главный герой может убить десятков людей, а потом включить магнитофон и спокойно сидеть и слушать музыку, – но ведь это неправда, так не бывает. Вы же, как писатель, каждый раз, мне кажется, сначала интуитивно, а потом вполне сознательно показываете, что если человек совершает грех, если он убивает, грабит, унижает, то он прежним не остается, он уродует себя духовно, жизнь его превращается потихонечку в ад. Из этого ада, как вы отмечаете, есть один выход: «Прости, Господи, прости!» – обращение к Богу.

И самое интересное, если бы не было таких финалов в изображении этой жуткой, страшной, адской жизни, то, наверное, ваши произведения и читать было бы слишком тяжело. Вы пишете о таких явлениях, о которых со слезами на глазах читаешь. Но потом радость, что этот человек, обратившись к Богу, обретает опять свою душу. В этом правда духовной жизни человека, вообще правда жизни.

А что сейчас нам говорят? «Только раз живём! Развлекайся, смотри развратные фильмы, обманывай, предавай, воруй, блуди, наслаждайся – ничего тебе не будет». Не будет, думаете? И вот даже лозунг «Бери

от жизни всё!» – хороший лозунг, если его дописать: «Бери от жизни всё доброе, всё полезное».

Вы состоявшийся русский писатель, представитель правдивой, духовно-правдивой литературы. По вашим книгам можно определить и ваш внутренний путь. Теперь вы дошли до описания монастырской жизни, это тоже естественно. Про добро писать – самое трудное, а уж про монашество, так это вообще невозможно. Трудно понять, познать его. Кто такие монахи? На одну телепередачу пригласили игуменню, ведущий спрашивает: «Ну что, в монастырь-то идут, наверно, от неудач в жизни люди, которые не состоялись, ничего у них в жизни не получилось?» А матушка говорит: «Не состоялись, это как примерно? Не стали генералами, не стали президентами? Так у нас в стране таких большинство, кто не стал президентом, генералом, миллионером». Нет, вот уж когда про монастыри говорят, я точно знаю, что туда приходят иногда ой как состоявшиеся в жизни люди. Просто это как и к крещальной купели Господь Сам приводит людей. Так и в монастыри только Сам Господь приводит. Если ты лишь по своей воле идёшь, по какой-то своей причине, а не по Божиему призванию – долго там не проживёшь. Очень неправильное понятие «ушёл в монастырь». Если ты ушёл, ты и дальше – ушёл. А надо говорить «пришёл в монастырь». Там, обретя родной дом, человек получает силы исполнять свой долг, своё призвание, служить Богу, Отечеству, семье, ближним.

– Я часто приезжаю в Оптину, причащаюсь постоянно у отца Серафима, сейчас он в схиме. Он второй священник по счёту в той зоне, где первым настоятелем был иеромонах Василий (Росляков) – один из трёх оптинских монахов, которых на Пасху убил сатанист. Кстати, заключённые отца Василия помнят и очень чтут. Там есть двое заключённых, которые уже по третьему разу в этой зоне, и они его очень хорошо вспоминают. По воспоминаниям знавших о. Василия, у него был потрясающий дар: он умел слушать. Он умел так выслушать человеческую боль и скорбь, что люди минут по сорок стояли на коленях, дожидаясь, чтобы рассказать о своей беде. Он, говорят, особых советов не давал, но так сострадал и умел выслушать человеческую боль, что люди получали огромное облегчение.

Однажды, когда закончилась служба в тюремном храме, к нам подходит молодой заключённый и спрашивает: «Батюшка, что такое чудо?» И вот как ему отвечает монах: «А чудо, брат мой, это то, что ты принял святое крещение и попросил прощения у отца с матерью». Понимаете?

– Об отце Василии мы писали в нашем журнале и публиковали его стихи. Мы делали номер о монашестве и в нём была рубрика «Мона-

пеская поэзия». Он же поэт ещё замечательный, стихи прекрасные писал.

– Да. А до монашества он был знаменитым спортсменом по водному поло, очень известная личность. Так вот, заключённые сами написали три образа убиенных монахов, в середине стоит отец Василий, а слева и справа – отцы Трофим и Ферапонт. Причём их никто не обязывал, никто им не говорил, они вдруг сами взяли и написали, узнав об их великой кончине.

– **Замечательно!**

– В книге «Шамординские истории» есть глава «Послушай меня, сестра». Там описываются судьбы людей, которые оказались в обители по разным причинам. Я часто бываю в этом монастыре с супругой, мы там причащаемся. И прежняя настоятельница, к сожалению, уже почившая, нам создавала все условия для жизни в монастыре, мы просто насыщались той благодатной атмосферой.

В этой главе я поместил разговор с одной женщиной, с которой мы довольно долго гуляли по монастырю. Она, в прошлом бухгалтер очень известной фирмы, однажды совершила роковую ошибку, причём, как она сказала, по своей глупости, и была осуждена. «И вот, – говорит, – знаете, настоящая любовь проявляется в минуты горя, потому что когда радость и достаток в семье, это как-то не особенно чувствуется. Но когда приходит несчастье, тогда-то и проверяются близкие и родные на то, что такое на самом деле любовь. Мы с мужем прожили восемнадцать лет, и он всегда мне говорил, что я его любимая, но как только меня арестовали и забрали, он сразу от меня отвернулся. Значит, я не была им любимая. И вот когда в зоне мне стало невыносимо тяжело и плохо, я впервые в жизни пришла в храм. И почему-то подошла к иконе Божией Матери «Взыскание погибших». Наверное, погибшей была моя душа. Стою я, слезы текут, и вдруг чувствую, как кто-то сзади подходит и очень мягко промокает мне глаза. Поворачиваюсь, как в полусне, и вижу удаляющуюся необычную Женщину. Я спрашиваю Её: «Кто Ты? Я здесь Тебя никогда не видела». Она говорит: «Видела, только не обращалась». Я поворачиваюсь к иконе, а это Она – Взыскание погибших...»

У этой женщины сегодня всё хорошо сложилось, слава Богу. Она уже освободилась, у неё есть любимый, наладились отношения с дочерью.

– **Сейчас вопросы семьи очень важны для молодежи.**

– Когда встречаюсь с молодёжью, то всегда говорю: «Знаете, у вас впереди очень красивая жизнь. Красивая, интересная и очень ответственная. И у вас будет своя семья. Обращаюсь, прежде всего, к вам, ребята.

Когда вы произнесёте эти простые и великие слова: «Я тебя люблю, выходи за меня замуж», – знайте, девочку надо беречь. А беречь девочку – это означает, что надо вести себя так, чтобы у неё на душе и под сердцем всегда был покой, потому что оттуда выйдет продолжение вашего рода. А вам, девчата, парня надо вдохновлять. По-хорошему, по-доброму, по-светлому. Чтобы он знал, что любят и ждут только его, что дома тепло и уют только для него, и тогда он будет бежать домой со всех ног. Поэтому стройте семейные отношения бережно. Да, будут какие-то неприятности, какие-то несогласия. Но есть такое понятие: выдержанное вино. Оно долго хранится и становится выдержанным только у того человека, который понимает, как взращивать виноградник, когда собирать урожай, как ухаживать и как хранить. Только в этом случае вино имеет весь букет красоты, ощущений, когда доводится до своего окончательного качества. И наша жизнь, чтобы стать, как выдержанное вино, требует понимания и терпения.

– В наши дни издаётся очень много книг разного жанра, разного уровня. Есть хорошая литература, а есть душевредная. Как среди большого количества выбрать настоящую?

– Когда произносят такую фразу, она почему-то всегда вызывает насмешку, но у неё есть очень глубокий смысл: «Книгу не читал, но знаю...» Книга – как готовое блюдо, а у каждого блюда есть свой повар – писатель. Чтобы дать оценку книге, которая тебе попала в руки, её и читать не надо: если знаешь имя её «повара», ты уже будешь знать, каково качество этого «блюда». Но если ты не знаешь писателя, открой книгу и, как пробуют незнакомую пищу на кончик языка, так и ты – пробегись по одной-двум страницам и поймёшь, насколько это продукт качественный и можно ли его употреблять.

– А какое новое «блюдо» вы готовите? Над чем работаете?

– Сейчас пишется новая книга, там очень много рассказов. Она чем-то будет похожа на «Шамординские истории». И, знаете, на чём хочется немножко остановиться, в этой книге большая глава посвящена детскому юмору.

Детский юмор, он очень пронзительный, поучительный и точный. То, что подмечают дети, нам, взрослым, порой от усталости, от загруженности увидеть уже не дано. Готова глава, которую я частично опубликовал в «Роман-газете», называется «Смешинки от Маринки». У меня внучки, Маринка и Милочка. Маришка уже подросла, она в седьмом классе, а Милочка во втором. Дети очень любят, когда с ними говорят, как с большими. Когда с ними разговариваешь, как с большими, они

охотно раскрываются. И вот что я бы посоветовал своим взрослым читателям: детям надо очень много читать, очень много.

Милочка наша любит с дедом попить чай по вечерам: «Дед, попьём чай и потремим за жизнь», – она любит такие, знаете, житейские разговоры. Мы как-то сидим с ней за столом, и я говорю: «Милочка, когда девочка сидит за столом, она должна спинку держать ровненько, кружечку вот так поставить, а локоточки – вот так, и будет красиво». А она подперла щёчку, чай помешивает и тоном пожилой женщины говорит: «Дед, ну, не бухти, давай поговорим о серьёзных вещах».

Мы каждый вечер стараемся читать с детьми Евангелие, и часть главы всегда читает Маришка. Как-то раз вернувшись из Москвы, где у меня был эфир на телеканале «Спас» и на радио «Радонеж», я, уставший, ушёл в себя и не слышу чтение. А Маришка зорко за мной наблюдает. Закончила читать, подходит ко мне и говорит: «Дед, ты, конечно, можешь по-разному расценивать мои наблюдения, но, глядя на тебя, у меня сложилось устойчивое впечатление, что ты последние два дня далеко отошёл от Православия». Дети такие вещи замечают.

Младшая тоже очень рассудительная. Как-то веду Милочку из школы, что-то мы с ней обсуждаем, и я произношу: «Ну и слава Богу». Она останавливается и говорит: «Дед, конечно. А кому же ещё?»

Маришка, когда училась в четвёртом классе, внезапно увлеклась историей, и я это сразу стал поддерживать. Однажды, посмотрев историческую передачу, она нашла меня и говорит: «Дед, я сейчас смотрела передачу о Бородино и пришла к такому умозаключению...», – такая уж серьёзная у неё речь. «И к какому?» – интересуюсь. «А к какому, что Наполеон был человек очень глупый». – «Почему же ты так решила?» – «Понимаешь, дед, умные люди на Россию не нападают, умные люди с Россией дружат, и от этого становятся только богаче. А нападают люди глупые, которых мы всегда побеждаем». Вот мысли девочки-четвероклассницы в семье, где читают Евангелие и обращаются с девочкой, как с большой. Дети очень ценят такое отношение.

У нас есть сосед Колька, пяти лет – страстный поклонник футбола. Болеет за одну команду, которая вечно проигрывает. И вот однажды, когда начался очередной чемпионат, он подходит к иконе Спасителя и говорит: «Боженька, помоги нашим выиграть!» – а потом наклоняется и шёпотом: «Наши в красных футболках».

Были у нас как-то замечательные люди в гостях, актёр Александр Михайлов, хорошо известный по фильму «Любовь и голуби», с семьёй. Мы их провожаем, я напоминаю: «Маришка, что нужно сказать, когда уходят гости?» Она говорит: «Слава Богу!»

Такие истории, вроде бы и простенькие, но они всегда, что называется, в «десятку» и надолго запоминаются. По Москве уже, кстати, гуляет очень много таких моих юмористических зарисовок из «Роман-газеты». Люди даже не знают, откуда это пошло, они просто как-то растворились, разошлись по Москве.

– Да, у нас такое тоже случается. У нас в обители рядом с храмом Креста Господня – святой источник с деревянной купелью. Летом вокруг зеленая трава, цветочки. Когда храма еще не было, народ там пикники устраивал, а сейчас – ограда, монастырь. И теперь туристы, омывшись в источнике, располагаются на отдых за оградой.

И вот как-то раз две молодые девушки на травке в купальниках загорали, вдруг одна говорит: «Давай в храм зайдем». – «А можно?» – «Можно-можно, пойдем!» Поднимаются по ступенькам церкви, одетые как есть, вернее, раздетые. Их встречает дежурный монах и говорит: «Голубушки, в таком виде в храм входить нельзя». Они разворачиваются (послушные оказались девочки), смиренно спускаются, и одна другой говорит: «Я тебя предупреждала, что без платков не пустят».

Совершенно реальная история из нашей монастырской жизни. И я как-то в Белгороде рассказал её митрополиту Иоанну, когда был там на конференции. Владыка юмор оценил, рассказал потом эту историю где-то в синодальном отделе, представитель отдела упомянул о нем, давая интервью одной американской газете, и этот случай пошёл гулять как анекдот сам по себе.¹

И на самом деле современная жизнь даёт интересные наблюдения, и их очень много.

– Хочу сказать, что любой эпизод, который бы ты ни описывал, даже трагичный, любая история и книга в целом, – все должно заканчиваться созидательно. Всегда! Никогда нельзя оставлять читателя в унынии, в депрессии, в безысходности. Каждый рассказ и каждый эпизод нужно вынашивать, просто реально вынашивать в себе. Поэтому я написание каждого рассказа брал благословение.

– Недавно я пришёл к пониманию, что такое «счастливое детство». Как определить, было ли оно на самом деле счастливым? Счастливое детство – это когда детство заканчивается, а счастье, которое греет

¹ «Патриарх Кирилл осудил унылую женскую одежду и призвал женщин внимательнее относиться к внешнему виду, когда они посещают церковь, чтобы создать для Православия более радостный и современный имидж. Протоиерей Всеволод Чаплин, глава Синодального отдела по взаимоотношениям Церкви и общества, призвал прихожан одеваться пристойно и подтрунил над настоятельным требованием носить головной платок, рассказав анекдот: «Две девушки, одетые в бикини, заходят прямо с пляжа в мужской монастырь. На них смотрят косо. Одна шепчет другой: «Я же говорила, без платка на голове нельзя!»» The New York Times. «Moscow's New Dress Code: Less». By Sophia Kishkovsky. Published: August 23, 2010.

человека всю жизнь, остаётся. А если и детство, и счастье заканчиваются, то это не счастливое детство.

– Да, а сколько детей вообще счастья не знало...

– Тогда Господь даст это счастье. Встреча с Богом – это начало жизни, вот тогда и начинается счастливое детство. Для мира, может, ты уже и старый, а для Бога только родился.

– У меня в книге описывается один эпизод, когда у деда спрашивают: «Бабушка-то твоя где?» А он говорит: «Ну как где? Да опять до Бога пошла». Понимаете? В храм.

– А ещё мне нравятся слова нашего современника преподобного Порфирия Кавсокаливита: «Лучше меньше говорите детям о Боге, а больше говорите с Богом о ваших детях». А уж Господь Сам даст им всё необходимое.

Мне хотелось бы завершить наш разговор фразой из вашей книги о том, как один пожилой человек, который после окончания срока остался, как вы пишете, при храме в тюрьме. На вопрос: «Почему мы так живём?» – он что вам ответил? «Не на том месте живём. Выдернули нас и выбросили».

Выдёргивали семьи, целые роды разрушали, люди утаивали свои фамилии, чтобы сохранить жизнь. Знали, что если расскажут детям, внукам о своем происхождении, то они ни институты не закончат, ни хорошей работы не получат...

– Такая была политика, такое общество.

– Но одну фразу моей бабушки я хорошо запомнил. Когда я, будучи советским школьником, по-пионерски вдохновенно восхищался, как хорошо мы живём, она мне ответила просто: «Если бы этого не было, мы бы жили ещё лучше».

Радостно, что сейчас, рождаются другие дети, другое поколение. Из Священного Писания известно, что четыре поколения страдают по грехам родителей. Поколение 90-х годов, которое наркомания выкосила – это как раз четвёртое, последнее. Сейчас уже другие дети, слава Богу.

– Мои внуки, например, очень гордятся, когда идут с крестным ходом. Или вот эта прекрасная акция после парада Победы, которую Путин ввёл – «Бессмертный полк».

Это поразительно, какое количество людей собирается! Ведь никто не рекламировал, не агитировал, не давал команды. Это просто, что называется, «Вставай, страна огромная». И мои внуки с таким трепетом несут фотографии дедушек, Героев Советского Союза. Они счастливы, что у них такое прошлое...

«Бессмертный полк». Симферополь. 2015 г.

– Да, конечно, какие герои в роду были! Дети теперь весь год готовятся, ищут фотографии, биографии, печатают, клеят плакаты, шьют себе форму. Этот проект, наверное, открыт Богом нашим людям для восстановления связи поколений.

– Дети ждут этого дня, как Пасхи.

– Благодарю вас за наш разговор. Мы живём на этой земле до тех пор, пока нужны здесь Богу, пока исполняем своё призвание, которое Он поручил нам. Желаю, чтобы вы и дальше были нужны Богу, нужны народу, Отечеству. Ваши книги на самом деле настолько глубоко и целительно ранят, пробуждая сердце и показывая, в Ком спасение.

– Как говорила моя бабушка: «Ничем помочь тебе не могу, а переживать за тебя буду».

ВОЛКИ

В начале двухтысячных была у меня встреча с одним на вид еще крепким стариком. Как-то так сложилось, что мы оказались рядом, и у нас завязался разговор. В начале вроде как ни о чем, а потом он незаметно приобрел глубокий, серьезный смысл. Размышляя о разных жизненных ситуациях, мы постепенно подошли к одной, необычной человеческой судьбе, которую поведал мне этот пожилой человек. Я долго хранил в себе эту пронзительную историю, словно ждал, когда наступит ее час. И вот ее время пришло. Послушайте теперь вы.

– Знавал я одного мужичка по имени Михей, – начал старик. – Его судьба была нелегкая, а порой и жестокая. В начале пятидесятых прошлого века он сидел в тюрьме.

Власти в те годы по-прежнему лютовали, судили за всякую малость: за косою взгляд, за донос соседа, за сокрытое ведро картошки. За всё. В заточении многое переосмыслишь. Там даже нары говорят: остынь, сядь и задумайся. Любое дело, пусть самое хорошее, нельзя делать сгоряча. Дерганных нигде не любят, а в «зоне» особенно. Тюрьма северная – место ой какое нелегкое. Там, в стылой неволе, до боли на волю хочется.

Была зима. Вторую неделю стояли лютые холода.

Мороз за тридцать, казалось, пробирал Михея и еще несколько десятков осужденных работяг насквозь. Пробирал до печенок, до желудка. Синие руки и плохо обутые ноги, синяя, едва закрытая застиранной портянкой шея, с выступившими крупными пупырышками. Много раз перемороженные уши, висевшие уродливыми лопухами, были привычным и даже обязательным довеском к обмороженным пальцам без ногтей.

Прокладывали железнодорожную колею-однополоску через глухую тайгу к обнаруженным залежам медной руды. Было так холодно, что, казалось, замерзло все. Замерзло даже постоянное нестерпимое чувство голода, от которого часто кружилась голова, слабость переходила в тупую заторможенность, речь становилась вязкой и путаной, а от начинающейся цинги кровоточили десны и ломило последние шатающиеся зубы. Часто наступали легкие игривые галлюцинации, и тогда даже маленькая еловая ветка чудилась громадным стволом, через который не переступить. Сколько же там полегло, замерзло и сгнило людей! Каждая шпала – судьба одного, а то и десятков погибших от голода, холода, заеденных комарами и вшами людей.

Из работяг к Михею льнул один политический, учитель истории по имени Арнольд, молоденький очкарик. Он как-то сразу прибилсь к нему, бывшему молотобойцу, почувствовав в нем редкие для этих мест простодушие, доброту и сострадание. Михей подкармливал почти прозрачного от голода историка, отламывая ему половину от своего черствого кусочка хлеба, хотя сам исхудал так, что почернело лицо и впали глаза. Но уж больно слаб был учитель.

Окончательно сдал паренек, когда у него от мороза лопнули очки. При его зрении, минус 8, Михей стал для него настоящим поводырем. Парень мог передвигаться, только держась за фуфайку Михея. Он постоянно щурился и часто по-детски шептал кузнецу с заиканием: «Н-не б-бросай...»

Сам Михей тоже был в определенной степени политический. Ему дали стандартные десять лет за невыполнение плана в сельской кузнице. Ковал заказанные скобы и не уложился в срок. Стоя у огня вторые сутки без сна, Михей присел отдохнуть и не заметил, как уснул. Разбудил кузнеца своим резким криком оперуполномоченный в кожанке и пистолетом «ТТ» на ремне. Он бил Михея скобой и орал с визгливым прибалтийским акцентом:

– Где прадюкция?! Чтоб ви сильно работали, я закручиваю тибе здесь гайку!

Проснувшийся от боли и истерики комиссара Михей потемнел лицом:

– Говоришь, гайки закрутишь? Смотри, резьбу не сорви, – процедил сквозь зубы кузнец, сплевывая кровь.

Скоро всё было оформлено как положено: арест и законные десять лет без права переписки. Да и переписываться-то особо было не с кем, благо бобыль. Не сладилась у него жизнь в свое время с одной хорошей женщиной. Муж ее умер от тифа, она уже вроде бы и решилась сойтись с Михеем, да в последний момент передумала, видно суженого своего по-прежнему любила и не могла забыть. А Михей потом больше ни на кого так и не посмотрел.... Колею прокладывали в срок. Мороз, голод, кровавые мозоли и частая смерть в счет не шли. Кайло, тачка и мотодрезина с веселым названием «пионерка» – главные помощники в строительстве дороги в «светлое будущее». Промерзшая на несколько метров земля неохотно позволяла ковыряться в себе, а угрюмая тайга так и норовила отомстить человеку за массовую её вырубку под корень упавшей кому-нибудь на голову вековой сосной. Мороз временами уступал раскалившемуся человеческим

нервам и злости на всё. В том числе и на светлое будущее. От всего этого у Михея окончательно созрела давняя мысль – бежать. Хоть куда, но бежать. Желание засело накрепко, это вдохновляло и придавало сил. Последней каплей была смерть историка. Как тогда от мороза у паренька лопнули очки, так у кузнеца вконец лопнуло терпение, и он бежал.

Снес промерзшего до костей хлипкого охранника – и в тайгу. Скоро горячность стала проходить. Густой лес и глубокий снег быстро остудили беглеца. Пустышная еда закончилась. Михей стал по-настоящему замерзать. Единственной оставшейся спичкой он, как мог осторожно, разжег костер. У огня грел поочередно то спину, то живот, то ноги. Сил не осталось. Зато появились отчаяние и страх.

И вдруг волки! Сначала два, потом всё больше и больше. От их вида кровь стала горячей. Мужик не мигая и не шевелясь, чтобы не злить их, следил за стаей, а звери за ним.

И тут случилось необъяснимое: беглый заговорил с вожаком волчьей стаи спокойным, неторопливым и даже смиренным голосом. А волки, – волки постепенно перестали рычать, скалиться и щетиниться, присели, потом прилегли и стали слушать.

Михей им рассказывал свою жизнь. О доме, о матери, не перенесшей ареста единственного кормильца, о той женщине, которая была ему по сердцу и могла бы быть с ним, да как-то не сложилось.

О детях, которых он очень хотел иметь, но так и остался бобылем. О своей кузне, о родичах, о том, что тятя и дед тоже были кузнецами. Это у них фамильное. Но дед сгинул в гражданскую, отца, погибшего нелепой смертью на реке, он почти не помнит. Как он, тогда еще совсем юный, встал за кузнечный молот, чем и кормились с матерью. Михай рассказывал волкам о своем хозяйстве, о лошади и корове. Человек разговаривал со зверями по - ч е л о в е ч е с к и. А они слушали, притихнув, будто задумались и о своей нелегкой волчьей доле. Один из них даже положил голову на спину своей волчице.

По серому рассвету звери вдруг стали безшумно уходить от костра, а Михай пошел следом за стаей по волчьей тропе. Почему он так поступил – объяснить не мог даже себе. Возможно потому, что волки его в полном смысле слушали, словно понимая, о чем говорил человек. Когда волки уходили, их морды не были звериными. Они словно прочувствовали всю боль человеческой судьбы.

Удивительно, но вскоре волки вывели Михея на охотничью заимку. Беглец был спасен. В сухом, неприметном, умело срубленном домике в мешочке под потолком находился необходимый охотничий набор: сухари, соль, спички и не менее важное – нож. Все было укрыто белой тканью, на которой отчетливо читались написанные углем почти монашеским слогом слова: «Зашедший, утолишь малым, ибо следом идут другие».

– Вот так-то, дружище, – закончил свой рассказ старик. Доброе слово прошибает даже зверя, а вот люди друг друга понимать почему-то перестали. Даже зверь успокаивается и перестает рычать, если с ним по-человечески говоришь.

Старик ушел. Я еще какое-то время находился под впечатлением его воспоминаний. А потом внезапно осознал: этот крепкий пожилой человек и был Михай. Это он о себе рассказывал. И повествование его было в определенной степени покаянием и нравственным жизненным уроком для многих из нас.

СМЕШИНКИ ОТ МАРИНКИ

Предлагаем вниманию наших читателей подборку детских юмористических высказываний, собранных писателем Виктором Николаевым, и надеемся, что искренность и непосредственность маленьких «философов» заставят вас улыбнуться и вспомнить детство.

Маришка долго чистила зубы, затем с удовлетворением произнесла:
– Ну наконец зубы закончились!

Федор, 6 лет, смотрел мультфильм «Малыш и Карлсон».

Услышав, что Малыш стоит сто тысяч миллионов, стал дипломатично выяснять у родителей, сколько стоит он.

– Тебе цены нет! – сказал папа.

– Значит даром... – горько вздохнул Федя.

Василек, 5 лет, в Москве увидел группу корейцев и удивился:

– Сколько бывает близнецов!

Марфа Максимовна

Лера, 4 года, распознав подвох от девочки на игровой площадке, тут же предупредила:

– Лиза, учти, ты своим пальцем вокруг меня не обведешь!

Ей 3,5 года, учит алфавит. Дошла до букв Э, Ю, Я. Прошу:

– Скажи слово на «Я».

Не раздумывая:

– Яндюк!

Кирилл, 6 лет, родителям:

– Вот вы говорите, что у меня еще столько полезного впереди: школа, армия, институт... А жить-то когда?

Иришка, 5 лет, случайно услышала в одной из песен слова:

«...потому что нельзя быть на свете красивой такой...» – и заключила с досадой:

– Ну вот, уже ничего нельзя, даже красивой быть нельзя!

Сеня, 4 года, курящей маме:

– Не кури! А то опожаришься!

Мама купила клипсы, надела и спрашивает у четырехлетнего сына:

– Коленка, посмотри, какие у меня клипсы. Нравятся?

Колька с восторгом:

– Мама, ты похожа на новую модель «Жигулей»!

Здравствуйте!

Маша, 5 лет, услышав от кого-то о сроке жизни и Царстве Небесном, сидит пасмурная.

– Ты что, Машенька? – спрашивает отец.

– Мы проживем-поживем, а потом улетим на небо?

Плачет и поясняет:

– Я туда хочу, только высоты бо-о-о-юсь!

Маришка, прочитав очередную сказку, задумалась.

– О чем задумалась?

– Да вот, так много размышляю, что даже мозг вспотел!

Маришка, 6 лет, увлеклась физкультурой. Выбор пояснила так:

– Если я не похудею, то конец моей репутации...

Радостно сообщает друзьям:

– У нас скоропостижно родилась кошечка Муська!

Маришку застали расстроенной, даже плачущей:

– Ты что, Мариночка?

Она дрожащим голосом:

– А вот, когда у меня будет четверо детей, как я с ними справлюсь?

Разбегутся, где я их тогда соберу-у-у...

Причастник

– Почему так сидишь?

В ответ:

– Тс-с-с!

– А что?

– Не скрипи полом. Видишь, несу яйца!

Ромка, 3,5 года, приехал с родителями в Германию. Увидел малыша, лопочущего на своем языке, и с удивлением констатировал:

– Мам, гляди, такой маленький, а уже немец!

Димка, 4 года, сирота, в храме положил на канун любимую игрушку и пояснил:

– За маму и за папу...

Маришка была в деревне, видела курятник. Играет дома – сидит нахохлившись. Спрашиваю:

Помощники золотые

Вова, 3,5 года:

– Я за свою жизнь столько на-терпелся!

Шестилетняя Варенька впервые оказалась в Киеве. Читает объявления и с удивлением восклицает:

– Мам, да тут все написано с ошибками!

Иришка надела темные очки старшей сестры и скоро сняла.

– Что, не понравились? – спрашивает сестренка.

Пытаясь не обидеть сестру, Иришка отвечает:

– Понравились. Только отсидели уши...

Петька, второклассник, на вопрос учительницы, почему не был вчера в школе, ответил со вздохом:

– Я опять был в интересном положении. Объелся малины с помидорами и запил молоком...

Митька, 6 лет, пришел домой грязный по уши. Бабушка от увиденного потеряла дар речи. Митька нашел неожиданное и убедительное оправдание, считая, что бабуля обрадуется:

– Ба! Я целый час лечился грязями! Знаешь, помогло!

Мать Петьки в сердцах:

– Ну успокойся ты наконец? Сейчас ремень возьму!

Дед:

– А вот представь себе: приходишь домой, а Петька сидит тихий, смиренный и молчит.

Мать оторопела:

– Ну ты скажешь!

И машинально прижав сына к себе:

– Нет, пусть лучше, как есть. Так мне спокойнее.

Маришка, 3 года. Только что проснулась и вялым голосишком:

– Деда, сделай милость, выверни колготки, только старайся не спешить...

Санька

Веснушки

Богатырь

– И папу.
Не понимает.
– А кого больше?
Мать задумчиво:

В кафе сидят мама с дочкой, четырехлетней Тamarой. Девочка ест мороженое. За спиной громко работает телевизор, идет концерт. Тамара, не оборачиваясь:

- Мама, кто там поет?
- Казачий хор.
- Казачий?! А как козу зовут?

Вадик, 4 года, узнав, что есть пустыня Сахара:

- А очень большая?
- Очень.

Вздыхает:

– Везет же кому-то, сколько сахара!

Вася, 4,5 года:

- Мама, а кому ты молишься?
- Да есть такая молитва о потерянных вещах, – отвечает мама.
- А ты что-то потеряла?
- Да, часы.

Вася мучается, о чем-то напряженно думает. Наконец, решается:

- Ты мне молись.
- Почему?
- Это я их вчера с балкона уронил...

Костя, 5 лет:

- Мама, а ты Боженьку любишь?
- Конечно.
- А папу?

- Боженьку.
Костя погрустнел. Мама:
– Ты что, сынок?
Костя, нахохлившись:
– Папа тоже хороший...

Маришке 2,5 года. Ходит по квартире вдоль стенки, копируя старушку. Так же побряхтывает и прихрамывает. Одной ручкой держится за поясницу, другой за стенку. Я принимаю ее игру, спрашиваю:

– Мариша, никак в спину вступило?

Она останавливается, тяжело вздыхает и абсолютно скрипучим голосишком говорит:

– Понимаешь, дед, возьмет (возраст)...

София

Маришке 5 лет, родилась сестренка, она в восторге. Изображает из себя взрослую женщину. Катает по квартире колясочку, в которой лежат завернутые в пленки кукла, медвежонок и собачка. Просит бабушку:

– Бабуля, спроси у меня: «Женьчина, у вас двойняшки или тройняшки?»

Старшие

На улице нам повстречались давние знакомые. Маришку распирает желание делиться со всеми новостью о новорожденной сестренке:

- А еще у меня есть сестренка, но она беззвучная...
– ?!
– Она пока разговаривать не умеет.

На улице возле храма знакомятся четырехлетние мальчик и девочка. Она:

Дед плохому не научит

- Тебя как зовут?
- Серафим, – отвечает парень.
- Саратовский? – удивляется девочка.

Пятилетний Федька, глядя на икону преподобного Сергия Радонежского:

- Сергей Радостный!

Гриша, 5 лет:

- Мама, я сегодня за Боженьку заступился.
- Как это?
- Я дяденьке возле храма сказал, чтобы он не курил!

Ваня, 6 лет:

- Мама, если я водку выпью, меня Боженька накажет?
 - Конечно.
 - А почему тогда папку не наказывает? – допытывается малыш.
- Мать задумывается. Ваня отвечает сам:
- Наверное, папка с Боженькой еще не подружился...

Алексей, 7 лет, получил по математике тройку:

- Тройка – это хорошо!
- ???
- А Бог любит Троицу!

Папа семилетнему сынишке:

- Павлушка, ты опять с кем-то подрался?
- Не-а, если бы я подрался, я бы сразу похвастался!

Бабушка предлагает дедушке пойти погулять. Дедушка молчит. Тогда Маришка начинает деликатно требовать:

- Дедушка, выгуляй, пожалуйста, бабушку!

Маришка, 3 года. Увидела на даче ежика. Долго рассматривала и с умилением подытожила:

- Ежик нашел себе укромное место...

Урок истории

Она же, 4 года. Понравилось отвечать на телефонные звонки всем без исключения.

Мне понадобилось срочно написать статью в один из журналов. Говорю Маришке:

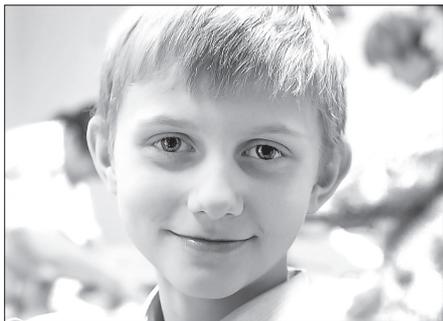
– Если кто позвонит, скажи, что дедушка пока подойти не может, потому что он в творческом затворе.

Маришка крайне ответственно отнеслась к моей просьбе. Сижу за статьей, слышу, звонит телефон. Маришка берет трубку и секретарским голосом сообщает:

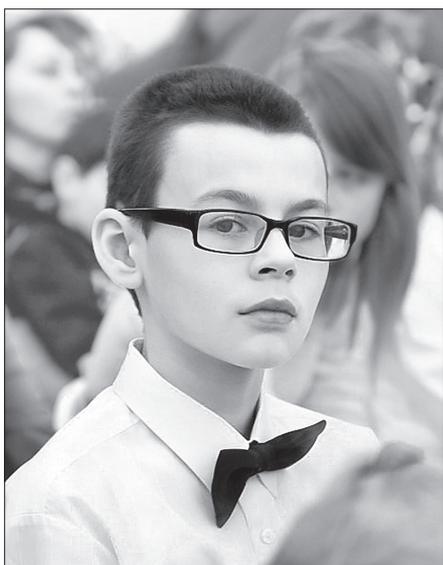
– Простите, но дедушка подойти не может, потому что он в творческом запоре!

Звонивший хохотал минут пять.

Наиболее ярко, с неожиданными поворотами в своей юной философии и категоричности дети проявляют себя, если им дают возможность хотя бы ненадолго стать самостоятельными и взрослыми. Когда читаешь эти откровения и премудрости, где они раскрываются, «как большие», поражаешься и даже не сразу веришь, что это мысли твоего ребенка. В таких ситуациях говорят: «Хохотал до слез!» Наверное, один из тех редких случаев, когда слеза оправдана.

Петр

Джентельмен

Когда время подходило к завершению учебного года, и мою внучку с одноклассниками ожидало расставание с первой учительницей, их попросили в красочном классном альбоме кратко изложить свои мечты и пожелания, а также дать себе характеристику.

Вот некоторые откровения раскрепостившихся четвероклашек:

Оля В.: «Любимая Т. В. (учительница), хочу, чтобы Вам опять удалось воспитать самых воспитанных детей. Немного лучше, чем мы».

Саша Б.: «Дорогущая Т. В.! Хочу, чтобы новый Ваш класс обдал Вас таким же великолепным, радостным и непредсказуемым поведением!»

Витя М.: «Желаю счастья, здоровья, великих учеников и чтобы у Вас вообще не было работы!» (Видимо, Витя имел в виду тяжелую нагрузку учителя).

О себе:

Сережа В.: «Я находчивый, ловкий, оптимист, невнимательный, болтливый, добрый (когда выпался), ленивый (немного).

Увлекаюсь рисованием, пением (в одиночестве). Хочу стать архитектором или агрономом».

Толя С.: «Я юморист, веселый, смелый, чрезмерно охваченный наукой. Хочу стать космонавтом или, в крайнем случае, зубным врачом».

Гриша Д.: «Я умный, красивый, ленивый, начитанный, жалостливый. Мечтаю помогать животным, даже ядовитым. Ядовитым буду пронзительно смотреть в глаза, отчего они подбирают».

Посиделки

Веня К.: «Я быстрый, сильный, хитрый, храбрый. Мечтаю создать формулу искусственной нефти. Хочу стать президентом, ну если не получится, то банкиром».

Вова Ф.: «Я красноречивый, пессимист, злой, коммунист. Собираюсь выдвигать себя на руководящую должность. Увлекаюсь чтением энциклопедий. Мечтаю построить свой танк. Увлекаюсь английским с целью острых размышлений с английской королевой. Всем желаю государственного счастья и энциклопедического здоровья. Думаю, хватит о себе».

Антон В.: «Я эгоист, харизматичный, добродушный, нескромный. В будущем мечтаю стать зубным врачом или кинологом. Хочу создать свою медклинику и помогать бедным».

Но это мальчишки. С девочками все несколько иначе. Они в своих мечтах и пожеланиях чуть взрослее ребят (а может и не чуть), они дальновиднее, прагматичнее и, как бы сказать, приземленнее, то есть ближе к дому. Они, в большинстве своем, несмотря на возраст, играя с куклами, выглядят, как сформировавшиеся маленькие мамы,

Манёк

в самом хорошем смысле этого слова.

Хочется вести разговор только о хорошем, часто детские мечты могут послужить поучительным примером для нас, взрослых. Конечно, девчонки хотят повидать мир: и Нью-Йорк, и Париж, – безусловно, быть самыми красивыми и оригинально одетыми, причем всегда. Хотят, чтобы рядом были реальные папа и мама, бабушка и дедушка, братики, сестренки и вообще вся семья. А четверокласска Даша в своих откровениях пожелала, чтобы ее семья была большая, как класс, добрая мама была бы в нем классной руководительницей,

а папа таким домашним «директором» – строгим и смягчающе отзывчивым.

Завершим разговор о десятилетних гражданах страны рассуждениями уже довольно окрепшего душой сверстника Маришки:

– Я с родителями стал часто ходить в церковь. На Пасху слушал нашего батюшку и пришел к неистребимой мысли, что Бог все-таки прав!

Вот, дорогие взрослые, какие смешные, любознательные и интересные наши дети и внуки. Пусть они пока еще любопытные росточки, но уже ершисто настроенные на большую, полноценную и красивую жизнь. Даже в образе всего лишь одного класса они – космонавты, врачи, учителя, агрономы, философы и, естественно, президенты.

Давайте учтем их юные пожелания и поможем, чтобы детские мечты превращались в добрую, светлую, созидательную взрослую реальность.

В оформлении рубрики использованы фотографии Михаила Тимофеева, Анатолия Чепель, Александра Алпаткина и др.

«Духовный Собеседник» в 2019 году

Жизнеописания отечественных подвижников благочестия, праведников, боголюбцев, исповедников российских из архива митрополита Мануила (Лемешевского).

Поучения святых отцов о стяжании Духа Святого.

Тридцать пять пастырских писем святителя Нектария Эгинского.

Беседа главного редактора «ДС» с членом Союза писателей России, лауреатом Патриаршей литературной премии (2014) протоиереем Николаем Агафоновым.

Статья Петра Мультиатули «Еще раз о мифе “отречения” Государя Императора Николая II».

Продолжение публикации трудов российского мыслителя, политолога и публициста Александра Сергеевича Панарина.

Лекция известного православного журналиста Юрия Воробьевского «Мистика мировой политики».

1-я стр. обложки: Площадь Славы, г. Самара. Фото Михаила Тимофеева.

2-я стр. обложки: Икона прп. Серафима Вырицкого с житием. Иконописец Анна Голубева.

3-я стр. обложки: Архиепископ Ярославский и Ростовский Михей (Хархаров, †2005). Участвовал в снятии блокады Ленинграда, освобождении Эстонии, Чехословакии, дошёл до Берлина.

Монахи Псково-Печерского монастыря – ветераны Великой Отечественной войны. 1985 г.

Издание зарегистрировано Министерством Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПИ №77-7592 от 19.03.2001 г.

Учредитель Самарская Епархия Русской Православной Церкви.

№3(101). Отпечатано в типографии ООО «Экополис», адрес 443034, г. Самара, ул. Енисейская, д. 43.

Подписано в печать 16.04.2019 г.

Тираж 1500 экз. Выходит один раз в два месяца. Возрастное ограничение: 12+.

**ПРИГЛАШАЕМ
ОФОРМИТЬ ПОДПИСКУ
на журнал «Духовный Собеседник»
(144 стр.; 1 раз в 2 месяца)
на 2-ое полугодие 2019 года.**

**Духовный
Собеседник**

- **В любом почтовом отделении России** – наши подписные индексы:
 - 39582 – в объединенном каталоге «Пресса России» (зеленом)
 - П3160 – в электронном каталоге «Подписные издания. Официальный каталог Почта России»
 - 3160 – в официальном каталоге Почты России «Подписные издания».
 - 39582 – в каталоге РУП «Белпочта» (Беларусь).

Напрямую (через банк или иным способом) перечислив денежные средства (из расчёта **290 рублей** за один экземпляр журнала с учетом доставки до адресата - только на территории России) **в редакцию по следующим реквизитам:**

Получатель: ООО «ИТЦ «Софит»

ИНН 6316126890 / КПП 631601001

р/с 40702810003000022347 в Приволжском филиале ПАО «Промсвязьбанк» г. Самара

БИК 042202803 к/с 30101810700000000803

Назначение платежа: Подписка на журнал «Духовный Собеседник» на 2-ое полугодие 2019 года.

на ___ номеров.

КОНТАКТЫ РЕДАКЦИИ:

эл.почта: albina063@mail.ru

почтовый адрес: 443110, г. Самара, ул. Радонежская, 2.

телефоны: +7(846)334-12-72, 336-84-41.

Наложным платежом, обсудив и оформив заказ по указанным телефонам.

**Духовный
Собеседник**